

Ж 93
М 94

ас

**ХОРОШЕЕ
ДЕЛО
БРАКОМ
НЕ НАЗОВУТ?..**

12/2009

МЫ

Бен БАРНС

12/2009

СОДЕРЖАНИЕ

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Зарубежный детектив.

Хью Пентикост. Мертвая красавица.
Повесть. Перевод с английского.

Окончание8

Проба пера. Стихотворение из

конверта56

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Алексей Будкин. Если не брак –
тогда как?59

С улыбкой. Домогательства

народов мира67

Письма в «МЫ»2

■ ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Иштван Рат-Вег. Подмененный

Людovic XVII. Перевод

с венгерского. Окончание86

■ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Патрисия Каас: «Вся моя жизнь –

это песня». О суперзвезде

французской эстрады

рассказывает журналист

Ник. Кедров114

Компакт-известия106

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора. Выпуск

про книжки100

■ КИНООБЗОР

На наших экранах71

59

71

106

114

Мы

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, А-130, 125130
☎ Контактные телефоны
8 (499) 150-11-97, 8 (495) 733-32-48
E-mail: magazine-we@yandex.ru

Подписано в печать 24.12.2009 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 4500 экз. Заказ № 1310
© «Мы», 2009

ООО «Принт Экспресс»
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.

За материалы, опубликованные в рубрике
«Проба пера», гонорар не выплачивается.

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

ЕСЛИ Я НЕ ВЫДЕРЖУ ЭТОГО...

Я хочу написать о взаимоотношениях в нашей семье. Я не могу больше так жить, мне надоело выслушивать унижительные оскорбления от родителей. Особенно от мамы. Если я поздно приду с улицы, то меня избивают до такой степени, что просто напросто отшибают память. И сразу, по словам мамы, я становлюсь проституткой, подстилкой, шлюхой, потаскухой и так далее. Мне даже больно вспоминать об этом. Вот сейчас пишу вам и плачу... Плачу от боли в душе и сердце. В душе у меня каждый раз после избиения остаются глубокие раны, и я всё больше и больше начинаю ненавидеть родителей.

Но в сердце всё равно я люблю свою маму, хотя она меня и ненавидит. А вот отца я не люблю, у меня осталась к нему только жалость. Мама меня не любит, она любит мою младшую сестру. Она даже предлагает мне таблетки, чтобы я отравилась и оставила их в покое. Вообще я девчонка неплохая, но понять меня трудно. Я оптимистка, интеллигентная, обаятельная, сентиментальная, искренняя, легко схожусь с людьми. А мама меня не понимает совсем, и я ей не могу доверять – я боюсь. Мне даже становится дико оттого, что я не доверяю своей собственной матери, а доверяю своей любимой учительнице.

Мама постоянно тыкает меня своим временем, в котором она жила, и тем, что в свои пятнадцать лет она еще играла в куклы, показывала концерты маленьким детишкам и так далее. А ей твержу, что я, как и нынешняя молодежь, живу не в ее времени, а в своем, которое сильно отличается от ее времени. Но она всё

ПИСЬМА В «МЫ»

равно не может понять ни меня, ни наше время.

Родители постоянно вдалбливают мне, что мне еще рано ходить на улицу, рано дружить с парнями, рано посещать дискотеки и так далее. Но вообще они не против того, чтобы я ходила на улицу и на дискотеки. И еще мама постоянно мне твердит о «девичьей чести». Она говорит мне, что на мне ни один парень не женится, что я такая никому не нужна. А какая я? Я такая же, как и все. Да, я согласна, что я немножко избалована, но я же всё равно человек, я же всё равно несмышленная девчонка, а моя мама считает так: если девчонка дружит с парнем, то, значит, он ее тискает, значит, она шлюха, значит, она сделала от него тысячу абортот. Ей всего тридцать шесть лет, а она рассуждает, как старуха. Я понимаю – родители хотят мне только хорошего. Но понимают ли они меня? Они совсем не хотят понять, что я уже устала, страшно устала от такой обстановки дома, от постоянных скандалов и от всего вообще. Я знаю, что и они устали, я их понимаю, но они не в состоянии понять меня. Так что же они хотят от меня? Что мне делать? Как дальше жить? А если я не выдержу всего этого? Опубликуйте, пожалуйста, мое письмо, но подписываться я не буду – боюсь, если мама прочитает, то будет очередной скандал. А я уже от них очень устала.

Без подписи
Без адреса

От редакции. Проблемы взаимоотношения отцов и детей наверняка существуют еще с тех самых пор, когда появились и отцы, и дети. Мы тоже много раз писали об этом, но, похоже, – тема эта вечная. Более того: меняются времена, меняется и характер взаимных претензий, поскольку недовольство друг другом в каждую эпоху имеет свои особенности, и проявляется оно по-разному. Детским лепетом кажутся современному читателю конфликты поколений в «Горе от ума» Грибоедова или в «Отцах и детях» Тургенева. Жуткий наив всё это... А вот в наши дни нарисовался такой чудовищный аспект подобных конфликтов, о каком мы прежде не могли даже и подумать, поскольку в понимании многих – и взрослых и детей – подобного в природе просто не должно существовать. Однако наша повседневная жизнь всё больше и больше полнится историями, не замечать которые и делать вид, что это трагическая случайность, уже невозможно.

Бывает, конечно, что родители могут пожурить или наказать провинившегося ребенка. Но не более того. Только вот сами дети не в пример им нередко готовы пойти гораздо дальше и переступить черту священного порога, за которым уже ничего не свято. Отчего это идет – от юношеской инфантильности или от врожденно-го, дошедшего до предела эгоизма, – мы сейчас рассуждать не будем. Вот конкретный пример. Совсем недавно черной неблаго-

дарностью вознамерилась отплатить за материнскую заботу двадцатиоднолетняя Саша – жительница подмосковной Коломны. Прямо скажем – не несмысленная девчонка, взрослая уже. После школы Александра поступила в педагогический институт и собиралась стать учителем русского языка и литературы. Она очень часто говорила, что ненавидит мать, и изводила ее постоянными придирками: и живут-то они бедно, и мать-то любит ее мало... Однажды Саше пришла в голову «светлая» мысль избавиться от родительницы и стать единоличной владелицей квартиры и всего имущества. Девушка она современная, «нашего времени», куклы остались в прошлом, и к своей идее она подошла по-современному. Студентка включила компьютер и, выбрав одного из своих приятелей по «аське», предложила ему убить мать и получить в награду двести тысяч рублей, которых у нее на самом деле и не было – она, собственно, хотела рассчитаться добром, нажитым матерью. Парень обещал подумать, а сам кинулся в милицию... Сейчас в отношении девушки возбуждено уголовное дело, и трудно даже представить, как она и ее мать сейчас смотрят друг другу в глаза...

Не хочется ни в чём обвинять автора письма, тем более что ничего предосудительного она не совершила, да, скорее всего, и не совершит. И тем не менее ее можно пожалеть – очень уж у нее, судя по письму, намечаются общие черты характера с этой самой Александрой: ненависть к родителям, сетования на то, что ее не понимают, не любят или любят мало. Трудно предположить, до какого градуса поднимется ее ненависть к собственным родителям, однако плохие

мысли редко заканчиваются хорошими делами. Как известно, в начале бывает слово.

Нам кажется, что все твои страдания идут оттого, что ты очень круто драматизируешь ситуацию, а твои жалобы на постоянные жестокие избиения – плод неудержимой фантазии. Тем более что чем мучительнее ты описываешь издевательства над тобой, тем основательнее появляется у тебя повод саму себя пожалеть и вызвать жалость у других. Но согласись, представить просто невозможно, что после каждой затянувшейся прогулки тебя избивали аж до потери сознания. Какие бы изверги твои родители ни были, но ты ведь и сама признаешься, что они хотят тебе только хорошего. И здесь одно противоречит другому. Кроме того, побои оставляют следы – синяки, ссадины. И на это бы обязательно обратили внимание твои одноклассники, друзья, учителя. В таком случае твоим родителям пришлось бы держать ответ. Но, судя по всему, пока обходилось без этого. Выходит, и повода для подобных разборок не существовало.

Ты утверждаешь, что мать предлагала тебе таблетки, чтобы ты отравилась. Несомненно – это тоже из области фантастики. Впрочем, ей негде их взять, а во вторых – это уголовное преступление: случись что-нибудь, и тут же всё выплывет на чистую воду. Да и кто такой грех на душу возьмет? Хранить девичью честь или стать потаскухой – это только твое решение. Согласись, все мамы призывают своих дочек хранить эту самую честь. Но многие ли девочки следуют материнским советам?

Ты постоянно твердишь, что родители тебя не понимают. Тебя и на самом деле трудно понять.

Обзывает тебя мать, вроде бы и отравиться предлагает, а ненавидишь ты отца. Из-за чего это он впал у тебя в немилость? Как-то странно у вас в семье происходит. С одной стороны, родители убеждают тебя, что рано ходить на улицу, дискотеку, дружить с парнями. А с другой – они не против. Вот тогда ты и выбирай ту сторону, которая тебе больше нравится.

Да, родители сравнивают то время, когда молодыми были они, и сегодняшнее – время твоего взросления. Но так было всегда, и это понятно: а с чем им еще сравнивать? Не с временами же Ивана Грозного и Петра Первого? Ты хочешь жить, как современная молодежь. Но ведь Александра, которая «заказала» свою маму, – тоже современная молодежь. Только вряд ли ты захочешь последовать ее примеру. И вообще понятие «современная молодежь» – понятие неконкретное, очень расплывчатое и в принципе пустопорожнее. Есть молодежь, которая к двадцати двум годам уже отсидела несколько лет в колонии. А есть их сверстники, которые в этом возрасте уже стали кандидатами наук, чемпионами мира, олимпийскими чемпионами.

Впрочем, всё это частности. Самое главное – тебе нужно найти общий язык с родителями, выйти с ними на доверительный и дружественный уровень общения. Только это можно посоветовать тебе, отвечая на вопрос «как мне жить дальше». Без этого, что ни делай, нормальную жизнь в семейном коллективе трудно себе представить. Непонятно, почему ты до этого еще сама не додумалась, не нашла путей к сердцу близких тебе людей. Если ты легко сходишься с людьми – то почему же ты не можешь сойтись со

своими близкими? Они для тебя остаются в стороне, ты возмнила, что они тебе чужие, а все остальные – за пределами твоего дома – хорошие. Это очень глубокое заблуждение, впрочем, свойственное конфликтующей с «предками» молодежи. Тебе нужно обязательно стать близкой твоим родным. Тем более что ты оптимистка, а значит, должна верить и в то, что такое возможно. Но поверь: в любом случае ненависть – совсем не то, что может стать в твоей дальнейшей жизни поддержкой и опорой для тебя.

СО ЗЛОМ НАДО БОРЬТЬСЯ

У меня был товарищ – Максик, с которым мы дружили с двенадцати лет. Однажды нам попалась книга под названием «Практическая магия». Прочитав ее, мы решили заняться магией. Стали записывать магические рецепты, обряды, искать литературу. Покупая однажды какую-то книгу, Макс познакомился с парнем лет двадцати пяти – двадцати семи, который тоже занимался магией. Он пригласил Макса к себе домой. На следующий день Максим рассказал мне, что у Игоря – так звали парня – есть замечательная литература по магии, и предложил пойти к нему в гости вместе. Что-то меня удержало, и я не пошел. А Макс ходил к нему чуть ли не каждый день. Но я всё время отказывался.

Однажды Максим возвращался из школы, и его побил какой-то парень. Когда я пришел навестить друга, то увидел, как он смешивал сажу с воском. На мой вопрос ответил, что хочет отомстить тому пацану. Я ничего не понял. А через два дня обидчика Макса сбила машина, он попал в больницу и умер от травм. Я сообщил об этом Максиму, а он в ответ только по-

жал плечами и улыбнулся. Потом посмотрел на стену. Я поглядел туда же – там висело распятие, перевернутое вверх ногами. Тут я вспомнил, что перевернутое распятие – знак сатаны. Значит, Максим – чернокнижник!

Я пытался отговорить его, сказал, чтобы он не ходил к этому Игорю. Но Макс был непреклонен. Показав на крестик, висевший у меня на шее, он хмыкнул: «Ты думаешь, эта чепуха что-нибудь значит?! Это всё сказки. То, чем мы с тобой занимались раньше, ерунда. А вот это, – он перевел взгляд на стену, – настоящая магия». Мы поругались, и я ушел.

С каждым днем Макс становился всё более злым, угрюмым, неразговорчивым. Он стал избегать меня... Так я потерял друга. Через шесть месяцев Максим перерезал себе вены.

С тех пор я понял, что со злом надо бороться. И вот уже четыре года занимаюсь белой магией. Буду помогать людям противостоять чернокнижникам. Я отомщу за Максима!

Сергей
Без адреса

От редакции. Казалось бы, что здесь особенного: увлеклись пареньки оккультными науками – интересно ведь, необычно. Дальше уже по инерции продолжали это занятие. Всё бы вроде нормально и никого не касается, только обидчика Макса сбила машина, а затем сам он покончил жизнь самоубийством. Две смерти – вот результат безобидного, на первый взгляд, увлечения, которое, скорее, было для ребяг развлечением. Только на самом деле это развлечение совсем не безобидное, а смертельно опасное.

Само слово «магия» означает

«колдовство», «чародейство», «волшебство», так называют обряды, призванные сверхъестественным путем воздействовать на мир – явления природы, людей, духов. Магия присуща обрядам всех религий. Маги, колдуны, прорицатели существовали во все времена. Нынешний «потусторонний» бизнес учитывает влияние времени – оборот в сфере оккультизма достиг порядка восьмидесяти миллионов долларов в год. Причем такого количества магов и колдунов, как в России, нет ни в одной цивилизованной стране. А как еще, если этот бизнес сулит немалые прибыли?

Большинство современных магов утверждает, что их дар от бога. Однако профессор Макаров, президент профессиональной психотерапевтической лиги России, считает по-другому: «Мне пришлось обследовать народных целителей и заниматься их экспертизой. Могу сказать, что половина из них – шарлатаны и жулики. Еще четверть считает, что у них есть какой-то профессиональный дар, но на самом деле это люди с явным психическим расстройством. И только четверть действительно обладает особыми способностями. Кстати, лучшие из них сегодня активно получают психологическое образование. У них есть врожденные способности и навыки, которым мы обучаем психотерапевтов: умеют чувствовать людей, предугадывать проблемы, обладать даром внушения. То есть занимаются тем, что мы называем "дикой", или "кухонной" терапией. Колдуны активно торгуют надеждой. И, к сожалению, часто берутся за проблему, которую им решить не по силам. Например, за лечение тяжелой болезни. В результате больной человек упускает время и подписывает себе смертный приговор».

Здесь, уважаемый Сережа, хотелось бы обратить твое внимание на очень верное замечание профессора: «Лучшие активно получают психологическое образование...» То есть их обучают так, как готовят профессиональных психотерапевтов. А почему ты вдруг решил, что у тебя есть врожденные сверхъестественные способности? Какими науками и навыками ты для этого овладел? Есть курсы, где учат основам гипноза, методам работы с применением парапсихологии и так далее. Но всё это прошло мимо тебя. Так что, извини за выражение, но похоже, что на сегодняшний день ты просто мастер-самоделкин. А от людей, малокомпетентных в том деле, за которое они берутся, как правило, больше вреда, чем пользы. А вы прочитали несколько книжонок, скорее всего, популярных, рассчитанных на любопытствующих обывателей, и решили, что овладели всеми секретами, которыми полна магия. Сдается, что мы не ошибаемся: твое намерение мстить за друга (кому конкретно, кстати, ты собираешься мстить и насколько это правомерно и оправдано?) категорически противоречит тому, чем занимается белая магия. «Устранять клиентов, причинять людям зло, — говорит профессор Морозов, — этим занимаются черные маги. Мы избегаем контактов с ними, потому что они балансируют на грани уголовных преступлений».

«У нас есть заговоры на все случаи жизни, — утверждает английская колдунья Фоби Анжерер. — Но иногда люди требуют ужасного, они жаждут мести, а это порочно само по себе. Мы же придерживаемся кредо — делай что угодно, но не навреди никому. Мы никогда не будем потворствовать жажде мщения, бушевающей у иных клиентов. Ибо когда он пы-

тается наложить на кого-то проклятие, то карма того человека переходит на него самого».

Есть все основания полагать, что в конечном итоге месть Максима обернулась против него — посланное им зло всё-таки вернулось к нему. Кстати, давно замечено, что среди «продавцов счастья» нет счастливых людей. Ведьмы и колдуны, как и простые смертные, подвержены болезням, у них не складывается личная жизнь. И самые сильные приговоры почему-то на них не действуют.

Ты очень верно заметил, что со злом надо бороться. Но, как говорят в народе, чисто не там, где метут, а там, где не сорят. Вы же с твоим другом, сами того не понимая, может быть, даже просто случайно, выпустили зло, как джина из бутылки, заигравшись в «свою» магию. Истинные тайны магии, ее глубинная сущность, возможности и необходимость пользоваться ею вам остались неизвестны. Извини за грубое сравнение, но ты и твой друг напоминаете обезьяну, которая играет с боевой гранатой. Граната может взорваться, погубив обезьяну, а может и не принести вреда, если не выдернуть чеку, — словом, с какой интенсивностью в нее играть. Вот тебе черная магия вреда не принесла, Максим же погиб. Надеемся, ты понял теперь наше сравнение. Но, по существу, своими неквалифицированными, любительскими действиями вы как раз и несли то зло, с которым ты собираешься бороться. А ведь понятно, что ни в коем случае не следует самим порождать зло и допускать, чтобы оно могло каким-то боком коснуться кого-то. Во всяком случае, людей, которые вас окружают. Бороться надо, но и не следует самим нести в мир это самое зло.

Хью ПЕНТИКОСТ

МЕРТВАЯ КРАСАВИЦА

Повесть

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Окончание. Начало в № 11

Глава 4

Никаких известий от Лидии.

Телефон зазвонил без четверти четыре. Кривич.

- Мисс Мортон не попала в аварию, не стала жертвой преступлений. В больницы и морги не поступала. Считай это плюсом. Согласно данным полиции, за вчерашний день с молодыми красивыми женщинами в Нью-Йорке ничего не случилось. Позволь личный вопрос. Ты с Лидией не ссорился?

- Господи, да нет же! Мы жили душа в душу!

- Даже не цапались? Может, она решила за что-то наказать тебя?

- Мы же не какая-то несчастная семейная пара!

- Я подумал, что обязан спросить. Потому что...

- Потому что что?

- Потому что мне не хотелось бы думать, что она в руках того мясника, который поработал над миссис Стиллзуэлл. Еду к тебе. Никуда не уходи.

Квист подошел к бару, налил в стакан чистого бурбона. Руки, ноги, сердце - всё похолодело. Прошло лишь двадцать четыре часа с того момента, как Кэролайн спустилась к бассейну и ее буквально разрубили на куски. Он, Квист, несет ответственность за то, что с Джонни Типтоу сняли все подозрения и полиция нацелилась на семейство Стиллзуэллов и их друзей. Джэдвин, похоже, потянул за нужную ниточку, и с ним тут же расправились. Дэвид Льюис и Марк Стиллзуэлл могут спокойно спать в загородном особняке, а нанятые бандиты сделают всё, за что им заплатят. Возможно, заплатили и за похищение Лидии. И на чём же будет поставлена точка?

Кривич прибыл меньше чем через полчаса. Мрачный как туча.

- Я всё пытался сложить два и два. Ты - богатый человек. Не такой богач, как Стиллзуэлл, но не бедствуешь. Твои отношения с мисс Мортон ни для кого не составляли секрета. Может, ее просто похитили.

- Просто?

- Я хочу сказать, что похищение не связано с расследованием смерти миссис Стиллзуэлл и Джэдвины. Тогда с тебя потребуют выкуп.

- Я молю бога, чтобы так оно и было.

- Может, мы все слишком зациклились на Стиллзуэллах. Но ты многим наступил на мозоль, сняв подозрения с Типтоу. Ты заявил публично, что Кэролайн - твой давний друг, и ты найдешь человека, который ее убил. Ты дал копам всю фактическую информацию, на основе которой продолжает-

ся расследование. Вчера ты приехал в поместье со мной. Они могли решить, что ты для них опасен.

- Более опасен, чем полиция?

- Ты действительно давно знаком с Кэролайн Стиллуэлл. Знал ее до того, как она вышла замуж, когда она была Кэролайн Каммингс, кинозвездой. Возможно, известные тебе сведения могут вывести нас на преступника.

- Но я ничего не знаю!

- А вот убийца в этом не уверен. Может, он боится, что ты вспомнишь лишнее. А потому тебя надо вывести из игры. Лидии нет, и ты должен понять, что сие означает. Утром возвращайся на работу, занимайся только своими повседневными делами, сделай вид, что убийство Кэролайн тебя больше не касается. Тогда, возможно...

- А если...

- Мне бы не хотелось даже думать об альтернативном варианте.

- Какой еще альтернативный вариант?

- Месть, - жестко ответил Кривич. - Судя по убийству миссис Стиллуэлл, мы имеем дело с психопатом. Который может захотеть покуситься с тобой за то, что ты спутал его планы.

- Чёрт!

- Мы упустили один момент, Джулиан. В это дело вовлечен психоаналитик. Доктор Френкель, которому кто-то звонил из поместья Стиллуэллов. Проживает он в роскошном районе, на Парк-авеню. Полагаю, нам пора навестить его.

- В пять утра?

- Мы можем не спать в такую рань, значит, и с ним ничего не случится. Мне кажется, сейчас не до хороших манер.

Ночной швейцар отказывался позвонить доктору Френкелю, пока Кривич не показал ему свою бляху. Их встретил крупный, ширококостный мужчина с большими карими глазами, в халате, надетым поверх светлосиней пижамы. Милтон Френкель внимательно изучил документы Кривича, коротко кивнул Квисту после того, как лейтенант представил своего спутника.

- Вы выбрали крайне необычное время для визита, лейтенант. - Глубокий, мелодичный, хорошо поставленный голос, отметил Квист. В интонациях нет и намек на упрек, чувствуется профессионализм.

Френкель провел их в комнату, вероятно, служащую приемной. Четыре кресла, стол, заваленный журналами, две картины кубистов на стенах, дешевые стеклянные пепельницы. Доктор Френкель не потратил лишнего на обстановку.

Френкель предложил гостям сесть в кресла, а сам устроился на краешке стола. Тем самым получил возможность смотреть на них сверху вниз. Старый полицейский трюк, отметил Квист.

- Я лишь могу предположить, что у одного из моих пациентов возникли трения с полицией, - начал Френкель. - Должен сразу сказать вам, лейтенант, что я не могу обсуждать с вами клинические аспекты.

- Прошлой ночью, около трех часов, вам позвонили, доктор.

- Правда?

- По межгороду. Звонок зафиксирован на телефонной станции.

- И что?

- Кто вам звонил, доктор?

Глаза Френкеля превратились в щелочки. Он сунул руку в карман, вытащил сигарету, закурил.

- А вы не знаете? - спросил он Кривича.

- Если б знал, не задавал вам этого вопроса. Мне известно, откуда звонили, но я не знаю, кто.

- И откуда звонили?

- Из поместья Марка Стиллзуэлла в Уэстчестере.

- Так вот в чём дело, - кивнул Френкель. - Я прочел об убийстве миссис Стиллзуэлл в вечернем выпуске "Пост". Убили и полисмена? Печальный случай.

- Кто вам звонил, доктор?

Френкель глубоко затынулся, выпустил дым к потолку.

- В своей работе я следую определенным этическим нормам, лейтенант. Я никому не называю фамилий моих пациентов. Почему-то многие считают, что к услугам психоаналитиков прибегают только чокнутые. Невроз не является симптомом безумия. Я лечу невротиков, а не психопатов. Вы улавливаете разницу, лейтенант?

- Улавливаю.

- С психопатами анализ не срабатывает.

- Оставим лекцию на другой раз, - бросил Кривич. - Сейчас мне нужно знать, кто вам звонил из поместья Стиллзуэлов.

Френкель долго изучал кончик сигареты.

- Если б вы знали, кто звонил, я бы подтвердил имеющуюся у вас информацию. Но назвав вам фамилию этого человека, я выйду у него из доверия. Уже не смогу и дальше пользоваться его.

- Совершенно два, возможно, три убийства. - Произнеся эти слова, Кривич услышал, как шумно слотнул слюну Квист, но не оторвал глаз от Френкеля. - Этим дело не ограничится, может пойти цепная реакция. Вы хотите, чтобы последующие убийства легли на вашу совесть, доктор?

- Вы думаете, что кто-то из... Тот, кто находился в поместье Стиллзуэлов, когда убили миссис Стиллзуэлл, застрелил полицейского?

- Или отдал приказ застрелить его, - уточнил Кривич.

Френкель затушил наполовину выкуренную сигарету.

- Если бы меня попросили дать свидетельские показания о вменяемости или невменяемости пациента, я бы их дал. Но добровольно назвать вам фамилию моего пациента - извините.

- Вы удивляете меня, доктор. - Голос Квиста слегка дрожал. - Вы же понимаете, что лейтенант может потратить много времени, проверяя всех и вся, и не сегодня, так завтра, послезавтра, на следующей неделе, но узнает, кто ваш пациент.

- И эта маленькая задержка может многое изменить? - спросил Френкель.

Квист поднялся, их взгляды встретились. Теперь он смотрел на доктора сверху вниз.

- Достаточно многое для того, чтобы дать мне основание вырезать вам сердце, Френкель.

- Не горячись, - одернул его Кривич.

- Пропала дорогая мне женщина. Возможно, ее похищение санкционировано вашим пациентом. Мою подругу могут пытать, даже убить, а вы всё раздумываете, сказать ли нам то, что мы должны знать, немедленно,

а не на следующей неделе. Если благодаря вам с ней что-нибудь случится, даю вам слово... даю вам слово, вы пожалеете о том, что родились на свет.

- У меня нет желания выслушивать ваши угрозы, - ответил Френкель. - Но... вот что я могу вам сказать, мистер Квист. Человек, который звонил мне в ту ночь, не способен на преступления, как совершенные, так и те, что могут совершиться.

- Так зачем он вам звонил?

- Попросить о помощи, - без запинки ответил Френкель. - Между пациентом и аналитиком возникают особые отношения. В процессе анализа пациент становится полностью зависимым от доктора. И в случае кризиса звонит, чтобы получить помощь. Ему важно знать, что доктор всегда рядом.

- Если ваш пациент не несет ответственность за преступление в поместье Стиллзуэллов, к чему ему ваше содействие? - спросил Кривич.

- Воздействие чувства вины на подсознание может проявиться самым неожиданным образом, - ответил Френкель. - Мужчина может ревновать женщину или желать женщину, которая принадлежит не ему, или ненавидеть женщину, которая ему отказала, унизив тем самым его мужское достоинство. Потом с ней что-то случается. Подсознательно он чувствует за собой вину, потому что хотел, чтобы она понесла наказание. Если он посещает психоаналитика, он может позвонить доктору, чтобы тот уверил его, что он ни в чём не виноват.

- Так оно и было?

- Гипотетический случай. - Френкель достал новую сигарету.

Квист направился к двери. Взявшись за ручку, обернулся.

- Если эта задержка приведет к еще одной смерти, Френкель, я обещаю вам, что желание наказать вас не останется в моем подсознании.

Семь утра.

Никаких известий. Ни от Лидии, ни о Лидии. Страх железной рукой всё сильнее сжимал сердце Квиста. Не к кому обратиться, никто не знал Лидию лучше, чем он сам, каждую мелочь ее жизни, ее прошлое, ее друзей, ее привычки.

В начале восьмого, вернувшись домой, Квист позвонил Дэну Гарви. Вырвал его из глубокого сна.

- Извини, что разбудил тебя, Дэниэль. Извинись и перед дамой, если ты не один.

Гарви тут же послал его к чёрту.

- От Лидии никаких известий, Дэн. Она просто исчезла.

- Может, она звонила и попросила что-то тебе передать?

Дэн начал просыпаться.

- Я в этом сомневаюсь.

- Кто замещал Глорию, когда она уходила на ленч?

- Не знаю.

- Глория, конечно, ничего бы не забыла, но девушка, которая подменяла ее, могла. Ты уверен, что Лидия не оставила записки в твоей квартире?

- Уверен.

- Может, она ее не закрепила, и записку ветром унесло в окно. Ты не искал ее на террасе? Вдруг зацепилась за куст?

- Не искал... сейчас посмотрю.

- Всегда можно найти рациональное объяснение. Возникли неожиданные проблемы, помешавшие ей связаться с тобой.

- Но куда она могла уехать на всю ночь?

- К заболевшему родственнику. Свари себе кофе. Я приеду через двадцать минут. И приободришься. Мы найдем ответ, вот увидишь.

Квист прошел на террасу, в нём вновь вспыхнул огонек надежды. Двери действительно оставались открытыми весь день. Август-то выдался жарким. Ветром записку могло вынести из гостиной.

Но на террасе он ничего не нашел.

Квист позвонил Глории Чард. Она ответила после второго гудка.

- Я надеялся, что ты уже проснулась. Кто замещал тебя вчера, когда ты уходила на ленч?

- Никто. Я не уходила. А что такое?

- Лидия. - Последняя надежда угасла. - Со вчерашнего утра, после того, как я высадил ее у дома, о ней никаких известий. Я подумал, что ты могла уйти на ленч, а заменившая тебя девушка забыла сообщить мне о ее звонке.

- Я никуда не уходила, босс. Когда вас с Лидией нет, в конторе всё идет кувырком. Я только выпила кофе. При моей фигуре ничего другого и не нужно.

- Твоей фигуре не мешает и плотный ленч, - ответил Квист. - Так Лидия не звонила?

- Не звонила и не приходила. Вы очень волнуетесь, да? А вы пытались...

- С полицией и больницами я связывался.

- Чем я могу помочь?

- Оставайся утром на месте и передавай мне всё, что каким-то боком может касаться Лидии. Если кто-то захочет увидеть меня, пропускай.

- Вы думаете...

- Я не знаю, что и думать, Глория. Но я очень боюсь за Лидию.

Через пару минут подъехал Гарви. Он не стал спрашивать, нашлось ли "рациональное" объяснение. Ответ читался на взволнованном лице Квиста.

Гарви прошел на кухню, налил себе кофе. Вернулся с полной чашкой.

- И что, по-твоему, за этим стоит, Джулиан?

- Мне открытым текстом говорят: не вмешивайся.

- Так и не вмешивайся.

- А что будет с Лидией?

- Если они убедятся, что ты вышел из игры, Лидию отпустят.

- Чтобы она сказала нам, кто держал ее взаперти? Едва ли они решатся отпустить ее, сейчас или позже.

Гарви уставился на чашку. Квист внезапно хватил кулаком по подлокотнику.

- Ты задавался вопросом: сможешь ли ты убить человека? Если они что-то сделают с Лидией, у меня в жизни останется одна цель, Дэниэль. Уничтожить всех этих бандитов, независимо от степени их вины.

- Остынь! - Гарви поставил чашку, достал сигарету, закурил. - Если тебе охота сотрясать воздух пустыми угрозами, валяй. А когда закончишь, попробуем разобраться в ситуации.

- Ты думаешь, я шушу? Если Лидии не будет, жить мне незачем.

- Хотелось бы понять ход их мыслей, - гнул свое Гарви.

- Что ты хочешь понять? Мы даже не знаем, за кого мы собираемся думать.

- Возможно, к тебе еще обратятся с требованием выкупа. Но поразмыслить есть о чём. Если ты будешь и дальше кричать, я уйду в другое, более спокойное место.

Квист обхватил лицо руками.

- Извини, Дэниэль, - Голос его дрожал.

- Извиняться тебе не за что. Если нам придется убивать людей, я тебе помогу! Но сначала попробуем разобраться, что к чему. - Он затушил недокуренную сигарету, зажег следующую. - Кто-то из живущих в особняке Стилуэллов знал, кто убил Кэролайн. Убийцам повезло. Под руку подвернулся Типтоу, и вину едва не удалось свалить на него. Ты, однако, всё испортил. Убедил Джэдвина в том, что Типтоу не виноват. Его убили из-за этого? Ты же мог рассказать о том, что знал, и кому-то еще. Что ты и сделал. Ты также объявил во всеуслышание, что с Кэролайн тебя связывает давняя дружба и ты приложишь все силы, чтобы найти убийцу. Но ты уже всё рассказал копам. Зачем теперь затыкать тебе рот?

- Мне хотят отомстить, чёрт побери!

- Чего-то мы упускаем, какую-то мелочь, без которой картина далеко не ясна. Если б мы имели дело с психом, жаждущим мести, неужели ты думаешь, что он не дал бы тебе знать, почему похитил Лидию? Тебе бы позвонили, прислали письмо. Нет, ты бы обязательно узнал, за что расплачиваешься жизнью Лидии.

- Звонки и письма ни к чему. Исчезновение Лидии говорит само за себя.

- Возможно, и нет, - покачал головой Гарви. - Давай представим себе, что мы имеем дело с хладнокровным бизнесменом, который заинтересован отнюдь не в мести. Какая ему польза от убийства Джэдвина? Чем ему выгодно похищение Лидии? Он выигрывает время, Джулиан. Полиция с большим рвением будет искать убийцу Джэдвина, чем убийцу Кэролайн, потому что копы думают, что убивал один человек. Тебя вывели из игры, похитив Лидию. Наш человек определенно выиграл этим время.

- Время для чего?

- Чтобы оборвать ниточки, которые могли связать его с убийством Кэролайн. Одна или две жизни значения не имеют, если обвинения в убийстве предъявят не ему. Смотри, что получается, дружище. Никто из проживающих в особняке не убивал Джэдвина. Марк, Джерри, миссис Лори-мер, чета Льюисов, Патрик Грант - все они утром обретались в поместье. Ни один не поехал на Гранд-сентрал. Поэтому, если кто-то из них убил Кэролайн, то в Джэдвина стрелял совсем другой человек.

- Ты полагаешь, это совпадение? Убийство Джэдвина не связано с убийством Кэролайн?

- Нет, - покачал головой Гарви, - я так не думаю. Есть еще четверо, о которых мы ничего не знаем. Мы не знаем, что делали Томми Байн, поклонник Ноэля Коварда, и эта Толбот. Мы ничего не знаем о докторе Френкеле. И тем более об адвокате Льюиса, Максе Готтфриде, которому в ту ночь трижды звонил Льюис. Вроде бы Байн и Мириам Толбот поехали домой. Френкель, судя по ночному звонку, был в Нью-Йорке. Как и Готтфрид. Мы предполагаем, что никто из них не убивал Кэролайн. Байна и эту Толбот стоит проверить, но Френкеля и Готтфрида в ту ночь в Уэстчестере не было.

- И что из этого следует?

- Бандиты. Я упоминал об этом вчера утром. Дэвид Льюис и Марк Стиллзуэлл могли нанять убийцу, если б знали где. Пожалуй, и Патрик Грант. Конечно, не следует исключать и остальных, к примеру, миссис Лоример, но я бы поставил на Льюиса или Марка. Итак, они натравили бандитов на Джэдвина и на тебя, через Лидию. Мы будем тревожиться из-за Лидии, а они тем временем попытаются отмыть первого убийцу.

- Интересная версия, - медленно кивнул Квист. - И что же мы можем предпринять?

- Найти возможность надавить на них, - ответил Гарви.

Обычно в штаб-квартире "Джулиан Квист Эссошиэйтс" царит атмосфера веселья и дружелюбия. Собственно, этот товар они и продают. Картины современных художников на стенах, прекрасные женщины, сотрудницы, одетые с иголочки, бьющая из Квиста энергия, заряжающая остальных, короче, для клиента посещение штаб-квартиры становилось незабываемым событием.

Однако в то утро, на следующий день после исчезновения Лидии, в кабинете Квиста веселья не чувствовалось. Квист сидел за столом, глаза провалились, лицо напоминало маску. Конни Пармали, в мини-юбке, принесла ему кофе, который так и остался нетронутым. В ее глазах, скрытых затемненными стеклами, читалась тревога. Глория Чард покинула приемную и теперь сидела рядом с Бобби Гиллардом, уставившимся в пол. Гарви ходил по кабинету и говорил. Рассказывал всю историю, от начала и до конца, благо в кабинете собрались только доверенные люди.

- Джулиан должен вести себя так, словно подчиняется их молчаливым приказам. В рабочее время он будет заниматься обычными делами. Естественно, не выходя из кабинета. Мы не знаем, кто может за ним наблюдать. Пусть принимает клиентов. Он должен показать похитителям, что дал задний ход, больше не хочет им мешать.

С губ Квиста сорвался стон. Конни протянула было руку, но не решилась коснуться его.

- А вот нам придется потрудиться за Джулиана.

- Мы-то готовы, - подал голос Бобби Гиллард. - Но что мы должны делать, Дэн? Как нам вести себя, чтобы они не поняли, что мы работаем на Джулиана?

- Кого мы ищем? - Дэн нахмурился. - Мы ищем бандитов. Мы ищем тех, кто хочет отвлечь внимание полиции от поместья Стиллзуэллов. Чем больше я думаю над этим, тем отчетливее понимаю, что кому-то очень хочется замести следы убийцы Кэролайн Стиллзуэлл. Я думаю, что заняты этим несколько человек. Ты заглядывал в утреннюю газету, Джулиан?

Квист поднял на друга мертвые глаза. Газета лежала на столе, но он ее не просмотрел. Иначе заметил бы статью на первой полосе, которую Конни обвела красным карандашом. Стандартная практика. Чтобы статья, в которой шла речь об одном из клиентов агентства, сразу попалась на глаза боссу.

Гарви указал на газету, Квист посмотрел на нее.

МАРК СТИЛЛУЭЛЛ ВОЗГЛАВИТ СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС

Дэвид Льюис объявил сегодня, что Марк Стиллзуэлл, владелец "Стил-

луэлл энтерпрайзес", займет пост президента и генерального менеджера гигантского "Спортивного комплекса", строительство которого, финансируемое фирмами, принадлежащими Льюису, должно начаться в этом месяце.

Дэвид Льюис сообщил, что, рассмотрев несколько кандидатур, он остановил свой выбор на Стиллуэлле. К сожалению, мы не смогли побеседовать с мистером Стиллуэллом из-за трагической гибели его жены, убитой в ночь на субботу в их поместье в Уэстчестере. Мистер Льюис заявил, что сознательно объявил о своем решении именно сейчас, чтобы "в этот трагический момент показать всем, что я по-прежнему полностью доверяю Марку Стиллуэллу...".

Квист оторвался от статьи.

- Об этой должности и тревожился Марк. Странное время выбрал Льюис. Если, конечно, информация не поступила в прессу до...

- Не поступила, - покачал головой Гарви. - "В этот трагический момент показать всем..." - процитировал он. - В газету пресс-релиз попал после убийства. С чего такая спешка? Какой бы ни была причина, возможно, он хотел заручиться поддержкой Марка, для нас это отличный шанс. У нас контракт на рекламу "Спортивного комплекса". Нам об этом пресс-релизе ничего не сообщили, следовательно, мы имеем полное право отплатиться к его авторам и задать соответствующие вопросы, ни в коей мере не касаясь убийства.

- Контракт мы получили главным образом из-за твоего спортивного прошлого, Дэн, и твоих связей в этом мире. "Спортивным комплексом" занимаешься ты.

- Значит, займусь и Льюисом. - Гарви закурил. - Слабое звено в их цепи - Мириам Толбот. Если у Марка с ней роман, как сказал Джерри Стиллуэлл Джулиану, при желании она может сильно навредить Марку. Льюис постарается, чтобы эта история не всплыла на поверхность, исходя из деловых соображений. Марк хочет того же, ибо в противном случае у него появляется мотив для убийства жены. Мисс Толбот - мина замедленного действия.

- Она не раскроет рта, потому что прекрасно понимает, сколько стоит ее молчание, - покачал головой Квист.

Гарви усмехнулся.

- Ей также придется какое-то время сторониться Марка. А тут может подвернуться симпатичный молодой человек, который после вечеринки не может прийти в себя от ее роскошной груди.

- О, нет! - воскликнул Бобби Гиллард. - Она же меня съест и не подавится.

- Лишнего жизненного опыта не бывает. Представляться тебе не надо. А ей, скорее всего, потребуется кавалер на то время, пока Марк в трауре. Мириам - твоя пташка, Роберт.

- О господи! - простонал Бобби.

- Раз мы используем секс как оружие... - Гарви повернулся к Глории Чард.

- Кто достанется мне? Шофер? - спросила Глория.

- Патрик Грант, дорогая, с которым мы просто обязаны пообщаться. К Марку в "этот трагический момент" не подступишься. Но раз известие о его новом назначении стало достоянием общественности, агентство

"Джулиан Квист Эссошиэйтс" обязано знать, что к чему. Какой тактики мы должны придерживаться в "этот трагический момент"?

- А кто достанется мне? - Конни Пармали потупила взор, разглядывая свои стройные ноги. - Шофер? Дворецкий?

- Тебе действительно придется взять на себя двух мужчин. Но не тех, что ты упомянула. Как у тебя в последнее время с самочувствием?

- Всё в порядке, - удивилась Конни.

- А мне казалось, что я заметил симптомы депрессии. - Улыбка Гарви стала шире. - Ты не очень хорошо спишь, не так ли?

- Я сплю одна, если тебя интересует именно это, - огрызнулась Конни.

- Тяжелая работа - всё-таки секретарь босса! - расхатывает твоё здорье?

- Довольно шуток, Дэниэль!

- Я просто подумал, что тебе не повредит помощь опытного психиатра. У нас есть один на примете. Некий доктор Френкель.

- О! - только и вырвалось у Конни.

- Жалобы придумаешь сама. Мне бы хотелось узнать, где он держит свои записи, касающиеся пациентов. Возможно, в скором времени нам придется побывать в квартире на Парк-авеню без ведома хозяина.

- А кто еще заинтересует меня?

- Мистер Макс Готтфрид, адвокат Льюиса. В "этот трагический момент" агентство "Джулиан Квист Эссошиэйтс" не решается обратиться к главным участникам проекта, Льюису и Марку. Так у кого нам узнавать, какой линии придерживаться, если не у мистера Готтфрида? - Гарви затушил сигарету. - Тебе надо лишь пристально наблюдать за ним. Дернется ли бровь, возникнет ли пауза, если разговор зайдет об убийстве. А без этого не обойтись. Есть вопросы?

Квист не поднимал глаз от стола.

- Ты упустил еще одного человека, который, возможно, знает ответы на многие вопросы.

- Я знаю, - кивнул Гарви. - Но еще не решил, с какой стороны мы сможем подобраться к Беатрис Лоример.

На аппарате внутренней связи Квиста замигала лампочка. Конни взяла трубку. Послушала, посмотрела на Гарви.

- Одну из моих жертв ты можешь вычеркнуть. Мистер Макс Готтфрид прибыл к нам, чтобы побеседовать с Джулианом.

Квист резко выпрямился. Возможно, адвокат Льюиса выставит условия возвращения Лидии. Не прямо, но выставит.

Сотрудники тут же разошлись, а Квист раскурил одну из своих длинных, тонких сигар. Его лицо ничем не выдавало бушующих в душе страстей, когда в кабинет в сопровождении Конни вошел Макс Готтфрид. Таких уродов Квисту видеть еще не доводилось. Небольшого роста, с непомерно большой головой, шапкой черных волос, бакенбардами, кустистыми черными бровями, могучим крючковатым носом. Глава его холодно блестели. Квист сразу подумал, что глаза эти достаточно многое повидали, чтобы сразу отличать зерна от плевел. Кожа так плотно обтягивала выступающие скулы и подбородок, словно череп мистера Готтфрида пытался вырваться из нее. Прибыл он в дорогом темно-сером костюме из тонкой шерсти, белой рубашке, галстуке.

Пройдя мимо Конни, остановившейся у двери, Готтфрид изучающе вперился к Квиста. Тот поднялся из-за стола.

Потом, совершенно неожиданно, Готтфрид улыбнулся. Доброй, почти отеческой улыбкой.

- Позвольте поблагодарить вас за то, что вы сразу приняли меня, - начал Готтфрид.

- Пожалуйста, присядьте, - радушно указал на кресло Квист. - Дело в том, что я как раз собирался вам позвонить.

- Зачем? - Готтфрид всё еще улыбался.

Чтобы спросить, что ты и твои дружки сделали с Лидией! Вот что хотелось выкрикнуть Квисту.

- Сигару? Или что-нибудь выпить? - Квист искоса глянул на аппарат внутренней связи. Нужные кнопки он нажал заранее, так что теперь Гарви и остальные могли слышать весь разговор.

- Благодарю, я не пью и не курю, - ответил Готтфрид. - В моём бизнесе расслабляться нельзя. Каждую минуту может возникнуть че-пе.

К примеру, три звонка от Льюиса глубокой ночью.

Готтфрид уселся в кресло.

- Так вы сказали, что собирались мне позвонить, мистер Квист.

Квист взял со стола газету.

- Вот эта заметка о назначении Марка Стиллзулла.

- Вы возражаете? - Готтфрид по-прежнему улыбался.

- Против назначения - нет. С чего мне возражать? Марк - мой друг. С его женой меня также связывала давняя дружба. Я желаю ему только добра. И в данный момент искренне ему сочувствую.

- Да, ему нелегко. - Улыбка исчезла. - Дэйв Льюис решил, что сейчас самое время поддержать Марка. Вы возражаете против этого, мистер Квист?

Квист сбросил пепел с кончика сигары.

- Вы постоянно используете слово "возражаете", мистер Готтфрид. Я же не говорил, что я против чего-то возражаю. Я хотел позвонить вам, чтобы определиться с правилами игры.

- Какой игры?

- Вы бы не пришли сюда, если бы не знали, что мое агентство подписало контракт, согласно которому четыре года мы будем вести рекламную кампанию "Спортивного комплекса"... - Или вы пришли сюда для другого? Чтобы посмотреть, как я реагирую на исчезновение Лидии? - Вы ждете от нас эффективной работы, мистер Готтфрид. Так вот, пресс-релизы, которые поступают в газеты без нашего ведома и одобрения, нам мешают, даже если они одобрены боссом.

- Вы про Дэйва Льюиса?

- Да.

- Так вы полагаете, что сообщать об этом в газеты не следовало?

- Я полагаю, что не следовало держать нас в неведении.

- А если бы к вам обратились, вы бы согласились с этим пресс-релизом?

- Нет, я бы посоветовал не давать ему ход.

- Так вы всё-таки возражаете, - вновь заулыбался Готтфрид.

- Раз уж вам очень нравится это слово, - да.

- Так, может быть, вы скажете, почему?

Квист положил сигару. Очень ему хотелось взять этого карлика за горло и вышибить из него правду. Руки он спрятал под стол, чтобы Готтфрид не видел, как они дрожат.

- Мы должны создать особый имидж человеку, который возглавит "Спортивный комплекс". Марк обладает многим, что необходимо такому человеку. Симпатичный, далеко не старый, подтянутый, богатый и, до вчерашнего дня, счастливый. От "Спортивного комплекса" ждут удовольствий. После завершения строительства миллионы людей будут приходить туда, чтобы поболеть за любимую команду и поразвлечься. И руководитель комплекса должен ассоциироваться в массовом сознании с развлечениями и спортивными играми. Марк будет ассоциироваться, мистер Готтфрид, но в будущем. Любители развлечений не очень-то понимают скорбящего человека.

Я видел Кэролайн. Человек, который должен возглавить развлекательный комплекс, просто не может попасть в подобную ситуацию. И сейчас все помнят лишь о смерти его жены. Через месяц, когда дело закроют и настоящего убийцу посадят в тюрьму, общественность обо всем забудет. Будут новые убийства, новые скандалы. А сейчас даже есть люди, которые подозревают его в убийстве жены. Для имиджа "Спортивного комплекса" это существенный минус.

Готтфрид положил ногу на ногу. Почесал пальцем нос.

- Согласен с вами на все сто процентов. Поэтому я здесь.

- То есть вы тоже возражаете.

- Можно сказать и так. У нас, как говорится, возникли проблемы.

- У нас?

- Мы должны компенсировать ущерб, нанесенный Марку Стиллзуэлу этим пресс-релизом. Мы должны вызвать к нему сочувствие и при этом убедить людей в правильности нашего выбора, показать им, что лучшего руководителя для "Спортивного комплекса" не найти. Как это сделать?

- Одного дня на это не хватит, - ответил Квист. - Надо действовать осторожно, отслеживать реакцию общественности на каждый шаг. До тех пор, пока не найдут убийцу. По прошествии какого-то времени он сможет появляться на спортивных соревнованиях, на футболе, хоккее, гольфе.

- Но сейчас главное - пробудить к нему сочувствие, - вставил Готтфрид. - Может, обзорная статья? У меня есть кое-какие связи. С газетами я договарюсь. По-моему, такие статьи у вас пишет мисс Мортон?

Вот оно, подумал Квист. Ради этого он и явился сюда. С трудом ему удалось сохранить бесстрастное выражение лица.

- Действительно, обзорные статьи - ее епархия. - Он-таки изгнал дрожь из голоса. - Но мне представляется, что в данном случае это работа для мужчины. Если о Марке будет писать женщина... возможно, это воспримут негативно. Я могу взять статью на себя или посылать Дэна Гарви, моего заместителя, в прошлом профессионального футболиста.

Улыбка Готтфрида показала, что он восхищен Квистом, изяществом, с каким тот вышел из сложного положения.

- Оставляю это на ваше усмотрение, мистер Квист. И скажу Дэйву Льюису, что вы со всем справитесь сами.

Возможно, он понял, что хотел сказать ему Квист: я, мол, даю задний ход, не собираюсь кричать на всех перекрестках о похищении Лидии, готов следовать вашим правилам.

- Мне понадобится ваша помощь, - заметил Квист.

- Какая помощь?

- С Марком говорить не стоит. Он сейчас не в себе. Это вполне естественно. Но нам нужен фактический материал о его детстве, школе, кол-

едже. Мне кажется, что всё необходимое можно получить от Беатрис Лоример, его тети. Можете вы или мистер Льюис убедить ее, что откровенный разговор со мной или Дэном Гарви - в интересах Марка?

Готтфрид сиял как медный таз.

- Нет ничего проще. Наша встреча, мистер Квист, еще раз убедила меня в том, что вы мастер своего дела.

Она сказали друг другу всё, что хотели, не так ли?

- Рад, что вы заглянули к нам, - кивнул Квист.

- Я скажу своему секретарю, чтобы вас сразу соединяли со мной. - Готтфрид встал. - На случай, если я вам понадобится.

- Буду вам очень признателен.

Поднялся и Квист. Мужчины обменялись рукопожатием, после чего Готтфрид вышел из кабинета. А Квист с силой ударил кулаками по столу. Этот карлик знал, где Лидия и что с ней случилось.

Появились Гарви и Конни Пармали. Рука Дэна легла на плечо Квиста.

- Успокойся.

Квист повернулся. По его скулам ходили желваки.

- Ты его слышал? Он же меня проверял. Хотел увидеть, как я отреагирую на упоминание о Лидии.

- Если это и так, то экзамен ты выдержал. Ты же ясно дал ему понять, что не будешь поднимать шума, примешь установленные ими правила. Него ты, естественно, делать не собираешься. Но, Джулиан, вполне возможно, что Макс Готтфрид ничего не знает об исчезновении Лидии. И назвал нам истинную причину прихода сюда.

Квист покачал головой.

- Я нутром чую, всё он знает! Ты бы тоже это понял, взглянув ему в глаза.

- Но одну нашу проблему ты решил блестяще, - продолжил Гарви. - Нашел возможность вырваться из кабинета. Теперь ты можешь вернуться в поместье Стиллвеллов. Готтфрид разрешил тебе побеседовать с Беатрис Лоример.

- А что делать мне, босс? - спросила Конни.

- А тебе самое время проситься на прием к доктору Милтону Френкену, - ответил Гарви. - Чтобы обнажить перед ним невротизированное подсознание или что-нибудь еще, по твоему выбору.

- У тебя не язык, а помело, - улыбнулась Конни.

Глава 5

Квист гнал "мерседес" по Ист-Ривер-драйв, направляясь к мосту Триборо, его пальцы крепче, чем обычно, сжимали руль. Он позвонил Беатрис Лоример, и та согласилась встретиться с ним. Они договорились, что он подъедет к пяти часам. "Мы, разумеется, никого не принимаем, но вам будем рады, - заверила она Квиста, после чего добавила: - Я говорила с Максом Готтфридом". Квист также позвонил Кривичу. Детектив сообщил, что в Уэстчестере они не нашли ничего путного.

- Проверяем алиби, скорее для очистки совести, - продолжил Кривич. Пока все, вроде бы, были там, где им и полагалось быть. Включая нашего "голубого", мистера Байна, и мисс Мириам Толбот. Дамочка провела ночь в доме Байна, а в Нью-Йорк вернулась во второй половине дня. Джедвина же застрелили гораздо раньше, утром. Версия твоего приятеля Гарви на-

счет бандитов представляется логичной, если только эти два убийства как-то связаны между собой.

- А ты сомневаешься? - спросил Квист.

- В общем-то нет, но мне нужны доказательства. От мисс Мортон никаких известий?

- Никаких. - И Квист рассказал ему о визите Готтфрида. - Думаю, он приходил на разведку. Хотел выяснить, как я реагирую на исчезновение Лидии. Я постарался дать ему понять, что сижу тихо и не рыпаюсь.

- А на самом деле не сидишь? - резко спросил Кривич.

- Ты бы сидел?

- Всё-таки риск очень велик.

- А ты понимаешь, Кривич, что у Лидии нет практически ни одного шанса? - Голос Квиста дрогнул. - Может, она уже мертва. И наверняка умрет чуть позже. Моя армия постарается разгадать эту загадку.

- Твоя армия?

- Люди, которым я готов доверить свою жизнь. И жизнь Лидии.

Кривич помолчал, потом заговорил вновь.

- Держи меня в курсе. Если полиция что-то узнает о мисс Мортон... не несчастный случай, авария... я дам тебе знать.

- Если Лидия мертва, дай мне немного времени, Кривич.

- Времени на что?

- Стереть с лица земли всю эту шваль.

- Квист...

Но Квист уже бросил трубку. Подошел к столу в гостиной, открыл ключом ящик, выдвинул, достал револьвер 38-го калибра.

Лицензия на ношение оружия у него имелаась.

Поместье Стиллзуэлов показалось Квисту вымершим. Он подъехал к особняку, остановил "мерседес". Никто не работал в саду, не плескался в бассейне. Пустовала и автостоянка.

Едва он поднялся по ступеням, как Шоллерт распахнул парадную дверь.

- Миссис Лоример ждет вас, мистер Квист.

Квист последовал за ним, думая о том, что Шоллерт, скорее всего много чего знает. Его, разумеется, допрашивали и Симз, и Джэдвин, да и пожалуй, Кривич.

Но всё ли он рассказал им о ночи, когда убили Кэролайн? Может, он знал, что заставило Кэролайн прийти к бассейну?

Беатрис Лоример встала из-за стола, за которым что-то писала. В синих брюках-бананах и светло-желтой рубашке с открытым воротом. Квист подумал, что на женщинах в возрасте Беатрис брюки сидят не слишком хорошо, но той удалось сохранить отличную фигуру.

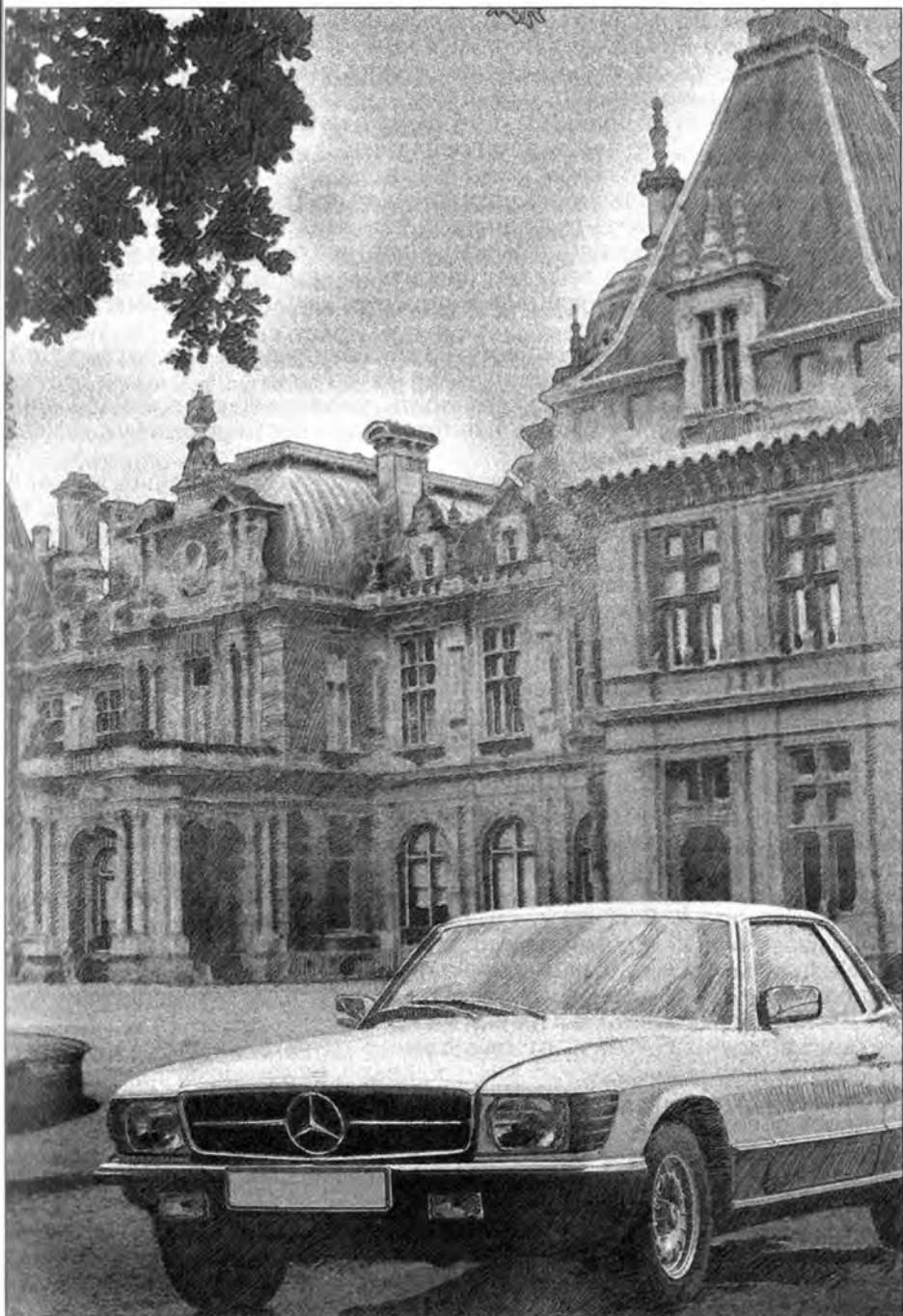
- Вы просто спасли мне жизнь, Джулиан. - Она протянула ему руку. Тепло и крепкую.

- Как так?

- Мы тут совсем заброшенные, всеми покинутые. Пат Грант и Джерри уехали в город. Марк заперся в кабинете. Ни с кем не разговаривает, никого не хочет видеть. Мне представляется, это неестественно. Я вот решила написать несколько писем...

- А Льюисы? - спросил Квист.

- Уехали. Бедная Марция. Она всё еще бьется в истерике. Дэвид ре

шил, что должного ухода ей здесь не обеспечат, и ее отвезли в какую-то частную клинику. Кажется, на Лонг-Айленде.

Беатрис пересекла комнату. Остановилась у прелестного флорентийского столика, выполнявшего роль бара.

- Одна я не пью из принципа, потому-то с нетерпением ждала вашего приезда, Джулиан. Что я могу вам предложить?

- "Джек Дэниэлс" со льдом, пожалуйста.

Марцию Льюис полиция не допрашивала по требованию врачей. Теперь ее перевели в какую-то клинику, то есть к ней по-прежнему хода нет. То ли это ничего не значило, то ли означало, что она слишком много знала. Но с Беатрис на эту тему он говорить не мог. Если она поймет, что расследование убийства всё еще интересует его, Лидии, возможно, не поздоровится.

Беатрис приготовила ему коктейль, себе налила джин с тоником, затем присела рядом с ним на кушетку у двери на террасу.

- Слава богу, нам есть о чём поговорить помимо несчастной Кэролайн. Макс Готтфрид сказал, что ваше агентство будет вести рекламную кампанию "Спортивного комплекса".

- Не просто рекламную кампанию, - поправил ее Квист. - Наша задача - создать должный имидж как "Спортивному комплексу", так и Марку. То есть мы должны знать, какая информация может пойти ему на пользу, а какая причинить урон. И нам не нужны всякого рода сюрпризы.

Беатрис отпила из бокала. Почему-то Квисту вспомнилась фраза одного старого актера: "Неважно, о чём мужчина и женщина говорят на сцене, тема всегда одна - секс". И Беатрис, умная, образованная, с прекрасной для ее возраста фигурой, постоянно об этом помнила. Сестра на кушетку, посмотреть на него, коснуться руки, передавая бокал, - всё элементы тщательно продуманной любовной игры. В другое время его бы это позабавило, заинтриговало. Сейчас тревога за Лидию заставляла забыть обо всём.

- Если и есть человек, которому нечего скрывать, так это Марк, - улыбнулась Беатрис. - Отец оставил ему фирму, но не деньги. Марк заработал их сам. Никто не ставил под сомнение его деловые качества. Набирая силу, он не старался затаптывать конкурентов. Насколько мне известно, он и минуты не сидит без дела, опять же обращает особое внимание на физическую форму. Вам нет нужды делать его привлекательным. Он и так притягивает людей. Он много жертвует различным благотворительным организациям. Он же... был женат на очаровательной женщине, упокой, господи, ее душу. Наверное, цинично так говорить, но случившееся с Кэролайн вызовет сочувствие к Марку, не так ли?

Квист пригубил коктейль, отвел глаза.

- Это реалистичный подход. Как я понимаю, слухи насчет Мириам Толбот не более чем сплетни?

Квист повернулся, успев заметить, как от озабоченности потемнели глаза Беатрис. Игривые взгляды исчезли.

- Мириам Толбот? - От напряжения голос у нее сел. - Мириам - девушка Томми Байна.

- Об известных людях чего только не говорят, - покивал Квист. - Вот и эту Толбот, скорее всего, приплели, чтобы хоть как-то зацепить Марка. Но мы же не хотим, чтобы разговоры эти начались вновь, да еще в неподходящий момент.

В бокале Беатрис кубики льда звякнули о стекло.

- Что это за разговоры?

Квист пожал плечами, показывая, что это сущий пустяк.

- Вроде бы у него давний роман с Мириам, они регулярно встречаются в отелях, мотелях, а то и в доме Байна.

- Господи! - выдохнула Беатрис. - Если репортеры пронюхают об этом, они же начнут копать!

- И ничего не найдут... если искать нечего, Мириам - сексапильная бабенка. В тот вечер она очень уж явно флиртowała с Марком. Я подумал, что она просто хорошо проводит время. Когда же услышал о романе... у меня зародились сомнения.

- Если пошли разговоры - для широкой публики нет никакой разницы, есть в них хоть крупица правды или нет, - заметила Беатрис.

- Если нет, то они заглохнут сами по себе, - возразил Квист. - Моральные суждения - не по моей части, Беатрис. От меня требуется лишь одно: оградить репутацию моего клиента от опасности, если таковая существует.

Он буквально слышал ее мысли.

- Вы и этот нью-йоркский детектив вчера говорили с Джерри. Он поделился с вами этой сплетней?

- Мы спрашивали его об этом, - уклонился от прямого ответа Квист.

- Так детектив знает! И думает, что теперь может приняться за Марка?

- Приняться за Марка?

- Роман с Мириам - мотив для убийства. Детектив может решить, что Марк хотел избавиться от Кэролайн. Чертов Джерри! Я давно говорила Марку, что он должен избавиться от Джерри. Послать его в Париж, куда-то еще.

- Почему?

- Вы не слепой, Джулиан. И, должно быть, заметили, что Джерри был влюблен в Кэролайн.

Квист улыбнулся.

- Как и все мужчины, которые хоть немного знали ее. Женщина-то удивительная. Или вы намекаете, что она отвечала Джерри взаимностью?

- Разумеется, нет! Для Кэролайн существовал только Марк.

Квист поставил бокал на маленький столик.

- Меня заботит только одно: как бы всё это внезапно не всплыло. Если за разговорами ничего нет, нам можно не беспокоиться.

- Такого быть не могло!

- Но вы не уверены?

- Еще как уверена!

- Значит, забудем об этом. Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Марке. В каких он учился школах, колледже, какими видами спорта занимался, в каких состоит клубах. Чем больше я узнаю о его личной жизни, тем лучше.

Беатрис прошла к бару, вновь наполнила свой бокал. Напряженная, как струна.

- В кабинете Марка есть альбом с его фотографиями и различными биографическими сведениями. Я попыталась взять его до вашего прихода. Но дверь в кабинет заперта. Марк не отвечает ни на стук, ни на телефонные звонки. Думаю, он потрясен случившимся.

Квист наблюдал, как она возвращается к кушетке.

Походка, как у актрисы. Сексуальная женщина, пусть ее мысли в данный момент и заняты другим.

- Он здесь? - полюбопытствовал Квист.

Она остановилась на полпути.

- Где ж ему еще быть? Он бы не уехал, не дав мне знать. И полиция то дело наведывается к нам. Куда ему ехать?

Квист пожал плечами, и она его поняла. Марк мог быть в коттедж Байна, в объездах любовницы. Квист не сомневался, что Джерри сказал правду, и Беатрис знала, что тот не лгал. Так что и она не могла скрыть правды, хотя и пыталась.

Она подошла к кушетке, само обаяние.

- Я еще раз попытаюсь добыть этот альбом... перед вашим отъездом. Она села. - Но вы же еще не уезжаете, не так ли? Меня совсем не прельщает ужин в одиночестве.

- Я никуда не тороплюсь.

Беатрис рассмеялась.

- Это меня удивляет. Вы не пытались скрывать ваших отношений с мисс Мортон. Я не люблю признавать какие-то достоинства за другими женщинами, но ваша Лидия создание редкостное. Я-то полагала, что она вас ждет.

Вновь разведка... ненавязчивый вопрос. Признает ли он, что она пропала? Откроется ли?

Квист посмотрел на нее, надеясь, что лицо его остается бесстрастным.

- У Лидии действительно масса достоинств. Она - независимая женщина, превосходный специалист, и столь высокое жалование получает не потому, что я ее люблю. Она его заслуживает. Так что для феминисток она живой символ равноправия полов. Она также знает, что сексуальность - драгоценный дар природы, и пользуется им с любовью и нежностью. Она не считает сексуальность оружием. - Он сумел выдать из себя смешок. - Ради нее я готов на всё. На любое преступление. Если понадобится, даже ограблю Банк Англии. - Он не стал добавлять, что готов оставить убийцу безнаказанным, если Лидии будет гарантирована безопасность.

- Я ей завидую. - Беатрис опустила глаза.

- Почему? Впервые увидев вас, я сказал себе: вот еще одна женщина, которая, как и Лидия, знает, как полностью реализовать свою женственность.

- Как вы милы, Джулиан! - Она разве что не замурлыкала.

- Мой интерес к вам не вызывает у вас неприязни?

- Я просто счастлива.

- Вы совсем не похожи на "тетушку Беатрис".

- Слава богу, еще никто не посмел назвать меня так!

- Как-то я не могу представить вас живущей здесь с Марком и Кэрлайн. Жить затворницей в поместье, когда вы могли бы вести активную жизнь. Заниматься общественной деятельностью, не зная отбоя от мужчин. - Он вновь рассмеялся. - Разумеется, со вторым я, скорее всего, ошибаюсь. Свои романы вы держали бы в секрете.

Чувствовалось, что его слова очень понравились Беатрис.

- Я помогаю Марку.

- В роли второй хозяйки?

Она замялась.

- Отец Марка был моим братом. Но из восьми детей я была самой младшей. Я старше Марка всего на четыре года.

- Я бы подумал, что вы моложе, если бы он не представлял вас "тетушкой".

- Благодаря вам этот день стал для меня праздником. - Беатрис коснулась его руки. - Я начала работать в конторе отца в шестнадцать лет. Так уж получилась, что я легко ориентируюсь в цифрах. И занимала пост вице-президента "Стиллуэлл компани", когда Марк возглавил фирму. Он доверял мне в деловых вопросах. Доверяет и сейчас. Поэтому, Джулиан, нельзя сказать, что я кисну в этом поместье. Я не уезжаю отсюда, потому что здесь принимаются наиболее важные решения. Я нужна Марку.

И вот тут внезапно всё стало на свои места. Квист понял, что подсознательно его тревожила противоречивость Марка. Финансовый гений, работающий от зари до зари, и ежедневные занятия в "Атлетическом клубе", да еще отнимающий массу времени роман с Мириам Толбот. Влиятельный человек, не стесняющийся прижать своего брата, но смотрящий в рот Беатрис. Может, последние фразы Беатрис - ключ ко всему. Посредственный бизнесмен, неверный муж, искусственно слепленный символ: марионетка, которую дергает за веревочки эта неординарная женщина. Квисту вспомнился вчерашний день. Когда они с Кривичем приехали в поместье, Беатрис и Дэвид Льюис пили кофе на террасе. Если он прав, именно они принимали решения. А Марка использовали как ширму. В этой цепочке Марк был самым слабым звеном. И они будут до последнего покрывать его выходки, потому что брошенная на него тень подставит под удар и их.

Беатрис проговорила, подумал Квист. Желание показать свою значимость и сексуальная неудовлетворенность, соединившись, на мгновение взяли вверх над холодным рассудком. Ей хотелось произвести впечатление на симпатичного мужчину, что сидел рядом с ней, вот она и сказала чуть больше, чем хотела. Она, должно быть, догадалась, о чём он думает, и попыталась направить мысли Квиста по другому руслу.

- Поймите меня правильно, Джулиан. Я - не финансовый гений, но Марку нравится обкатывать на мне свои идеи, поскольку я могу дать им адекватную оценку. Мы оба прошли школу моего брата... его отца.

Надо рассеять ее тревоги, подумал Квист. Заигрывая с ним, она дала ему единственное оружие, которым он располагал на этот момент.

- Вы знаете, откровенно говоря, я могу воспринимать вас только как женщину. - Он улыбнулся. - Я не проявлю излишнего любопытства, спросив о мистере Лоримере?

Беатрис отпила джина.

- Когда учишься ходить, неизменно падаешь и обдираешь колени. Роберт Лоример, тогда молодой юрист, работал у моего отца. Я влюбилась в него молоденькой девушкой. В мгновение ока я... я превратилась в женщину. Одно его прикосновение сводило меня с ума. Мы удрали в Гринвич и поженились, тогда так было модно. Скоро, однако, огонь влюбленности погас, а когда развеялся дым, я поняла, что Роберт не такая уж находка. Мой отец с радостью помог мне развязать этот узел.

- А других попыток вы уже не предпринимали?

В ее глазах он прочитал готовность отдаться ему по первому его слову.

- Более я не видела необходимости связывать себя семейными узами.

По-моему, и вы придерживаетесь того же мнения, Джулиан, иначе давно женились бы на мисс Мортон.

- Как вы проникательны. Но давайте вернемся к цели моего приезда сюда. Мы создаем образ Марка, помните? Вы дадите мне альбом с фотографиями?

- Как только Марк выйдет из кабинета.

- Так может, поговорим о Дэвиде Льюисе? Потому что именно его деньги стоят за "Спортивным комплексом".

Что-то в Беатрис изменилось. Она ушла в себя, насторожилась.

- Интересный человек. Принадлежит к другому поколению. Он начинал посыльным на фондовой бирже, не имея на своем счету ни цента.

- Реальное воплощение американской мечты?

Беатрис кивнула.

- Власть приходят к людям, которые день и ночь грезят ею. Финансовую империю можно построить только в одном случае: если не думать ни о чём другом. Таков Дэвид. Его возможности огромны. Он контролирует бизнес, контролирует государство. В общем, заслуживает внимания.

- Внимания деловой женщины?

- Любой женщины, - отпарировала Беатрис. - "Просите, и вам воздастся". Такие мужчины зачаровывают женщин.

- А сексуально он привлекателен?

Глаза Беатрис сузились.

- Право, не знаю, что и ответить... вам, Джулиан. Видите ли, когда вырастешь... я хочу поделikatнее обыграть фразу "в моем возрасте"... сексуальное возбуждение приносят не мышцы, профили, эротические фантазии. Отдаться мужчине... всё равно что добавить к напитку еще одну составляющую. - Она подняла бокал. - Джин слишком крепок, с резким запахом. Добавим тоник и получим восхитительную смесь. Один тоник тоже пить не будешь. Если предполагаешь, что, смешав ингредиенты, на выходе получишь что-то приятное... В этом для меня источник сексуального возбуждения. - Их взгляды встретились. - У нас с вами получилась бы неплохая смесь. В вас я вижу беззаботность, жажду наслаждений, неотягощенную прежними связями. Эта идея сексуально возбуждает. Смешиваться с Льюисом? Тут другое. Доступ к власти, к сокровищам мира, возможность двигать главные фигуры в шахматной партии, доска для которой - весь мир. Полагаю, это и влечет к Дэвиду многих женщин. - Она улыбнулась. - Опытная женщина знает, что, воздержавшись от секса, можно получить нечто большее. Я хотела, чтобы Дэвид помог Марку. Рад этого и очаровывала его. Теперь цель достигнута, и Дэвид меня больше не интересует.

- Странная у него жена, - заметил Квист. - Он же может купить всех и вся, включая и самых роскошных женщин. А миссис Льюис больше похожа на мышку.

- Они очень давно женаты. Видите ли, некоторые мужчины любят укрощать диких лошадей. А другим нравится бить животных, потерявших волю к сопротивлению.

Брови Квиста взлетели вверх.

- Вы хотите сказать, что Льюис бьет жену?

Беатрис рассмеялась.

- Я надеюсь, это всего лишь образное выражение. Между прочим, меня удивила его заботливость. Несомненно, прежде он очень ее любил. И

угольки этой любви еще тлеют. - Она поставила бокал на стол, поднялась. - Пойду посмотрю, удастся ли мне убедить Марка отдать альбом. - Она замаялась. - Мы поиграли с вами в очень милую игру, Джулиан, хотя я понимаю, что дальше разговоров дело не пойдет. Но если вы устанете от мисс Мортон или она от вас... Могу вас заверить, мы с вами составим похитительную смесь.

Квист открыл дверь своей квартиры в начале девятого, когда еще не наступили сумерки. И тут же гулко бухнуло сердце. На кухне кто-то был. Лидия?

Но в дверях возникла Конни Пармали. Ее глаза за большими очками в роговой оправе сузились. Она прочитала мысли босса.

- Извините, но это всего лишь я.

Ключ у нее был, но Квист не помнил, чтобы она хоть раз приходила в его квартиру. Выглядела она очень соблазнительно, в простеньком черном платье с белым ученическим воротником и великолепными стройными ногами, выставленными на обозрение едва ли не до признаков пола.

- Вам просили кое-что передать... И я подумала, что у вас в доме ни еды, ни питья. Вы сегодня ели?

- Так что мне просили передать?

- Лейтенант Кривич ничего нового не узнал. Макс Готтфрид ждет вашего звонка. Он оставил номер домашнего телефона. Дэн думает, что напал на след... Но не сказал, кого. Бобби пригласил Мириам Толбот в цирк.

- Подозреваю, ее бы взяли в воздушные гимнастки, - пробурчал Квист. Сел, потому что чувствовал, что ноги отказываются его держать. - Господин Конни, просто не могу найти себе места.

- Я понимаю. Успехов никаких?

- Одна очаровательная дама пригласила меня в свою постель. Я узнал, что Марк Стиллзуэлл совсем не тот, за кого его принимают. Пустое место. - Он пересказал разговор с Беатрис. - Слабое звено в их цепи, которое мы сможем использовать... Если сможем.

- Спиртное? Кофе? - спросила Конни.

- Кофе с бурбоном.

Он закрыл глаза, а Конни ретировалась на кухню.

Не мог он сидеть, сложа руки. Надо что-то делать, искать Лидию! Но кто похититель? Какой смысл бить наугад. Похитителя надо чем-то прижать, заставить его вернуть Лидию.

Вернулась Конни, подошла к бару, добавила в кофе бурбона.

- Я виделась с доктором Френкелем.

- О!

- Мой врач его знает, так что мне удалось договориться о срочной встрече. Мой врач давно уже положил на меня глаз и готов на всё, лишь бы заслужить мою благодарность. Он сказал доктору Френкелю, что у меня нервное расстройство. И просит его, как коллегу, принять меня.

- Вы сказали своему врачу, что побудило вас встретиться с Френкелем?

- Я сказала, - лицо Конни оставалось бесстрастным, - что хочу ограбить сейф доктора. Он бы в любом случае мне не поверил, поэтому я решила, что сойдет и правда. Но он надеется, что теперь я сама приду в его объятия.

- И что за этим последовало?

- Доктор Френкель принял меня. Я легла на его кушетку, выставив на показ свои ноги. Он вежливо спросил, что меня тревожит. Я ответила.

Квист устало улыбнулся.

- И что же?

- Вас это не касается. Я подумала, что могу получить дельный совет раз уж попала к психоаналитику. Дело в том... ни карт пациентов, ни сейфа нет. Ни в приемной, ни в кабинете. Ничего интересного пациенты рядом с собой не найдут, если доброму доктору внезапно захочется справиться нужду. Подозреваю, есть еще личный кабинет, но туда никому ходить нет.

- Надеюсь, ты получила дельный совет.

- Другим он и быть не может... за пятьдесят-то баксов. А с чего вы решили, что миссис Льюис - пациент герра доктора?

- Вроде бы логичное предположение. Если мы выясним, куда ее увезли, она, возможно, сообщит нам что-то важное. - Он поерзал в кресле. Конни, будь вы на месте Лидии, чего бы вы от меня ожидали?

Глаза Конни затуманились.

- Я бы ожидала, что вы сотворите чудо.

- Какое чудо?

- Вот об этом я бы и не думала. Я бы просто полагалась на вас.

- А я сижу здесь, как пень!

- Может, это и есть чудо, - заметила Конни. - Для этого требуется куда больше мужества, чем метаться по Пятой авеню, потрясая кулаками.

Зазвонил телефон. По кивку Квиста Конни сняла трубку.

Он увидел, как напряглось ее лицо, потом она передала трубку ему.

- Речь не о Лидии, но звонит лейтенант Кривич.

- Они вновь показали зубы. Твой Гарви...

- Что с ним?

- Он в больнице. Беллеву. Избитый до полусмерти. В критическом состоянии. Говорить не может.

- Кто это сделал? Когда?

- Его нашли в проулке между домами в западной части Десятой улицы. Смотритель выносил мусор и едва не упал, споткнувшись об него. Никто ничего не слышал, ничего не видел. Гарви изрядно досталось. Били его профессионально. Ты не знаешь, каким ветром его занесло в ту часть города?

- Он просил передать, что идет по следу. Но не сказал, кого.

- Тебе бы приехать в больницу, - добавил Кривич. - Я тебя подожду.

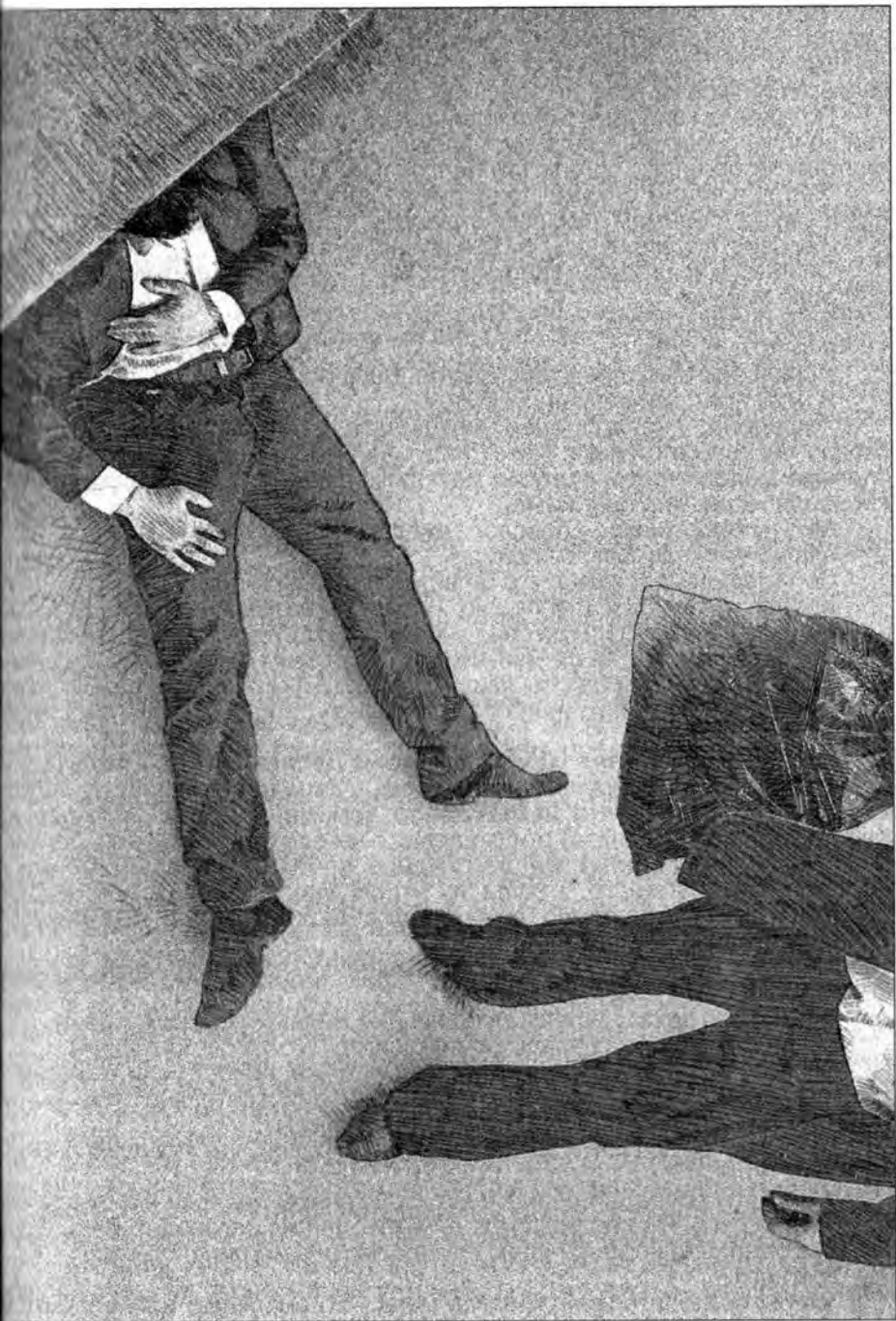
Глава 6

Лицо Квиста превратилось в маску, вырезанную из светлого камня. Он стоял у больничной кровати, на которой лежал Дэн Гарви. С замотанной бинтами головой, с закрытыми глазами. Дыхание шумно вырывалось из его груди.

Конни, приехавшая вместе с Квистом, отвернулась к окну. Профессиональное хладнокровие покинуло ее: она расплакалась.

Лейтенант Кривич и врач в зеленом хирургическом халате стояли рядом с Квистом.

- Пятьдесят на пятьдесят - это всё, что я могу сейчас пообещать вам мистер Квист. - Врач говорил негромко, словно не хотел, чтобы его услы-

шал Гарви. Хотя в тот момент Гарви не услышал бы и трубу архангела Гавриила. - Его били по голове. Сломали челюсть, скорее всего, проломили череп, это мы узнаем по рентгеновским снимкам. Разумеется, не столько синяков на теле, но здесь как раз ничего серьезного.

- По травмам видно, что били свинцовой или железной трубой, обернутой во что-то мягкое, - вставил Кривич. - Кожа цела, а вот повреждены внутренние органы... У того, кто бил, силы хватало.

- Рентгеновские снимки принесут с минуты на минуту, - продолжил врач. - Тогда и поймем, нужна ли операция... если он ее выдержит.

Губы Квиста шевелились: он беззвучно ругался.

- Он ничего не сказал, - вздохнул Кривич. - И неизвестно, когда заговорит, если сможет.

- Я бы ругался вслух, - заметил врач.

Квист отвернулся.

- Используйте все средства, доктор. Всё, что угодно.

- Я могу предложить лишь молитву.

В коридоре, у палаты Гарви, находилась небольшая ниша, в которой стояло несколько стульев. Квист подумал, что картина эта до боли ему знакома: родственники и друзья ждут, пока появится доктор и скажет, как сложится их дальнейшая жизнь.

- Мне нужна помощь, - прервал тяжелую тишину Кривич.

- А кому нет? - отозвался Квист.

- По телефону ты сказал, что Гарви уцепился за ниточку.

- Мы все пытались найти Лидию, - Квист посмотрел на Конни.

- Ранним вечером он позвонил в квартиру мистера Квиста, - пояснил Конни. - Я была там... на случай, что кто-то захочет ему что-нибудь передать. Дэн сказал: "Я вроде бы нашел одну зацепку... но пока рано тешить себя надеждой. Позвоню еще раз, как только смогу". И вот что из этого вышло.

- Избили его в проулке между домами на Десятой улице, между Пятой и Шестой авеню. Проулок выходит на Одиннадцатую улицу, между какими-то садиками, что находятся за домами. - Кривич смотрел на Квиста, словно ожидая, что эти сведения о чём-то ему напомнят. - Технический смотритель там один на три или четыре дома. Он собирает мешки с мусором в одно место, откуда их утром увозят на автомобиле. Он буквально споткнулся о тело Гарви рядом с Десятой улицей. В темноте.

Квист покачал головой.

- Понятия не имею, каким ветром занесло Гарви в ту часть города Конни, может, там живут его друзья?

- Дэн никого не посвящал в свою личную жизнь, - ответила Конни.

Кривич уставился на нераскуренную сигарету, что держал в руке.

- Сколько раз им надо повторять одно и то же, Квист? Если тебя беспокоит безопасность твоей девушки, может, тебе действительно стоит выйти из игры? Видишь, что они сделали с твоим другом.

Квист сжал предплечье детектива с такой силой, что тот даже поморщился от боли.

- У Лидии не будет ни единого шанса на спасение, если мы будем сидеть сложа руки. Они не позволят ей уйти. Она же заговорит. Я надеюсь лишь на одно: они не убьют ее на случай, что она им понадобится.

- Для чего?

- Чтобы позвонить мне. Убедить меня, что она жива, и мне надо бы

сделать то-то и то-то. А потом... - Квист отпустил руку Кривича, отвернул-
ся.

- Они следят за тобой и, похоже, следили за Гарви. Они опережают те-
бя на шаг, какой бы путь ты ни избрал. Потому что ты не знаешь, кто за
тобой следит.

- И что ты предлагаешь?

- Мне бы хотелось дать тебе дельный совет. Но у меня его нет.

- Возможно, такой совет могу дать я. - Квист глубоко вдохнул. - Найди
миссис Льюис. Вроде бы ее отправили в какую-то психиатрическую
клинику на Лонг-Айленде. И никто из нас с ней не переговорил. Я готов
спорить, что она - пациентка Френкеля. Если так, он может сказать, где
она сейчас. Нажмите на Беатрис Лоример и Патрика Гранта. Я думаю,
Марк Стиллзуэлл - это ширма, а решает всё Беатрис. Опять же, готов
спорить, Марция Льюис что-то да видела. Но Стиллзуэллы и сам Льюис
пойдут на всё, чтобы об этом не стало известно. Шанс у Лидии один: кто-
то должен заговорить до того, как они ее убьют. Мы спасем ее, если
узнаем всё сами. И тогда ее показания уже не будут иметь никакого
значения, поскольку нового в них ничего не будет. Полагаю, наша
последняя надежда - Марция Льюис.

Кривич медленно кивнул.

- Я найду миссис Льюис.

- Возможно, завтра или послезавтра будет поздно. - Квист уже кричал.
Если Дэн действительно потянул за ниточку...

- Я также сделаю всё, чтобы защитить Гарви, - добавил Кривич.

- Защитить его! Господи, да он одной ногой на том свете!

- Его избили потому, что он узнал что-то лишнее, не так ли? - спросил
Кривич. - В проулке его оставили умирать. Но он не умер... пока. Газетчики
получили сведения о том, что он еще жив, до того, как я успел вмешаться.
Как только он откроет свои синие глаза и заговорит, кому-то придется
держать ответ. Так что я возьму под охрану не только его палату, но и весь
этаж.

- Словно снежный ком! - воскликнула Конни. - Убийство на убийстве!

Кривич-таки закурил.

- Так происходит всегда, когда заговорщики пытаются скрыть правду.
Повлекается всё больше людей, совершаются всё новые преступления.
Если бы Джэдвин смог арестовать убийцу Кэролайн в первую ночь, никто
бы не похитил мисс Мортон, а вы с Гарви занимались бы привычными
делами. Смотри, что получается. Миссис Стиллзуэлл заметила что-то из
окна и выскочила из дома, чтобы предпринять какие-то действия. Ее не
просто убили. Исполосовали ножом. А теперь давай погадаем на кофей-
ной гуще. Допустим, миссис Льюис что-то увидела и рассказала об этом
своему мужу, а может, и остальным. И в этой истории оказалась заме-
чанной очень важная для них персона. Поскольку Кэролайн Стиллзуэлл
они помочь уже не могли, было принято решение уберечь эту персону от
наказания, чтобы не порушить "планов громадьё". А тут им еще улыбну-
лась удача. На территории поместья задержали Джонни Типтоу, можно
сказать, идеального козла отпущения. Они слышали его оправдания, так
что один из них не счел за труд прокрасться к гаражу садовника, взять
канистру бензина и залить его в бак машины Типтоу, чтобы доказать лжи-
вость его утверждений. Естественно, они понятия не имели, что твой мис-
тер Гиллард уже проверил бак автомобиля. Джэдвин начал коситься в их

сторону. А потому решили убрать и его. Но выпавшее из его рук знамя подхватил ты, следовательно, тебя надо остановить, пока ты не добрался до миссис Льюис и не вывел их на чистую воду. Они пришли к логичному выводу, что остановить тебя можно лишь через Лидию Мортон. Но тут в игру вошел Дэн Гарви и, похоже, выяснил что-то очень важное. Так что пришлось и ему вынести смертный приговор. Как ты понимаешь, они уже не могут остановиться. Будут убивать и убивать. - Кривич переводит взгляд с Квиста на Конни. - Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Мне знакома переполняющая вас ярость. Я знаю, что нет смысла советовать вам отойти в сторону и положиться на нас. Вас просто разорвет, если вы будете сидеть сложа руки. Но я прошу лишь об одном, Квист: ни на секунду не забывайте об изрезанной в куски Кэролайн Стиллзуэлл и разбитой голове Дэна Гарви. То же самое может поджидать каждого из вас за ближайшим углом.

Конни, не мигая, смотрела на детектива.

- Дэн, возможно, кому-то звонил, оставил какие-то записки в своем кабинете. Может, мне связаться с его секретарем, заглянуть в кабинет?

- Нам это только на руку, - ответил Кривич. - Но прошу вас, мисс Пармали, будьте осторожны.

- Я поеду с ней, - вызвался Квист. Куда еще он мог поехать?

К штаб-квартире "Джулиан Квист Эссошиэйтс" Конни и Квист приехали на такси. Сидели бок о бок на заднем сиденье, его рука сжимала ее. Безумные мысли копошились в голове Квиста. Око за око. Он поедет в Уэстчестер, схватит Марка Стиллзуэлла за грудки и методично переломает ему все кости, пока тот не заговорит. А как насчет сексапильной мисс Толбот? Боготворит ли ее Марк, как он боготворит Лидию? К сожалению, нет, горечью подумал Квист. Для Марка на первом месте Марк. Тогда, может, завлечь в постель Беатрис Лоример, а уж там найти способ заставить ее заговорить? Или ему поехать к доктору Френкелю и разнести его берлогу? Найти доказательства того, что Марция - пациент доктора, и вырвать у Френкеля название клиники, в которой ее держат.

- Вы сломаете мне руку, Джулиан, - подала голос Пармали.

Он посмотрел вниз, увидел, что от напряжения у него побледнели концы пальцев.

- Моя милая Конни, пожалуйста, извини. Я... боюсь, я готов кого-то убить.

Охранник в вестибюле хорошо их знал. Они часто приходили по вечерам и расписывались в его регистрационной книге.

- Видать, рабочего дня вам нынче не хватило, - улыбнулся охранник. Вы не первые.

- Как так? - не понял Квист.

Охранник указал на регистрационную книгу.

- Тут уже отметились мистер Гиллард и мисс Чард.

Они поднялись на лифте. Квист открыл дверь своим ключом. В приемной ярко горел свет. Из коридора доносился мелодичный смех Глории.

- Бобби, Глория, - позвал Квист.

Они появились вместе. Глория - в потрясающем темно-синем платье сшитом для нее, Квист это знал, Мэрилин Мартин. С оголенными плечами и большим декольте.

- Вы слышали, что случилось с Дэном? - В голосе Бобби звучала тревога.

- Мы только что из больницы, - ответил Квист.

- Как он? - спросила Глория. В агентстве много судачили о том, что она и Гарви встречаются не только в рабочее время.

- Плох.

- Я хотела поехать в Беллеву, но мы с Бобби решили, что сначала надо найти вас. В вашей квартире никто не брал трубку, поэтому мы приехали сюда, на случай, что и вы появитесь здесь. Можем мы чем-нибудь помочь Дэну?

- Врач предложил помолиться.

- Господи! - выдохнула Глория. - Бедный Дэн. Полиция знает, как это случилось?

- Пока еще нет.

Конни прошла в кабинет Гарви.

- Ни мне, ни Бобби не повезло, - отчиталась Глория. - Хотя у Бобби всё сорвалось в самый последний момент.

- Я ходил с мисс Толбот в цирк, - пояснил Бобби.

- Странные вкусы у этой сексапильной дамочки, - бросил Квист.

- Да уж, - кивнул Бобби. - Я-то цирк ненавижу. Не могу смотреть на людей, которые ходят по проволоке да перелетают с трапеции на трапецию. А Мириам не отрывала от них глаз. Похоже, всё ждала, что кто-нибудь да сорвется.

- Она говорила... о Марке?

- Я пытался что-нибудь выудить у нее, разумеется, не в лоб. Но... у меня сложилось ощущение, что она смеялась надо мной, словно точно знала, почему я пригласил ее в этот вечер. А согласилась только потому, что хотела прощупать меня. Так что мне приходилось действовать очень осторожно.

- А результат?

- Когда представление закончилось и я гадал, что же делать дальше, она неожиданно предложила поехать к ней. Рассмеялась и добавила, что обожает комфорт и уют.

Я как раз ловил такси, когда к нам подошел мальчишка, продающий газеты. На первой полосе красовалась физиономия Дэна. Под заголовком "БЫВШАЯ ФУТБОЛЬНАЯ ЗВЕЗДА ИЗБИТ И ОГРАБЛЕН. ЕГО ЖИЗНЬ ВИСИТ НА ВОЛОСКЕ". Фотография взяли из архива. Из тех времен, когда он еще играл в футбол. Мириам сразу стало не по себе. Внезапно она сказала, что у нее жутко разболелась голова. И, если я ее прошу, домой она поедет одна. Оставила меня на тротуаре с разинутым от удивления ртом: так быстро всё произошло.

- Значит, никаких результатов?

- Никаких, за исключением того, что она знала о моих намерениях. И смеялась надо мной.

- Я не могу похвалиться даже таким успехом, - продолжила Глория Чард. - Во второй половине дня я поехала в "Стиллуэлл энтерпрайзес" на встречу с Патриком Грантом. Обсудить рекламную кампанию "Спортивно-го комплекса". Хотя в приемной дожидались другие люди, он сразу пригласил меня в кабинет. - Глория улыбнулась. - Я надела одно из платьев Руди Гейнрейха. И выглядела потрясающе. Я похлопала глазками и пару раз вильнула бедрами. Он, конечно, всё понял. Я видела, как зажглись у него глазки. Но со вздохом он объяснил, что сейчас не может уделить мне ни минуты. Должен разгрести кучу дел, накопившихся из-за случившейся

трагедии. Однако - тут глазки загорелись еще ярче - он с радостью встретится со мной вечером. На обед пригласить не успеет, но угостит лучшим шампанским. Тогда, мол, и поговорим о "Спортивном комплексе" или о чём-нибудь еще. За икрой. Он пообещал заехать за мной в девять вечера. Записал мой адрес и номер телефона. Многообещающе пожал на прощание руку, заглянул в глаза. И всё! Ни приехал, ни позвонил! Этот сукин сын продинамил меня. Такое случилось со мной впервые.

- Похоже, мы их напугали, - нахмурился Квист. - Бьем по всем целям.

- На что мог наткнуться Дэн? - спросил Гиллард. - Я готов поклясться, что газетная публикация потрясла мисс Толбот.

Конни позвала их в кабинет Гарви. Квист вошел первым, Бобби и Глория - следом за ним. Стены украшали фотографии спортивных знаменитостей, все с благодарственной надписью Дэну, и команд, в которых он играл, в школе, в колледже, профессиональной лиге.

Конни стояла у стола, не отрывая глаз от исписанной страницы большого блокнота.

- Ничего особенного, босс. Я переговорила с секретарем Гарви. День у него начался, как обычно. Но с ленча он не вернулся. Лишь пару раз позвонил, чтобы узнать, нет ли у вас чего нового. Вроде бы и встреч у него во второй половине дня не было. Может, только с ним. - Она протянула блокнот Квисту.

Гарви постоянно что-то рисовал. Бегающий по бумаге карандаш помогал ему думать. Вот и этот лист покрывали геометрические фигуры, забавные лица, готические буквы. Буквы сложились в два слова, мужские имя и фамилию: Эд Викерс.

- Каждое утро он открывает чистый лист, - заметила Конни. - Всё это он нарисовал сегодня.

- Почему-то нет женщин с голой грудью, - пробормотал Квист. - Эд Викерс... Ты знаешь, кто это?

Конни кивнула.

- Да, Сразу вспомнила. - Она указала на одну из групповых фотографий. - Футбольная команда колледжа Дэна.

Квист подошел к фотографии. Обычное дело - игроки в три ряда, первый сидит на земле, второй - на скамье, третий стоит. В левом верхнем углу Гарви написал: "НЕПОБЕДИМЫЕ - ЧЕМПИОНАТ ШТАТА, 1963". Капитан команды, светловолосый здоровяк, сидел в центре второго ряда с мячом в руке. Рядом с Гарви, который выглядел совсем мальчишкой. Фамилии всех игроков были напечатаны под фотографией. Капитана, что держал мяч, звали Эд Викерс.

Квист повернулся к Конни.

- Ему позвонил давний друг. Вот он и записал в блокнот его имя и фамилию.

- Готическими буквами, - рассеянно ответила Конни. Она пролистывала телефонный справочник Манхэттана. Наклонилась, ее палец побежал вдоль колонки фамилий. Остановился, она подняла голову, посмотрела на Квиста. Ее глаза, за дымчатыми стеклами очков, округлились. - Эдвард Викерс живет на Манхэттане.

- И что такого? - Приятель Гарви по колледжу нисколько его не интересовал.

- Адресок любопытный. Западная часть Одиннадцатой улицы.

Квист вздрогнул, уставился на Конни.

- Вы хотите, чтобы я позвонила ему и спросила, не связывался ли с ним Дэн?

- Нет, - покачал головой Квист. - Я думаю, что мне следует самому заглянуть к мистеру Викерсу.

Номер двадцать шесть в Западной части Одиннадцатой улицы. Когда-то особняк, теперь многоквартирный дом. Выходящий в тот самый проулок, в котором нашли Дэна Гарви.

У дверей Квист прочитал список жильцов. Викерс занимал квартиру на втором этаже. Квист замялся. Конни умоляла его не ехать в одиночку, но он отослал ее в свою квартиру, на случай, что появятся новые известия о Лидии. Викерс, возможно, ни при чём, сказал он Конни, но сам в это не верил. Всё-таки Дэна нашли в проулке, примыкающем к этому дому. Разумеется, Викерс мог быть добрым другом Дэна. Возможно, тот подумал о нём, записал имя, позвонил, заехал, чтобы получить какие-то сведения. На него могли напасть до того, как он пришел к Викерсу, или когда он уже ушел от него. Однако, если Дэн звонил Викерсу или заезжал к нему, тот должен знать, на чей след вышел Дэн.

Квист глубоко вдохнул и позвонил в квартиру 2R.

Мгновение спустя из динамика домофона послышалось: "Да?"

Квист наклонился к микрофону.

- Мистер Викерс? Я - друг Дэна Гарви. Вы можете уделить мне минуту?

- Дэна Гарви! - В голосе слышалась радость. - Это же надо! Конечно. Заходите.

Щелкнул замок входной двери, Квист переступил порог. Чувствовалось, что в подъезде за порядком следят. Чистенький столик для корреспонденции. Ковер на полу и лестнице, по которому недавно прошли пылесосом. Квист бывал в таких домах. Аренда двухкомнатной квартиры стоила здесь от трехсот до трехсот пятидесяти долларов в месяц.

Квист начал подниматься на лестнице, когда на площадке второго этажа возникла гигантская фигура. Рост шесть футов десять или десять дюймов роста, вес - двести пятьдесят фунтов, только мышцы, ни грамма жира, светлые волосы, белозубая улыбка. Рубашка с коротким рукавом, фантастические бицепсы. Когда мужчины обменивались рукопожатием, Квисту показалось, что его рука попала в железные тиски.

- Друг Дэна? Как поживает этот сукин сын?

- Меня зовут Джулиан Квист. Дэн работает у меня.

- Заходите, Джулиан, заходите. По моему разумению, выпить никогда не поздно. Заходите.

Квист догадался, что квартиру эту здоровяк Викерс арендовал с обстановкой или ее снимала его дама. Мебель выглядела слишком уж хрупкой для его габаритов.

- Что вам налить? - Викерс направился к столику, уставленному бутылками. - Я как раз собирался пропустить стаканчик, чтобы скрасить свое одиночество. - Выглядел он таким домашним.

- Бурбон, если он у вас есть. Если можно, со льдом.

- Уже наливаю. Рад видеть вас, Джулиан, хотя не очень-то понимаю, чем обязан вашему визиту. - Он протянул Квисту полный стакан.

Квист не знал, что и думать. В Викерсе не чувствовалось ни злобы, ни враждебности. Он решил играть в открытую.

- С Дэном несчастье. Этим вечером его нашли без сознания, избитого

до полусмерти, в проулке, что проходит за вашим домом. Сейчас он в больнице Беллеву. В критическом состоянии.

- Господи! - воскликнул Викерс. - Рядом с моим домом?

- Его нашел техник-смотритель.

- Но он выживет, не так ли?

- Мы надеемся. В сознание он еще не пришел. И, возможно, так и не придет.

На лице Викерса не отразилось облегчения. Только шок.

- Этот чертов город кишит грабителями, - прорычал он.

- Мы пытаемся выяснить, что привело Дэна в эту часть города, - продолжал Квист. - Он записал в блокнот ваши имя и фамилию.

- Мои имя и фамилию? Это же надо!

- На стене в его кабинете висит фотография футбольной команды вашего колледжа. Я узнал вас по ней.

- Отличная была команда. В тот год мы сделали всех. Дэн был лучшим защитником из тех, кого мне доводилось видеть. Не бежал, а парил над полем, словно орел.

- Увидев вашу фамилию в блокноте, я решил, что Дэн мог позвонить вам, даже заехать. Тем более что нашли его буквально у вашего порога...

Викерс недоуменно уставился на Квиста. Как поставленный в тупик ребенок.

- Я не видел Дэна и не разговаривал с ним семь... восемь лет. У каждого своя жизнь. Он стал профессионалом. Я оказался слишком медлительным. - Он заулыбался. - С габаритами, как у меня, они берут только тех, кто быстро бегает. В колледже мы были близки, потом наши пути разошлись. Моя фамилия в его блокноте! Чудеса, да и только.

- Он вам не звонил?

- Нет. Я бы с радостью познакомился с ним. Может, он решил удивить меня неожиданным приездом, но по пути на него напали?

- Возможно, так оно и было. - К бурбону Квист так и не притронулся. Что-то его настораживало. Викерс держался очень естественно, но всё же...

И тут Квисту стало всё ясно. В квартире они были не одни. Кто-то еще находился то ли на кухне, то ли в спальне, то ли в ванной. Женщина, которой принадлежала квартира, решил Квист. А настораживало его слабый аромат духов.

- Извините, что потревожил вас. Надеюсь, я не помешал?

- Конечно же, нет. Выпейте, дружище. Могу я чем-нибудь помочь Дэну?

- Только одним. - Квист выдавил из себя улыбку. - Позвольте мне воспользоваться вашим туалетом.

- Конечно, конечно. - Викерс не почувствовал подвоха. - Вон та дверь, рядом со спальней.

Квист поставил стакан, поднялся. Болело всё тело. Направился к указанной двери. Прошел мимо спальни, чистой, опрятной. Никого не было и на кухне. Он открыл дверь ванной, ожидая столкнуться лицом к лицу с подругой Викерса. Но никого не нашел и в ванной. Закрыл за собой дверь, уставился в свое отражение в зеркале над раковиной. Глаза его напоминали горящие угли.

И тут его осенило. Он понял, почему его сердце учащенно забилося, как только он вошел в квартиру Викерса. Причина тому - тот самый запах духов.

Теперь он точно знал, что произошло с Гарви. Дэн пришел сюда незванным. Должно быть, поднялся на второй этаж без звонка по домофону. Постучался, а когда Викерс открыл дверь, проник в квартиру и увидел женщину, которой не нашел Квист.

С запахом он ошибиться не мог. Эти духи Беллини создал для одной женщины... Лидии!

Квист посмотрел на свои ладони. Мокрые от пота. Сейчас Лидии здесь нет, но она была тут не так и давно. Запах духов Беллини рассеивался довольно быстро.

И его следующий шаг, решил Квист, для Лидии - вопрос жизни и смерти. Он попытался поставить себя на место Дэна Гарви. Тот искал бандитов, нанятых Дэвидом Льюисом или Марком Стиллуэллом. Каким-то образом всплыло имя капитана его футбольной команды. Гарви, должно быть, знал, чем занимается Викерс. Согласно Викерсу, их пути разошлись, но Дэн было известно, каким путем пошел Викерс.

А кроме того, предположил Квист, ему удалось получить какую-то информацию, связывающую Викерса с тандемом Льюис-Стиллуэлл. Дэн приходил сюда не для того, чтобы возродить прежнюю дружбу. Он хотел заставить Викерса врасплох. И застал. Викерс держал Лидию в своей квартире.

Дэн, конечно, парень крепкий, подумал Квист, но устоять против этого здоровяка-блондина не мог. Викерс избил Дэна, а потом оттащил в проулок и бросил, полагая его мертвым. И теперь, должно быть, ему несладко. Гарви-то жив. Если он заговорит, Викерсу крышка. Разделавшись с Гарви, Викерс должен был заняться Лидией. Увести ее подальше от места, где могли найти Гарви. И сейчас... То ли Лидия сидела под охраной другого тюремщика, то ли ее труп покачивался среди гнилых грейпфрутов и другого мусора в Северной реке.

В дверь постучали.

- С вами всё в порядке? - спросил Викерс.

- Да-да, - откликнулся Квист. - Сейчас выхожу.

Он выпрямился, попытался взять себя в руки. Спустил воду, открыл дверь, вернулся в гостиную. Викерс успел вновь наполнить свой стакан. И надел пиджак из тонкой шерсти. Квист понял, что после ухода гостя он тоже не засидится. На Квиста Викерс старался не смотреть.

- Так вы говорите, Дэн в Беллеву?

- Да. В палате интенсивной терапии.

- Я бы хотел ему чем-то помочь. Что-то для него сделать, когда он выйдет из больницы.

- Если выйдет.

Викерс повернулся к Квисту. Широко улыбнулся.

- Дэн - парень крепкий. Он выкарабкается. Должен выкарабкаться.

- Я надеюсь, - ответил Квист.

- Готов поспорить. - И Викерс осушил стакан.

Квист смерил здоровяка взглядом, понимая, что ему выбить из того правду не удастся. Лидии он мог помочь только одним: выбраться отсюда живым и связаться с Кривичем. Викерс, он в этом не сомневался, попытается добраться до Дэна, чтобы навсегда заткнуть ему рот. И Кривич должен встретить его во всеоружии.

- Спасибо за бурбон. - Квист выдавил из себя улыбку. - Я очень надеялся, что вы сможете пролить свет на случившееся с Дэном. Хотя бы ус-

тановить время нападения. Если его избили после того, как он побывал у вас.

- Только ко мне он не заходил, - покачал головой Викерс. - Пожалуйста держите меня в курсе. Мой телефон есть в справочнике.

- Я знаю. По справочнику я и нашел ваш адрес.

- Честно говоря, меня удивило, что вы не позвонили перед тем, как приехать сюда.

Тут Квист решил рискнуть.

- Я звонил. Но вы, должно быть, отлучились.

Отлучился, чтобы избавиться от Лидии!

- Совершенно верно. Ходил в "Кафетерий" на Шестой авеню. Скажите Дэну, что мне известно о случившемся и я желаю ему скорейшего выздоровления.

- Обязательно скажу. Еще раз извините за поздний визит.

- Жаль, что ничем не смог вам помочь.

На прощание они вновь обменялись рукопожатием.

Квист вышел из квартиры, спустился по лестнице, каждую секунду ожидая удара в спину. В холле обернулся.

Здоровяк, стоявший на площадке второго этажа, помахал ему громадной рукой.

Выйдя из подъезда, Квист быстро направился к середине улицы: приятели Викерса могли поджидать его у проулка. Но у Квиста сложилось впечатление, что Викерс работает в одиночку.

Он поспешил к Шестой авеню, оглядываясь в поисках телефонной будки. Увидел одну на углу, позвонил в больницу, попросил соединить его с Кривичем. Ему ответили, что лейтенанта нет.

- Тогда подзовите копа, которого он оставил за себя. Дело срочное.

Вскоре в трубке раздался спокойный, уверенный голос.

- Сержант Уинстон слушает.

- Я - Джулиан Квист. Приходил с лейтенантом Кривичем.

- Я знаю, мистер Квист.

- Кажется, мне известно, кто избил Дэна Гарви. Этого человека зовут Эд Викерс. Я думаю, вскорости он объявится в больнице, чтобы добить Гарви. Кстати, как он?

- Без изменений, сэр. Я не буду зря тратить время, выслушивая ваши резоны. Можете вы описать его?

- Личность он заметная. Бывший футболист, рост шесть футов девяти дюймов, блондин, вес двести пятьдесят - двести шестьдесят фунтов. У него квартира в доме двадцать шесть по Западной Одиннадцатой улице, рядом с тем проулком, где нашли Гарви.

- До Гарви он не доберется.

- Но приложит к этому все силы, будьте уверены.

- До Гарви он не доберется, мистер Квист.

- Как мне найти Кривича?

- Скорее всего, он дома, - ответил Уинстон. - Лейтенант не спал тридцать шесть часов кряду. Телефон у вас есть?

- Да. Позаботьтесь о Гарви. Этот Викерс знает, что на карту поставлена его жизнь.

- Если он появится здесь, то ему не поздоровится. Через несколько минут мы возьмем его квартиру под наблюдение.

- Я думаю, он уже едет в больницу.

Глава 7

Лейтенант Кривич слушал внимательно. Он слишком хорошо знал Квиста, чтобы предположить, что его выводы - плод разыгравшегося воображения. Если Квист заявлял, что Лидия Мортон была в квартире Викерса, сомневаться в этом не приходилось. Но доказательства? Кривич не мог получить ордер на обыск на основании того, что Квист "унюхал" свою девушку в квартире Викерса.

- Значит, ты нашел сережку, которую и опознал, - подвел итог Кривич.

- Но я ничего не нашел.

- Ты нашел сережку, которую и опознал, - повторил Кривич. - Встретимся в моём кабинете. Сережку принеси. Иначе мне не получить ордера на обыск.

- Ты хочешь сфабриковать улики?

В голосе Кривича зазвучала обида.

- Ты же принесешь мне сережку и поклянешься, что нашел ее в квартире Викерса. Разумеется, это ложь, но откуда мне об этом знать?

- Я понял. Ты думаешь, твой сотрудник в больнице сможет защитить Гарви?

- Если не сможет, значит, это невозможно.

А время уходило, драгоценное время. Такси как сквозь землю провалились, так что до своей квартиры на Бикмен-Плейс он добрался через полчаса. Конни Пармали спала на диване в гостиной. Разыскивая на втором этаже квартиры маленькую шкатулку, в которой Лидия держала драгоценности, Квист рассказывал обо всём Конни. Она напомнила ему, что он не отзвонился Максусу Готтфриду.

- Он перезвонил полчаса назад. Сказал, что дело срочное.

Квист нашел шкатулку, достал сережки с лазуритом, которые подарил Лидии на день рождения в прошлом году. Сунул одну в карман. Но взгляд Конни не позволил ему уйти.

- Возможно, речь пойдет о Лидии.

- Первый раз он позвонил давно, до... - Он не договорил. Возможно, Гарви нашел Лидию в квартире Викерса уже после звонка Готтфрида. - Соедини меня с ним, Конни.

Он спустился вниз, налил чашку кофе из кофеварки, которую предусмотрительно включила Конни.

- Мистер Квист может поговорить с вами, мистер Готтфрид, - услышал он.

Взял трубку.

- Извините, что беспокою вас в столь поздний час... - Впрочем, извиняющихся интонаций Квист не услышал, голос адвоката звучал недружелюбно.

- Я сейчас очень тороплюсь.

- И всё-таки вам придется найти время, чтобы выслушать меня. Вы и наше агентство прекращаете всякую деятельность по рекламной компании Марка Стиллзуэлла и "Спортивного комплекса". До особых указаний.

- И от кого они поступят?

- От моего клиента, Дэвида Льюиса, который также ваш работодатель. Ему не нравится ваши действия, Квист. Он хочет поговорить с вами, чтобы решить, стоит ли и дальше иметь с вами дело.

- И что же ему не нравится?

- Вот это он со мной не обсуждал. Но я уполномочен передать вам следующее: или вы даете задний ход, или пожалеете о том, что не прислушались к дельному совету.

- О чём же я пожалею?

- Я лишь выполняю указание моего клиента. И не знаю, что имеет в виду мистер Льюис. Но вот что я могу вам сказать, исходя из собственного опыта. Если Дэвид Льюис кому-то угрожает, он не блефует.

Квист глубоко вдохнул.

- Вы можете сказать Льюису, что передали мне его слова, дружище. Вы можете также сказать ему, что я понял, о чём речь. Вы можете также сказать ему, что я лично позабочусь о том, чтобы стереть его с лица земли, если он попытается выполнить свою угрозу.

- Что за чушь вы несете, Квист.

- Чушь, говорите? Так вот, я тоже не блефую, Готтфрид. И вы теперь сможете спать спокойно только в том случае, если понятия не имеете, о чём говорим мы с Льюисом.

Квист положил трубку, пальцы его сжались в кулаки. Он повернулся к Конни.

- Ты права.

- Насчет Лидии?

- Именно. Или я немедленно даю задний ход, или...

- Значит, надо давать задний ход.

Он посмотрел в ее широко раскрытые глаза, обнял, на мгновение прижал к груди. Присутствие близкого человека успокаивало, иначе он бы вышел от раздражающей его душевной боли.

- Слишком поздно. Они не позволяют ей уйти. Она сможет опознать Вилкера, даже если Дэн не сделает этого первым. Лидию можно спасти, если...

- Если что?

- Если загнать их в угол. Возможно, уже поздно, но...

- Джулиан, может, вам стоит остановиться? Всё-таки это не ваше дело. Пусть преступников ловит Кривич!

- Если я остановлюсь, а Лидия не вернется, в жизни у меня останется только одна цель: отплатить им так, чтобы память о моей мести пережила меня на века. - Он наклонился, поцеловал Конни в лоб. - Молись за нас, Конни, если знаешь как.

- Человеческий мозг - что компьютер, - вещал Кривич, напоминая школьного учителя. - Он битком набит информацией. Разница между машиной и человеком в том, что из первой можно получить нужную информацию, нажав несколько кнопок. И нет необходимости прерывать всю кучу.

Он сидел за столом в своем кабинете. Перед ним лежала компьютерная распечатка.

- Мы ввели в компьютер всю информацию по делу Стиллауэлла. Фамилии, даты, биографические данные. А также все материалы по Эду Вилкерсу. Имя, фамилию, адрес, телефонный номер. Не забыли и про то, что он был капитаном футбольной команды колледжа в 1963 году. Затем я задал компьютеру два вопроса. Были у Эдварда Вилкера нелады с законом? Если ли связь Эдварда Вилкера с делом Стиллауэллов? И получил два ответа.

- Какие же? - нетерпеливо спросил Квист.

- В обоих случаях - "да". За последние восемь лет Эдварда Викерса арестовывали трижды, всякий раз за нападение, сопровождаемое побоями. Мистер Викерс просто обожает избивать людей в общественных местах. Один раз он едва не убил свою жертву, оставив его калек на всю жизнь, но каким-то чудом адвокат сумел уладить всё без суда. За подозрительно крупную сумму. Таких денег Викерс заработать не мог. Платила не страховая компания, следовательно, у Викерса был очень богатый спонсор. Каждый раз при аресте его интересы представлял блестящий криминальный адвокат, некий Макс Готтфрид. Как тебе это нравится?

- Одно к одному! - воскликнул Квист.

- А теперь о втором "да" компьютера, - продолжил Кривич. - О связи Викерса с делом Стиллзуэллов, более осязаемой, чем тот запах, что ты учуял в его квартире. Компьютер эту связь нашел. После нашей последней встречи я проверил личный номер Марка Стиллзуэлла в уэстчестерском особняке. В день убийства с него тоже звонили по межгороду. В том числе и Викерсу, в его квартиру на Одиннадцатой улице. - Кривич грохнул кулаком по столу. - Мне очень хочется повидаться с этим Викерсом. Я хочу знать, где он был в то самое время, когда Джэдвина застрелили у Гранд-сентрал. Я хочу знать, куда он запрятал твою девушку.

- Я уверен, что он направился в больницу.

- А я уверяю тебя, что там он еще не появился. Тебе не нравятся полицейские методы, не так ли? Что ж, сережка, которую ты принес, поможет мне получить ордер на обыск квартиры Викерса. Улика, сфабрикованная полицией, так?

- Я не возражаю.

- Не возражаешь, пока мы льем воду на твою мельницу. В противном случае ты бы кричал на всех углах о наших противозаконных методах. А на что готова ради тебя мисс Пармали?

- Конни? Она-то тут причем?

- Вчера она побывала у Френкеля. По направлению личного врача, чтобы герр Френкель помог ей справиться с депрессией, так?

- Ты же знаешь, это был предлог.

Кривич разглядывал потолок.

- Бедняжка пришла в надежде на помощь. А коварный доктор Френкель попытался овладеть ею. Это может стоить ему карьеры.

- Да кто его в этом обвинит?

- Надеюсь, мисс Пармали. - Кривич посмотрел на Квиста. - Если пригрозить доктору Френкелю публичным обвинением в попытке изнасилования, он, возможно, скажет нам, где искать миссис Льюис.

Квист выдавил из себя улыбку.

- Где еще найдешь такого скверного, бесчестного, коварного копа? Но мне другого не надо.

- Ты можешь сейчас найти мисс Пармали? В четыре утра наш добрый доктор может оказаться более сговорчивым.

На столе Кривича зазвонил телефон. Тот снял трубку, послушал. Его лицо закаменело.

- Сейчас еду, - бросил он, положил трубку на рычаг, но не сдвинулся с места.

- Насчет Викерса ты не ошибся. - Он посмотрел на Квиста. - Он действительно объявился в больнице.

- Его взяли? - воскликнул Квист. Викерс знал, где Лидия!

- Взяли, - вздохнул Кривич. - Он оглушил какого-то врача в служебном помещении, надел его зеленый хирургический халат и маску и направился в палату Гарви. Я не зря говорил тебе, что мой Уинстон знает свое дело. Он опознал Викерса, остановил его, сорвал с лица маску. Викерс набросился на него. Уинстон применил оружие. Теперь Викерс ничего не сможет нам сказать... до Судного дня!

У Квиста защемило сердце. Викерс знал, где Лидия, а теперь он мертв. Кривич ничем не сможет ему помочь. Его люди защитили Дэна Гарви, но потеряли ключ от темницы Лидии.

Выяснилось, что Викерсом интересовался не только Кривич. Детектив Пуччи, занимающийся организованной преступностью, давно нарисовал на него зуб.

- Я пять лет пытаюсь засадить его за решетку, - говорил он Кривичу и Квисту. Втроем они стояли в больничном морге у громадного тела, ожидающего вскрытия. - Специализация этого парня - промышленный шпионаж. Подслушивающие устройства, покупка документации, запугивание, даже убийства. Однажды я уж решил, что всё, он получит срок за убийство профсоюзного лидера одного сталеплавильного завода. Но дело развалилось. Когда корпорации не могут решить вопрос легальным путем, они нанимают профессиональных убийц.

- Бандитов, - пробормотал Квист.

- Правильно, - кивнул Пуччи. - Бандитов. Слышали о Максе Готтфриде? Есть тут такой адвокат.

- Не только слышали, но и тесно общались, - ответил Квист.

- Он объявлялся всякий раз, когда мы думали, что Викерс у нас в руках. Наверное, лучший криминальный адвокат во всей стране.

- Могу Викерс работать на одного человека? - спросил Кривич. - К примеру, на Дэвида Льюиса.

Пуччи пожал плечами.

- Я всегда спотыкался на Готтфриде. Полагаю, Викерс работал на всех, кто мог оплатить его услуги. Сегодня - на меня, завтра - на него против меня. - Детектив прищурился. - Макс Готтфрид - адвокат Дэвида Льюиса, не так ли? Если Льюису потребовались бы услуги бандитов, Готтфрид наверняка порекомендовал бы Викерса.

- У меня нет доказательств, Пуччи, - заметил Кривич, - но я уверен: Викерс или один из его подручных убил капитана Джэдвина. Я думаю, он похитил мисс Лидию Мортон. Постарайся с этим разобраться. - Он посмотрел на Квиста. - Сережка нам больше не нужна. Этот покойник - достаточный повод для получения ордера на обыск.

- Мы этим займемся, - кивнул Пуччи.

- Никакой информации прессе, - предупредил Кривич. - Я еду в Уэстчестер, поговорить с возможными работодателями Викерса. Я не хочу, чтобы Готтфрид влезал в это дело до того, как я выясню кое-какие подробности. Я не хочу, чтобы Дэвид Льюис узнал, что здесь произошло. И никто не должен знать о состоянии Дэна Гарви. Это понятно?

- Понятно, - кивнул Пуччи. - Викерс хотел добить Гарви?

- Несомненно, но доказательств нет. - Кривич посмотрел на Квиста. Поедешь со мной за город? Марку Стиллзуэллу придется объяснять, с чего это он звонил Викерсу.

- Доктор Френкель? - спросил Квист.

- С ним придется обождать, но я прикажу установить наблюдение за его домом. На случай, что он поедет навестить пациентку... или ее приведут к нему.

Квист сидел рядом с Кривичем на переднем сиденье полицейского автомобиля без опознавательных знаков, несущегося по пустынной Ист-Ривер-драйв.

Его переполняла ярость. Душа требовала отмщения за Лидию и Дэна. Всё началось с модных платьев, а закончилось кровавой драмой. Ему вспомнился ленч с Лидией и Кэролайн в "Заднем дворе" Уилларда, когда все посетители не могли оторвать глаз от двух веселых, обаятельных красавиц. Теперь одну убили, вторую похитили. Арест, суд, обвинительный приговор для убийцы. Такой исход его не устраивал. Он хотел, чтобы убийца понес наказание от его руки.

- У тебя револьвер. - Кривич не отрывал глаз от дороги.

- Да.

- Отдай-ка его мне.

- У меня есть разрешение на ношение оружия.

- У тебя нет разрешения убивать, - отрезал Кривич.

Квист повернулся к нему.

- Ты полагаешь, я только об этом и думаю?

- Я это знаю. Сезон охоты не открывался, даже на убийц.

- Может, мысли об убийстве и остановят меня. Но если Лидия и Гарви...

- Хватит ребячиться, - оборвал его Кривич. - Сеть на них уже наброшена. На всех. Льюис через Готтфрида связан с Викерсом. Кто-то из дома Марка звонил Викерсу. Мириам Толбот убежала от Бобби Гилларда, узнав о случившемся с Гарви. Вне поля нашего зрения лишь Марция Льюис. Но мы найдем ее в течение нескольких часов.

- Найдем живой?

- Не могут они убивать всех подряд. Сейчас они постараются избежать наказания за уже содеянное. Хочу задать тебе вопрос, если, конечно, ты сейчас способен на логичные рассуждения. Что направило Гарви на след Викерса? Их давнее знакомство - случайное совпадение. Гарви повел бы себя иначе, если б речь шла о незнакомом ему человеке. Но почему Викерс? Разыскивая бандитов, которые могли работать на Льюиса, он наверняка получил информацию, выведшую его на Викерса. Что ты на это скажешь?

Квист задумался.

- Может, он знал, чем теперь занимается его давний приятель. И подумал, что Викерс назовет ему имена тех, кто работает на Льюиса или Стиллзулла или на них обоих. Возможно, он понятия не имел, что те назвали Викерса.

- Любопытная версия, но не очень-то убедительная. - Стрелка спидометра дрожала у цифры семьдесят миль. Кривич мог не опасаться дорожной полиции. - Если ты прав, Викерс держал Лидию в своей квартире. И не пустил бы на порог никого, даже старого друга. Просто не ответил бы на звонок или стук в дверь. Но что-то случилось, и ему пришлось избавиться от Гарви. И причина случившемуся только одна: Гарви догадался, что Лидия в квартире Викерса.

- Может, он действительно ходил в "Кафетерий", как и говорил мне, ос-

тавив Лидию одну, связанной. Гарви ее нашел, но не успел освободить, как вернулся Викирс.

- Как Гарви проник в квартиру? По пожарной лестнице и через окно? Он бы не избрал такой путь, если бы не подозревал Викирса.

- Дэн просил передать мне, что напал на след, но не знает, приведет ли он куда-нибудь.

- Если б он предполагал, что Лидия в квартире Викирса, попытался бы он вызволить ее в одиночку? Не сказав тебе или мне? Он знал, что Викирс просто так не объедешь. Стал бы он рисковать безопасностью Лидии, пытаясь изобразить героя?

- На него это не похоже.

- Значит, в цепочке наших рассуждений недостает какого-то звена.

- Нам недостает Лидии.

Они мчались сквозь лунную ночь, занятые своими мыслями. Квист спрашивал себя, как он поступит, если... если Лидия ушла навсегда? Хватит ребячиться, сказал ему Кривич. Он и вел себя, как взрослый, покуда двое суток назад не высадили Лидию у подъезда ее дома, ожидая увидеться с ней вновь через несколько часов. Он создал отличное агентство, он заработал много денег, он жил так, как ему хотелось, прекрасная женщина делила с ним все радости и беды. Он знал, что со временем бизнес ему надоест, и тогда он и Лидия отправятся путешествовать или купят себе остров. Они имели полное право делать всё, что заблагорассудится, потому что их действия никому не причинили бы ни малейшего вреда. И вот теперь все эти мечты рухнули, уничтоженные человеком, готовым сокрушить всех и вся ради спасения собственной шкуры.

Пальцы Квиста ласкали рукоятку револьвера, что лежал в карман пиджака. Он получил разрешение на хранение оружия, потому что стены его квартиры украшали дорогие картины. Если б их украли, никакая страховка не возместила бы стоимость похищенного. И закон счел возможным разрешить ему самому охранять свою собственность.

Он искоса глянул на Кривича, который сбросил скорость, чтобы не проскочить поворот в поместье Стиллвеллов, благо до него оставались считанные мили. У квартирных воров сезон охоты круглый год, подумал Квист, а вот поднять руку на тех, кто похитил самого дорогого мне человека, я не в праве. И я не могу поднять руку на убийцу. А не пойти ли тебе черту с такой логикой, приятель!

- Ты что-то сказал? - спросил Кривич.

- Если и сказал, то не хотел, чтобы ты меня услышал.

Вновь они помолчали, а через пару минут Квист увидел особняк Стиллвеллов, застывший на холме в лунном свете.

- Им бы лучше ответить на наши вопросы, - вырвалось у него.

- Если не ответят, то завтрак им принесут в казенной посуде.

Ни одного окна не светилось в большом, заросшем плющом особняке. То ли все спали, подумал Квист, то ли в темноте строили коварные планы.

Они остановили машину у парадной двери, поднялись по каменным ступеням. Кривич позвонил. Они подождали, потом Кривич позвонил вновь. В доме начали зажигаться окна, наконец, открылась дверь, и перед ними предстал Шоллерт в халате поверх светло-желтой пижамы.

- Добрый вечер... вернее, доброе утро... господа.

- Мне надо поговорить с мистером Стиллзуэллом, - объяснил Кривич неурочный визит. - С мистером Марком Стиллзуэллом.

Шоллерт мигнул.

- Мне представляется, что его нет дома, лейтенант.

- Вам представляется?

- Вечером он уехал на "корветте". Я не слышал, чтобы он вернулся. Возможно, потому, что пару раз задремал. Если вы войдете в дом, госпо-
да, я его поищу.

- Вы плохо спите, Шоллерт? - спросил Квист.

Лицо дворецкого осталось бесстрастным.

- После этой трагедии, мистер Квист, нам всем не до сна.

- В чём дело, Шоллерт? - послышался с верхней площадки лестницы голос Беатрис Лоример.

- Приехали мистер Квист и лейтенант Кривич, мадам. Хотят поговорить с мистером Марком.

- Так приведи его.

- По-моему, он еще не вернулся, мадам.

- Мы хотим видеть вас всех, Беатрис, - крикнул Квист. - Вас, Марка, Джерри и Патрика Гранта.

- Дайте мне минуту, чтобы что-нибудь на себя накинуть, - ответила Беатрис. - Еще что-то случилось?

- Случилось. - Квист повернулся к дворецкому. - Может, мне сходить за Джерри, Шоллерт?

- Мистера Джерри нет, - ответил тот. - Вчера утром он уехал в Нью-Йорк. И собирался вернуться лишь к похоронам, которые назначены на завтра. Если вы позволите, сэр, я схожу посмотреть, вернулся ли мистер Марк, и позову мистера Гранта.

Они остались ждать в холле. Шоллерта долго не было, появился же он полностью одетый.

- Как я предполагал, господа, мистер Марк не вернулся. Мистера Гранта я разбудил, и он сейчас подойдет.

Тут по лестнице спустилась Беатрис, в темно-красном халате, уже аккуратно причесанная. Немногие женщины могут так быстро выйти к мужчинам, отметил Квист.

- Надеюсь, больше никого не убили, Джулиан? - озабоченно спросила она. - Сколько же это может продолжаться?

- Вы знаете, где сейчас Марк Стиллзуэлл, миссис Лоример? - спросил Кривич.

- Вечером он решил проехаться по окрестностям. Вы же понимаете, как ему сейчас тяжело. Вот он и надеялся, что поездка хоть немного отвлечет его от горестных мыслей.

- Вас не тревожит его отсутствие?

- Нет. А с чего мне тревожиться?

- Всё-таки половина пятого утра, миссис Лоример.

- Он уже не ребенок, лейтенант. И не должен спрашивать у меня, можно ли ему задержаться.

По ступеням сбегал Патрик Грант, в спортивной рубашке и брюках, туфлях из мягкой кожи.

- Привет, Квист... лейтенант. Как я понимаю, в такое время вы могли приехать только по делу.

- Это точно, - кивнул Кривич.

- Во всяком случае, мы можем где-нибудь присесть. Пройдемте в гостиную.

Она пошла первой, села на диван, взглядом предложила Квисту сесть рядом. Тот, однако, остался стоять у кресла с высокой спинкой, всем своим видом показывая, что игры кончились.

- Шоллерт, пожалуйста, принесите нам кофе.

Дворецкий отбыл. Грант закурил и устроился на краешке стола.

- Так по какому вы приехали делу, лейтенант? - спросил он.

Кривич, как и Квист, остался стоять.

- На следующее после убийства миссис Стиллзуэлл утро из этого дома неоднократно звонили по межгороду. С занесенного в справочник номера трижды адвокату Максу Готтфриду и один раз доктору Френкелю. Мистер Готтфрид объяснил, что обусловило эти звонки. Доктор Френкель, сославшись на конфиденциальность отношений "врач-пациент", отказался сказать, кто ему звонил.

- Полагаю, что Дэвид, - слишком уж быстро ответил Грант. - Марция была в истерике. А больше врач никому не требовался. Дэвид в конце концов вызвал местного эскулапа, доктора Тэйбора.

- Это мне известно, - продолжил Кривич. - Между прочим, вы или миссис Лоример знаете, куда отправили миссис Льюис? Вы, миссис Лоример, говорили Квисту о какой-то клинике на Лонг-Айленде.

- Мне так сказал Дэвид. Названия клиники он не упомянул, - ответила Беатрис.

- Если бы вы задали этот вопрос мистеру Льюису, он бы вам всё и сказал, - вставил Грант.

- После отъезда отсюда Льюис не хочет с нами разговаривать, - ответил Кривич. - Но я приехал сюда не для того, чтобы спрашивать о местонахождении миссис Льюис. - Его холодный взгляд остановился на Гранте. - Меня интересуют телефонные разговоры, что велись с личного номера Марка Стиллзуэлла.

- В то утро забот хватало, - ответил Грант. - Надо было отменить назначенные встречи, известить двух-трех друзей. Разумеется, мы звонили и по этому телефону.

- Откровенно говоря, интересует меня только один ваш звонок. Я бы хотел знать, кто звонил Эдварду Викерсу и почему.

Грант замер.

- Кто такой Эдвард Викерс, Пат? - спросила Беатрис.

- О, я знаю, кто такой Викерс, миссис Лоример, - ответил Кривич. - Профессиональный убийца, матерый бандит. Вот кто он такой, миссис Лоример. Повторяю вопрос: кто ему звонил и почему?

Квист обратил внимание, что Беатрис не смотрит на Патрика Гранта. Хотя такой взгляд, если бы она действительно не знала, о ком идет речь, был бы более чем естественным.

Вот тут Грант, пожалуй, допустил ошибку. Он мог бы заявить, что знает не знает никакого Викерса, но избрал другой путь.

- Как-то странно вы его называете. Профессиональный убийца, матерый бандит.

- А как его следует называть? - полюбопытствовал Кривич.

Грант бросил окурочку в камин. Не попал, соскользнул с краешка стола, подошел к окурочке, поднял его, бросил на серую золу в камине. Он явно тянул время.

- Мы полагаем, что Викерс убил капитана Джэджина. И хотим знать, не получил ли он соответствующих инструкций из этого дома.

Грант повернулся.

- Вы арестовали Викерса?

- Нет.

- Есть у вас улики против него?

- Мы знаем, что ему отсюда звонили, - ответил Кривич. - Мы знаем, что его адвокат - Макс Готтфрид, которому тоже звонили в ту ночь. И нам очень хочется знать, кто звонил Викерсу, мистер Грант, и почему.

Грант закурил новую сигарету.

- Я звонил.

- Пат! - Нотки удивления в голосе Беатрис прозвучали фальшиво.

- Почему? - повторил Кривич.

Грант уже всё продумал, так что не замедлил с ответом.

- На утро я и Марк Стиллзуэлл назначили ему встречу в Нью-Йорке. Как вы понимаете, приехать мы не могли. Я позвонил Викерсу, чтобы отменить встречу.

- Как вы заботливы с партнерами. И что же за дела у вас и Марка Стиллзуэлла с Викерсом?

- Не уверен, что я обязан отвечать на этот вопрос, лейтенант.

- Тогда позвольте предположить, что вы позвонили Викерсу с тем, чтобы приказать избавиться от капитана Джэджина.

- Это абсурд, лейтенант! - воскликнула Беатрис. Ее лицо побледнело, несмотря на румяна.

Грант всё еще стоял у камина.

- Бизнес - сложная штука, лейтенант. Я знаю Викерса как детектива. Вернее, специалиста по промышленному шпионажу. Мы обратились к нему, чтобы получить конфиденциальную информацию по одной корпорации, с которой собирались вести дела, и...

- Слушайте, день у меня выдался трудным, да и ночью поспать не удалось. Поэтому не надо рассказывать мне сказок, мистер Грант.

Грант сухо улыбнулся.

- Это правда, лейтенант. Я могу лишь сожалеть о том, что вы мне не верите.

- Вчера вечером вы договорились о встрече с моей сотрудницей, Глорией Чард, но не пришли. Почему? - спросил Квист.

Грант пожал плечами.

- Не смог разгрести ту кучу дел, что обрушилась на меня.

- И приехали сюда, что заниматься ими и вечером? А может, вы заволновались, узнав, что Викерс избил до полусмерти моего партнера, Дэна Гарви, и решили предупредить Беатрис и Марка, что возможны неприятности?

- Я не понимаю, о чём вы говорите.

- Где Лидия? - в лоб спросил Квист. Голос его дрогнул.

Грант весь подобрался.

- Что всё это значит? Откуда мне знать, где Лидия? Почему вы этого не знаете?

- Потому что о ее местонахождении известно вам! Потому что Викерс работает на вас, и он похитил Лидию!

- Да вы сошли с ума. - Грант отступил на шаг.

Кривич вздохнул.

- Как я и сказал, день выдался длинным. И чтобы наконец-то подвести черту, я вас арестую по обвинению в заговоре с целью совершения убийства.

- Я имею право позвонить адвокату! - выкрикнул Грант.

- Конечно, только не звоните Макссу Готтфриду. Он займет соседнюю с вами камеру. Насколько я помню, телефон в холле. - Он повернулся и вышел из гостиной.

Беатрис вскочила, простерла руки к Квисту.

- Джулиан, это безумие! Вы же не думаете...

- Я думаю, Беатрис, как и сказал мне лейтенант, что вам еще долго придется есть из казенной посуды. Если только...

- Если только? - Она коснулась его руки холодными как лед пальцами.

- Вы кого-то покрываете. Дэвида Льюиса? Или Марка, вашу ширму? Что видела Марция Льюис? Где она? Мы хотим задать ей этот вопрос.

- Я же сказала, Джулиан, на Лонг-Айленде.

- Я вам не верю. Я не верю ни слову из того, что вы мне уже сказали. В одном я вам сочувствую. Когда всё начиналось, вы и представить себе не могли, что случится такой обвал. Мой партнер, Гарви, возможно, не выживет, так его отделал Векерс. Векерс работал на вас. Я думаю, вы знаете, кто убил Кэролайн, кто подлил бензин в бак машины Джонни Типтоу. Вам известно, что именно Векерс застрелил капитана Джэдвина, вы знаете, где сейчас Марция Льюис. Я не могу сказать, какой приговор вынесет вам суд, но если Дэн умрет, а Лидия не вернется ко мне живой и невредимой, вам придется убить и меня, чтобы спасти свои жизни.

- Джулиан!

- Где Марция Льюис?

- Я же сказала: где-то на Лонг-Айленде.

- Я вам не верю. Где Марк? В постели с Мириам Толбот? Теперь, когда Кэролайн мертва, ему нет нужды возвращаться на ночь домой?

Кривич вернулся из холла.

- Лейтенант Симз уже едет сюда. Миссис Лоример, соберите вещи, которые вы возьмете с собой в тюрьму.

- Ну и сказочку сочинили вы с Квистом, - воскликнул Грант. - Улик против нас у вас нет. Ни одной.

- Тогда адвокат быстренько освободит вас, - ответил Кривич. - Но у меня есть против вас и второе обвинение. Вы помогали прятать Марцию Льюис, свидетельницу убийства.

Беатрис повернулась к Гранту.

- Пат, а почему бы нам не...

- Замолчите, Беатрис!

- Марк! А как же Марк? - спросила Беатрис.

- Лейтенант Симз захватит его по пути, - ответил Кривич. - Он в котедже Байна с Мириам Толбот, не так ли?

Беатрис направилась к двери. На полпути обернулась.

- Джулиан, передайте Лидии, что я очень сожалею о случившемся.

- Почему бы вам не помолчать, Беатрис! - набросился на нее Грант.

- Как я ей что-то передам, если не могу ее найти? - воскликнул Квист.

Беатрис покачала головой и вышла из гостиной.

- Вы можете позвонить адвокату, мистер Грант, - напомнил Кривич.

Полчаса спустя Симз привез перепуганного Марка. Догадка Кривича оказалась верной. К удивлению Квиста, Кривич не пожелал остаться в

Уэстчестере, чтобы допросить арестованных. Вместо этого он заторопился в Нью-Йорк и настоял, чтобы Квист поехал с ним.

- Ты даешь им шанс прикрыться очередной ложью, - протестовал Квист. - Беатрис что-то знает о Лидии. Дай мне время вытрясти из нее правду!

- Лидия будет в безопасности, когда мы закроем дело, но не раньше, - твердо заявил Кривич. - Вот и поедом закрывать его.

- Как?

Кривич завел двигатель. Машина резко рванула с места.

- Я не мог отказать Гранту в праве позвонить адвокату. Он позвонил Мэйдстоуну, партнеру юридической фирмы Готтфрида. И лишь сказал, что они арестованы по обвинению в заговоре. Ничего больше.

- И что из этого следует?

- От него требовалось одно, Джулиан, - позвонить. А слова не имели никакого значения. Звонок - это сигнал. Мы вышли на них, а потому они вводят в действие заранее оговоренный план.

- Какой план? О чём ты говоришь?

- План, который должен их спасти. Мы практически обо всём догадались, но вот доказательств-то у нас нет. Через несколько часов Мэйдстоун выпустит их под залог, и они подготовят версию, к которой не подкопается ни один прокурор. Без Марции Льюис нам в суде делать нечего. Всё списано на Викерса. Грант рассмеялся бы нам в лицо, если б узнал, что Викарс мертв.

- Но мы же не знаем, где искать Марцию Льюис!

- Одно мы знаем наверняка. На Лонг-Айленде ее нет, потому что они говорят, что она там. - Он поднял трубку радиотелефона. Набрал номер. - Говорит лейтенант Кривич. Мне нужен ордер на обыск резиденции доктора Милтона Френкеля на Парк-авеню. Я буду там через сорок минут.

- Не уверен, что мы сумеем так быстро получить ордер, - ответили ему.

- Надо суметь, - отрезал Кривич. - И возьмите под наблюдение здание, в котором находится квартира доктора. Я хочу знать, кто выходит из здания, кто входит. Если выведут женщину лет сорока... - Он посмотрел на Квиста.

- Блондинку, очень худую.

- Блондинку, очень худую, - повторил Кривич в трубку, - организуйте слежку. И не упустите ее. Если упустите, я вам головы поотрываю.

Они вновь мчались по автостраде. Еще царствовала ночь, но на востоке небо уже посветлело.

- Деньги покупают практически всё, - философствовал Кривич. - Адвоката, врача, убийцу. Всех можно купить, имея достаточно денег. Пока Марция в безопасности, потому что она небезразлична Льюису. Но если вопрос встанет ребром, она умрет от передозировки успокоительного или снотворного. Но не в доме доброго доктора. Иначе ему будет не так-то просто выйти сухим из воды.

- Они ее убьют?

- Чтобы спасти свою шкуру, они убьют кого угодно. Она знает, кто начал эту бойню, изрезав на куски Кэролайн Стиллзуэлл. - Он ударил по рулю кулаком. - Если б я мог ответить на два вопроса, я бы обошелся без Марции. Что заставило Кэролайн Стиллзуэлл спуститься к бассейну в ту ночь? И как Гарви вышел на Викерса?

Они подъезжали к мосту Триборо, когда зажужжал радиотелефон Кривича.

- Ордер готов, лейтенант, дом на Парк-авеню обложен. Пока всё тихо.

- Я подъеду через десять или двенадцать минут, - ответил Кривич, вдавивая в пол педаль газа.

Они мчались по городским улицам. Уличные фонари еще горели, но светлая полоска на востоке становилась всё шире. Наконец, они выехали на Парк-авеню.

Еще минута-другая, и показался дом Френкеля. У подъезда стоял большой черный лимузин. В конце квартала Квист заметил еще один автомобиль, как догадался Квист, с детективами. Кривич остановился параллельно полицейскому автомобилю.

- Рад, что вы уже здесь, лейтенант. - По голосу Квист узнал Пуччи, которого видел в больнице. - Что-то готовится. Из лимузина вышли трое мужчин и скрылись в подъезде. Один из них - Дэвид Льюис. Я его узнал. Видел фотоснимки в газетах.

- Тогда не будем терять времени, - ответил Кривич. - Ордер при тебе?

Пуччи похлопал по карману.

Кривич припарковал машину у тротуара и вместе с Пуччи и Квистом направился к дому Френкеля. Они еще не дошли до лимузина, когда дверь подъезда открылась и из нее вышла группа людей. Льюис поддерживал жену с одной стороны, незнакомый мужчина - с другой. Вернее, не поддерживал, а тащили ее. Еще один мужчина открыл заднюю дверцу лимузина.

- Пора бы остановиться, мистер Льюис, - разорвал тишину голос Кривича.

Процессия застыла. Посмотрев на еще открытую дверь, Квист успел увидеть доктора Френкеля, но тут же дверь захлопнулась. Кривич и Пуччи прибавили шаг, и тут сопровождающие Льюиса достали пистолеты. Пуччи нырнул за лимузин, спеша достать оружие. А Кривич повел себя неожиданно: бросился к Льюису и его жене. Квист увидел, как он покачнулся, словно его ранило, но не остановился, пока не врезался в Марцию Льюис, повалил ее на землю, прикрыл своим телом. Один из телохранителей Льюиса уже лежал на земле. Второй пытался взять на мушку Пуччи.

Квист метнулся к Дэвиду Льюису, вдавил дуло револьвера в его шею.

- Прикажите им бросить оружие, Льюис. Или останетесь без головы.

Но приказы уже запоздали. Пуччи уложил второго охранника. Квист присел рядом с Кривичем и визжащей Марцией Льюис. Кривич повернулся к нему. Его лицо перекошило от боли.

- Я подумал, что ее пристрелят прямо у нас на глазах!

- Сильно тебя ранило?

- В плечо. Могло быть хуже.

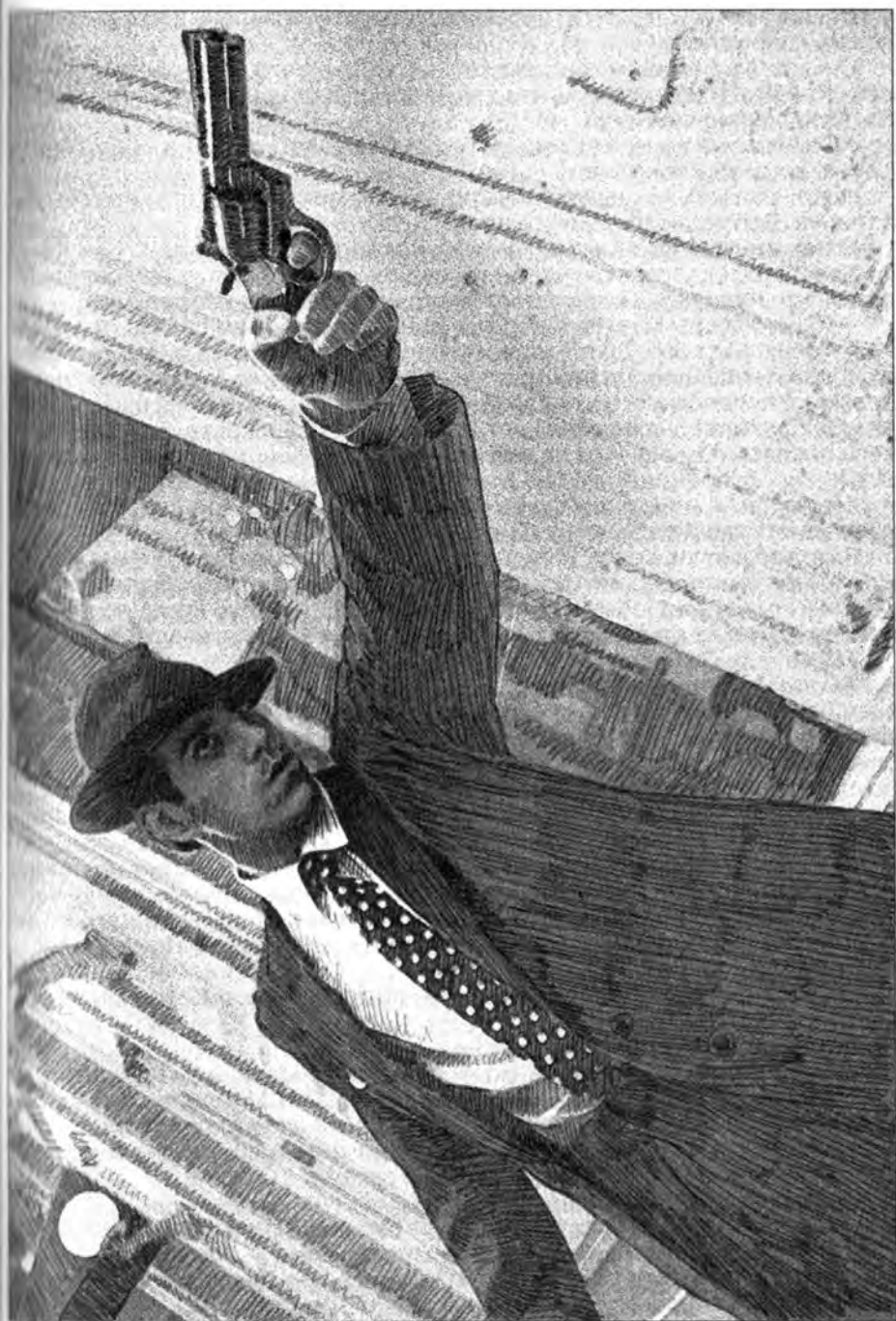
Он с трудом поднялся, держась за правую руку. Квист помог встать Марции Льюис. Льюис напоминал статую. Открылась дверь, появился доктор Френкель.

- Мой бог! - вырвалось у него. - Мой бог!

Пуччи уже вызывал полицию и "скорую помощь".

- Долго вы еще будете держать на улице вашу пациентку, доктор? - спросил Кривич.

- Я должна кому-то сказать! - вопила Марция. - Я должна! Я убила ее. Слышите, я убила ее!

Дэвид Льюис напоминал человека, которому довелось засвидетельствовать конец света.

Он сидел в большом кресле в кабинете Френкеля. Доктор, взглянув на рану Кривича и убедившись, что это не более чем царапина, увел Марцию Льюис в другую комнату.

- Сейчас она не может говорить. Сами видите, она не в себе. Может позже, когда я успокою ее...

- Это неважно, - вмешался Льюис. - Я сам скажу всё, что могла бы сказать она. Всё равно уже ничего не скроешь...

Его грандиозные замыслы рухнули, как карточный домик.

Квист едва сдержался, чтобы не задать главный для себя вопрос. Он понял, что надо дать Льюису выговориться, пока тот не передумал.

- Возможно, вы мне не поверите, услышав, что я вам сейчас расскажу, но я люблю Марцию. Да поможет ей бог. Мы встретились, когда она была молодой и красивой. Но она не стала частью моей жизни, за исключением времени, проведенного в спальне. Деньги, власть - на это ей было наплевать. Марция, бедняжка, стала терять чувство реальности. Доктор Френкель пытался помочь, иногда ей становилось лучше, но всё реже и реже. Доктор предупреждал, что она психически больна, что ее надо поместить в клинику, но я не мог пойти на такое. Я держал ее при себе, стараясь уберечь от самой себя.

Быстрее, молил Квист. Ради бога, расскажи о главном и Лидии.

- Я мог купить всё, что хотел, потому что в моих руках были власть и деньги, - продолжал Льюис. - Женщины! Марция и секс стали для меня несовместимыми, а я жаждал женщину. - Он тяжело вздохнул.

- Кэролайн Стиллиуэлл? - спросил Кривич.

Льюис кивнул.

- Господи, как она была прекрасна! Весь вечер я не отрывал от нее глаз и понял, что она должна стать моей. Я пошел в ее комнату, когда она улеглась. Сказал, что хочу ее, должен обладать ею. Она рассердилась, потому что я застал ее раздетой, в одних трусиках и бюстгальтере. Она накинула халатик и потребовала, чтобы я немедленно ушел. Она не стала кричать или звать на помощь, зная, что для карьеры Марка мое слово может оказаться решающим. И я знал, что ей это известно. А потом предложил ей сделку. Если она отдается мне, Марк получит всё, что ему хочется. Встанет рядом со мной на вершине финансовой пирамиды. Она любила Марка. Я думал, что ради него она пойдет на всё. Но она указала мне на дверь.

Он не знал и не понимал Кэролайн, подумал Квист. Совсем не понимал.

Льюис облизал пересохшие губы.

- Я... я попытался овладеть ею. Я достаточно хорошо знал Марка и не сомневался в том, что он никому ничего не скажет. Марк - пустышка. Все решения принимают Беатрис и Пат Грант. Мне было что предложить за это молчание. Вот я и... попытался взять Кэролайн силой. И тут в комнату ворвалась Марция. - Льюис закрыл лицо руками. - О боже!

Они ждали продолжения.

- Марция кипела от ярости. Обзывала Кэролайн грязными словами. Хотела наброситься на нее, но я встал между ними. А потом вылетела из комнаты, крикнув, что покончит с собой. - На лбу Льюиса выступили капли пота. - Марция угрожала самоубийством сотни раз, поэтому я не

придал ее словам никакого значения. Страсть к Кэролайн угасла. Я вернулся в свою комнату. О том, что случилось потом, я узнал от Марции.

- Она намеревалась покончить с собой? - спросил Кривич.

- Надо прожить много лет с человеком с больной психикой, чтобы понимать, что к чему, лейтенант. В такое состояние ее привела не ревность. Она знала, что я не могу хранить ей верность. Марция буквально обезумела от страха, испугалась, что я покину ее, что она останется одна. Жизни она боялась больше, чем смерти. Она убедила себя, что ее посадят в сумасшедший дом, если я от нее уйду. - Льюис вытер со лба пот. - Я слишком хорошо знал Марцию, чтобы поверить в ее решимость покончить с собой. Теперь мне известно, что она пошла на кухню и схватила там большой нож. Наверное, она думала, что я последую за ней, остановлю ее. Но я ушел к себе, а она выбежала с ножом в сад.

- И Кэролайн увидела ее? - спросил Квист.

- Да. И побежала следом, чтобы остановить Марцию.

На один вопрос ответ получен, подумал Квист.

- В безумных иной раз вселяется невероятная сила. Марция набросилась на Кэролайн, ненавидя ее всей душой, и...

- Убила ее, - закончил за него Кривич.

- Марция вернулась в дом с окровавленным ножом и наткнулась на Патрика Гранта. Она... она ничего не собиралась скрывать. Сказала, что сделала. В тот момент она хотела рассказать об этом всему миру! Грант как-то убедил ее помолчать и отвел наверх ко мне. Взял у нее нож, чтобы вымыть его. Затем спустился вниз, к Кэролайн. Ей помощь не требовалась. На этом и строились наши дальнейшие действия: мы исходили из того, что Кэролайн уже ничем не помочь.

Я был не в себе, ни о каком контроле над ситуацией не могло идти и речи. Марция забилась в свою комнату. Марк и Грант прямо заявили мне, что нет нужды отдавать Марцию в руки полиции. Копы найдут другое объяснение убийства. А скандал повредит моим деловым интересам. Они же готовы мне подыграть... за определенную плату.

- Назначение Марка главой "Спортивного комплекса"? - спросил Квист.

- По крайней мере, номинальным. Это бы означало, что контролировать "Комплекс" будут Грант и Беатрис. Я... помогите мне, господа... согласился. Поэтому мы выбрали столь неудачное время для пресс-релиза, Квист. Они требовали гарантий, что я сдержу слово. Контракт мы подписали еще до того, как вы и мисс Мортон нашли тело Кэролайн.

И тут нам улыбнулась удача. Арестовали этого Типтоу. Чтобы окончательно загнать его в угол, Грант залил бензин в бак автомобиля Типтоу, не зная, что Гиллард уже проверил, есть ли в баке бензин. Вы, мистер Квист, обратили внимание полиции на нас, и мы впали в панику. Марцию, всё еще пребывавшую в шоке, я отправил к доктору Френкелю. И вот в этот самый момент Грант потерял голову. Он решил, что Джэдвина надо остановить. Да и вас тоже. Со мной он не посоветовался. Нанял Векерса, который убил Джэдвина и похитил мисс Мортон, чтобы вывести вас из игры.

Эта была чудовищная глупость, но мы все уже по уши завязли в этой истории. Я предупредил Гранта: больше никаких убийств, или мы с Марцией сами пойдем в полицию. Он мне это обещал.

- Где Лидия? - выкрикнул Квист.

Его терпение лопнуло.

- Не знаю. Всё шло мимо меня. Вчера вечером Готтфрид сообщил мне, что Викирс убил вашего сотрудника Дэна Гарви. - Тело Льюиса содрогнулось от рыдания. - И выяснилось, что я - трус, Квист. Я не мог заставить себя пойти в полицию. Я решил увезти Марцию из Штатов, куда-нибудь на край земли. Нанял двух парней Викирса, чтобы они помогли мне. Через несколько дней Френкель сознался бы, что Марция какое-то время находилась у него. В этом нет ничего преступного. Он как мог заботился о пациенте.

- Тем более, ему хорошо платили, - бросил Квист.

Зазвонил телефон.

Кривич взял трубку. Странное выражение появилось на его лице. Он протянул трубку Квисту.

- Тебя. В управлении знают, что ты со мной.

О Дэне, подумал Квист. Неужели умер?

- Да?

- Дорогой!

Комната поплыла у него перед глазами.

- Лидия! Господи, где ты?

- В твоей квартире, любовь моя.

- С тобой всё в порядке?

- Абсолютно, дорогой. Поторопись, я тебя жду.

* * *

Она действительно его ждала!

Прижалась к его груди. А он долго не мог произнести ничего, кроме ее имени.

- Всё хорошо, дорогой, всё хорошо.

Ее руки ласкали его лицо, волосы.

Наконец, он отступил на шаг.

- Тебе не причинили вреда?

- Нет. Поверишь ли, Джулиан, я могла уйти в любую минуту.

- Тогда почему...

- Ты сядь в это кресло, а я принесу тебе выпить и всё расскажу. А потом...

- Я знаю, что будет потом, - заулыбался Квист. - Господи, какое счастье видеть тебя целой и невредимой.

Лидия налила в стакан бурбон, добавила льда.

- После того, как ты высадил меня у моего дома, я только успела принять душ и переодеться, помнишь, мы собирались встретиться на работе, когда в дверь позвонили, и передо мной возник этот гигант Эд Викирс. Конни сказала мне, что ты тоже с ним познакомился.

- Ты знаешь, что он мертв? Он попытался прикончить Дэна в больнице, но копы застрелили его. Так что произошло дальше?

- Викирс привел очень убедительные доводы. Если ты мне дорог, я должна сделать то, что он скажет. Исчезнуть. Ты поймешь, что это предупреждение, что тебе рекомендуют держаться подальше от расследования смерти Кэролайн. Если ты будешь пайнкой, меня вскорости освободят. Если же я не соглашусь подыграть ему, тебя убьют, как только ты высунешь нос из дому. - Лидия принесла Квисту полный стакан. - Не думаю, что он блефовал, Джулиан.

- Точно не блефовал.

Квист отпил из стакана. Чистый нектар.

- Он ответил меня в свою квартиру на Одиннадцатой улице. Ко мне он не приставал. Не смешивал личное с бизнесом. Иногда он отлучался. "Вот телефон, - сказал он мне, уходя в первый раз. - Вы можете позвонить, вызвать помощь, можете просто выйти из квартиры. Но учтите, если вы это сделаете, живым вам Квиста не видать".

Лидия наклонилась, поцеловала Квиста в щеку.

- Я очень хотела вновь увидеть тебя живым, дорогой. Так что, поверишь или нет, я сама выбрала заточение. Меня так и подмывало позвонить тебе. Но я боялась, что он как-то об этом прознает.

- Дэн. Откуда взялся Дэн? - спросил Квист.

- Дэн wszel через окно в ванной. Викерс как раз ушел на Шестую авеню купить сэндвичи. Он не собирался уморить меня голодом, а готовить не умел. И тут появился Дэн. Он попытался увести меня с собой, так что мне пришлось чуть ли не отбиваться от него. Я ему всё объяснила. Если бы я ушла, тебя бы убили. Я и пыталась узнать, как он меня нашел, и уговаривала уйти до возвращения Викерса.

- Как он тебя нашел?

- Он искал не меня. И удивился не меньше моего, когда мы столкнулись нос к носу. Дэн наводил справки о Патрике Гранте. Один из его сокурсников продал Гранту страховой полис. В ходе разговора сокурсник упомянул, что на Гранта работает еще один их общий приятель, Эд Викерс. Он как-то встретил Гранта и Викерса в одном из баров Гринвич-Виллидж. Они еще поболтали, вспоминая студенческую жизнь.

- И Дэн знал, какая у Викерса работа?

- Да. Он же искал бандитов, которых могли нанять Льюис и Марк, и получила, что в возможном списке фамилия Викерса должна занимать первую строчку. Он дождался, пока Викерс выйдет из дома, чтобы залезть в квартиру и найти какие-нибудь улики, связывающие Викерса со Стиллуэллом и Льюисом. Он и представить себе не мог, что наткнется на меня. И тут мы услышали поворачивающийся в замке ключ. Дэн ретировался через окно, но недостаточно быстро. Викерс едва не поймал его. Но он погнался на Дэном по пожарной лестнице и нагнал-таки в проулке. Вернулся он побелевший от ярости. "Твой дружок не понимает, что ему говорят", - процедил он. Он кому-то позвонил, а затем сказал, что отвезет меня в другое место. Потому что Дэн мог кого-то предупредить о визите сюда. Он отвез меня в квартиру в центре Манхэттана. Оставшись одна, я быстро выяснила, чья эта квартира. Мириам Толбот!

- Ты ее видела?

- Нет. Но нашла письма, фотографию Марка Стиллуэлла.

- Их всех арестовали.

Квист коротко рассказал о том, что произошло после ее исчезновения. Поставил на столик пустой стакан.

- Сейчас позвоню в больницу, моя красавица, я потом...

- Я звонила туда перед самым твоим приходом. Дэну лучше. Но говорить с ним еще нельзя.

- Тогда чего мы ждем? - Квист обнял Лидию за талию и увлек к лестнице, что вела в спальню.

ПРОБА ПЕРА

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Екатерина ГОРДЕЕВА

16 лет, г. Челябинск

ОГОНЬ И МЕТАЛЛ

Мне холодный металл показался теплее.
Он теплее тебя, и меня ты не греешь,
Ты не греешь меня. Уж давно это было –
Может, только вчера. Я уже позабыла.

Позабыла тебя и тепло твоей кожи.
Очень жаль, что меня ты уже не тревожишь,
Не тревожишь меня, не зовешь среди ночи
И тепло от огня – те меня греть не хочешь...

Надежда ГРИЗОГЛАЗ

19 лет, с. Александровское Ставропольского края

ПТИЦЫ

Я стану вольной птицей в вышине
И знаю – ты поднимешься ко мне.
Мы будем вместе, словно день и солнце,
Парить в слепящем счастье в тишине.
Пока в один безумно краткий день
Один из нас в паденье не сорвется.
И если по иронии судьбы
Разбившемся о землю будешь ты –
Я отгрызу мной проклятые крылья
И камнем следом в пропасть полечу –
Ведь без тебя мне жизнь не по плечу.
Мне нечего искать в огромном мире.
А если же погибшей буду я –
Тогда как ты поступишь, жизнь моя?

* * *

Не грусти, моя Родина! Пусть
Заливают дожди тебя смело.
Не к лицу тебе тихая грусть...
Или, может быть, я так хотела.
Мне милее улыбка твоя
В ярком свете нещадного солнца,
Неподступных небес синева,
Теплый ветер, зашедший в оконце.
Не смотри мне с тоскою в глаза,
Не вздыхай тяжело и угрюмо.

Просто грусть проняла и меня.
А о ней так не хочется думать!

Юлия РЯЗАНЦЕВА
г. Егорьевск Московской области

* * *

Качают месяц облака
Как лодочку волна.
Течет небесная река,
Прозрачная до дна.

И освещают всё в пути
Жемчужные дожди.
Но очень дорого платить –
Сердцами из груди.

А утром, к берегу пристав,
Из лодки выйдем мы,
Чтоб звёзды, по одной собрав,
Отдать за полцены.

КАРТИНА

Картина есть в моём воображении.
Там летних дней бессчетное круженье,
Там улицы пусты, пусты вокзалы.
И если б не твое прикосновенье –
Я и себя бы там не отыскала.

Как странно... В лабиринте из камней
Я нахожу аллеи вдохновенья.
Признайся, и тебя туда влечет.
Я видела, как ты стоял там тенью,
Склоняя голову устало на плечо.

Твой тихий взгляд, необычайно синий...
А что из этого осталось ныне?
Вот надписи на траурных венках.
А от тебя, живого, на картине
Лишь силуэт растекшийся слегка.

* * *

Когда листва, уж золотая,
На землю робко упадет,
Бродячих птиц большая стая
Начнет сезонный перелет.

А у меня свои заботы:
Как проводить тебя, вернуть,

Как сделать легче повороты,
Короче твой обратный путь.

Я знаю, что нельзя иначе,
Что ты спешишь туда, где ждут,
Что и твою судьбу бродячей
Через столетья назовут.

* * *

Встречаются руки.
Встречаются люди.
Встречаются взгляды.
Встречаются судьбы.
Мы все одиноки – нам надо беречь
Капризное счастье нечаянных встреч.

ЛЕСНАЯ ФЕЯ

Она живет под пологом лесным,
Четыре раза в год меняя платье.
Зеленое с цветами – от весны,
А белое – от зимнего ненастья.

Знакома вам из сказок, может быть,
Живущая в лесу лесная фея.
Она для всех для нас растит грибы
И ягоду-малину повкуснее.

Но горе тем, кто тот не ценит дар,
Кто в лес приносит спички и несчастье,
Кто виноват, что бешеный пожар
Испортил фее лучшее из платьев.

Олеся ИОГ

24 года, с. Яровское Тюменской области

ОЖИДАНИЕ

Как грустно без тебя, как одиноко.
Я жду звонка, а телефон молчит.
И снова плачу – без тебя мне плохо.
А сердце стонет, о любви кричит.

В душе моей смятение и робость
И тихая, немая пустота.
И только в глубине мерцает гордость –
Да и погасла, может быть, и та.

Тебе спасибо за любовь и веру,
За что ты, увы, непокорим.
И пусть сейчас ты далеко уехал –
Ты позвонишь. И мы поговорим.

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

В большинстве своем наши читатели еще очень молоды, и для многих из них женитьба, брак – это то, что в их возрасте вроде бы не должно еще беспокоить. Между тем не так уж далек тот час, когда многие из них окажутся на пороге семейной жизни. К тому же для девочек, которые в тринадцать лет становятся мамами (а это совсем не редкость), а их сверстники – папами, подобное не повод для размышлений о будущем, а необходимость решать очень непростые вопросы уже сейчас – жениться или искать какой-то другой выход из положения. А какой? Брак, не брак... А

ЕСЛИ НЕ БРАК – ТОГДА КАК?

В одном из прошлогодних номеров журнала мы уже обращались к подобной теме, опубликовав мнение группы молодых журналистов, представив их материалы под общим заголовком «Счастье наутро, горе под вечер». У каждого из них было свое мнение по этой проблеме, в чём-то отличное от других, но у всех было и нечто общее – очень осторожный подход к проблеме молодых браков, продиктованный уверенностью в том, что, как писала Александра Полякова, «всему свое время, с серьезными отношениями спешить не надо, лучше сначала устояться в жизни. Иначе только в редких случаях подобные браки на самом деле счастливые».

Как бы продолжая ее мысль, Евгений Ткаченко приводит данные социологов о не очень радостном положении семейных отношений в стране: «Сегодня распадается каждый второй брак, десять лет назад распадался каждый третий. Уровень роста вырос в полтора раза». Добавим: итоги Года семьи оказались неутешительными – на семь браков приходилось пять разводов. Если в 2007 году распадалось шестьдесят восемь процентов браков, то только за первую половину Года семьи эта цифра перевалила за семьдесят процентов. Кроме того, сократилось количество регистрируемых браков. Причины разные, их много, и, к сожалению, плохо, когда результат бывает безрадостным.

«Ранний брак, – считает Александра Степанец, – глупость. Надо наслаждаться друг другом, меньше всего думая о браке, ведь печать в паспорте не решает никаких проблем. Зарегистрированный в загсе брак – это всего лишь кучка документов, которая ничего

не несет, кроме официальности, следовательно, ничего и не значит. Если есть чувства, желания быть друг с другом – радуйся жизни, зачем в молодом возрасте взваливать на себя какие-то обязательства». Действительно, с появлением понятия «гражданский брак» количество регистрируемых браков ощутимо сократилось. Невольно возникает вопрос – а зачем регистрация? Ведь уж есть один, пусть гражданский, главное, есть чувства, желания, хоть отбавляй, и никаких обязанностей и связанных с этим забот и хлопот. Вроде и жена есть, и вместе с тем ты свободен, как вольная птица.

«В большинстве случаев, пишут наши читатели, – молодым людям интереснее гулять, веселиться, наслаждаться жизнью, и не возиться с детьми, работать, чтобы обеспечить семью, следить за домом... В такой ситуации молодые люди теряют интерес друг к другу, разочаровываются в своем избраннике, а то и в жизни».

Наиболее частая причина развода – случайность самого брака, проще говоря – брак «по залёту», то есть потому, что ждут ребенка. Среди ранних браков на них приходится наибольшее число разводов. Дело в том, что в этом случае молодой человек чаще всего должен стать супругом как бы помимо своей воли. Ну да было время страсти, неумоимого желания, эмоционального всплеска, но ему-то было нужно только ЭТО и ничего больше. Он же при этом не горел желанием повести свою подругу под венец, а уж тем более стать отцом ребенка, он и не помышлял о том, что в результате на свет может появиться ребенок. Совсем не для того парень старался. Если уж так получилось, то как раз не по его жела-

любо, а вопреки ему. Может быть, девушка сможет одержать верх, может быть, ее родители смогут настоять на женитьбе, приманить, как говорится, охоту на молодого человека, но в любом случае он будет ощущать давление, насилие над собой, вынужденность совершить поступок, которого от него требуют. Когда же цель достигнута, молодые люди очень скоро поймут, что опыта строить совместную жизнь у них нет, а часто нет и желания. И тогда неудавшийся супруг с облегчением вздохнет, почувствовав, как с его плеч свалился груз обязательств, что он избавился от того, к чему и не стремился. Конечно, неплохо бы иногда вспоминать про средства контрацепции – но вот почему-то в самый ответственный момент про них многие забывают...

Есть и еще одна проблема: в юном возрасте трудно распознать подходящего партнера – не хватает жизненного опыта. Помните, в драме Чехова «Три сестры» одна из них, Маша, вышла замуж в восемнадцать лет за местного учителя. А через пять лет поняла, что это совсем не то, что ей нужно, и влюбилась в полковника, женатого, с двумя дочерьми, который был старше ее на двадцать лет.

«По моему мнению, – пишет Николай Епифанов, – люди должны подходить к решению жить вместе, а тем более жениться, со всей серьезностью, а также не забывать, что семья – ячейка государства, по сути – государство в государстве. Но для любого государства на первом месте стоит экономика. Я считаю, что самый лучший выход – брак, основанный на материальной заинтересованности. Каждый из партнеров, как бы это ужасно ни звучало, будет его ценить».

Вот так. А где же место для любви? Между прочим, исключительно по любви женятся чуть более тридцати процентов людей, почти столько же, сколько вступает в брак «по залёту». Выходит, что автор письма ратует за то, что в основе брака должна быть не любовь, а материальная заинтересованность. Вроде бы крамольная с точки зрения традиционных представлений идея. Однако сейчас многие думают по-другому – например, известный ученый-психотерапевт Михаил Папуш еще более категоричен, утверждая: «Брак по любви – дурацкая идея. Идея романтической любви с самого начала европейской истории была противопоставлена идее семьи. Начиная с Тристана и Изольды. Пока в конце девятнадцатого века не пришли пошляки, которые выдвинули дурацкую идею – брак по любви».

Как сказал мудрец, «лев – царь зверей, но в роли домашнего животного он вряд ли сгодится. Точно так же и любовь – слишком сильное чувство, чтобы стать основой счастливого брака». Восток, как мы знаем, – дело тонкое; но и там в основе счастливого брака заложена не только любовь. Через пару лет страсть постепенно уступает свое место привычке и необходимости. Необходимости вести сексуальную жизнь, совместное хозяйство, организовывать свой быт и прочие житейские проблемы, которых всегда с избытком хватает. Кроме того, пара может и не сложиться в семью, а у кого-то может появиться новая любовь. И что тогда?..

Рассмотрим «восточный опыт» на примере одной страны. В Тунисе, например, на десять девочек по статистике приходится одиннадцать ребят. И чтобы по-

лучить руку и сердце возлюбленной, одно чувства уже мало. По местной традиции, арабу и думать нечего о женитьбе, если у него нет постоянной работы с минимальной зарплатой триста динаров в месяц – это примерно двести долларов. Кроме того, мужчина должен поставить дом, куда приведет молодую. Или – на худой конец – хотя бы снять жилье с кухней и с двумя спальнями. На побережье аренда такого гнездышка стоит двести динаров в месяц. Еще сильная половина должна обеспечить самое необходимое для совместного проживания – набор мебели, холодильник, стиральную машину, телевизор. В столице входит в моду приобретение параболической антенны. А это – динары, динары и еще раз динары. Накануне свадьбы сам мулла лично осматривает жилье для молодых, чтобы убедиться, что девушка ни в чем не будет себе отказывать.

А у нас? В России издавна были свои брачные традиции. Еще в двадцатых годах прошлого, двадцатого столетия невест выбирали не по любви, а высматривали на гуляниях. Девушки – нарядные, ходили рядами, отдельно от ребят, а ребята во время гуляний дарили им конфеты и пряники. Девушки отдавали ребят яйцами. На этих гуляньях, бывало, и родители приглядывали невесту для сына. Впрочем, в старой деревне все невесты, как и женихи, были наперечет, и про каждого старухам, любительницам свадеб, заранее всё было известно.

На Крещение устраивали смотрины. Наряженные девушки выстраивались около иордани (прорубь, сделанная при водосвятии) или на берегу – и парни выглядывали себе невест. В Кадниковском уезде Вологодской губернии на

Крещение девушки из окрестных деревень съезжались в село Никольское. Наряд каждой состоял из нескольких рубашек. Нижняя была с двумя красными полосами, на нее надевали еще четыре или пять разукрашенных рубах, затем – сарафан, три или четыре передника... Сверху надевалась овчинная шубка, опушенная мехом. Затем девушки выстраивались возле церковной ограды, и одна из женщин раздвигала полы шубок и показывала передники, рубашки (до нижней с красными полосами). Женихи судили об умении невесты ткать, шить, вышивать, а также о ее материальном достатке. Ну чем не современная тусовка, правда, девушки теперь охотнее демонстрируют не свои юбки, а красоту и длину ног... В тех местностях, где в течение святок устраивались базарные дни, молодежь непременно должна была на них присутствовать, особенно девушки: они стояли рядами на торговой площади, у церкви, вдоль дороги, на возвышенных местах, иногда почти сутки не трогаясь с места. Конечно, бывает любовь и с первого взгляда, бывает и с одного взгляда, но так ведь не у всех же!

Справедливости ради следует сказать, что свобода брачного выбора в русской матримониальной практике почти отсутствовала. Браки «самокруткой» («убегом»), заключенные без предварительной договоренности между семьями и одобрения родителей, до начала XX века встречались крайне редко. Правда, и в допетровскую эпоху такие браки всё же случались, и потому в храмах религиозно обличалось «поймание» жен без поповского благословения». Браки без родительского участия совершались лишь тогда, когда уже солидный мужчина с

достатком и положением брал в жены и в самом деле полюблившуюся ему девицу, сам ее высватывал; но вот представить себе, чтобы инициативу проявляла женщина, совсем уж трудно. Разве только богатая городская вдова, да и то такой ее поступок непременно вызывал всеобщее осуждение.

В этой строгости был свой, разумеется, резон. Родители, руководствуясь принципом «стерпится — слюбится», подбирали будущих супругов исходя из (выражаясь языком учебника истории) словных и имущественных интересов и меньше всего волновались по поводу того, пользуется ли жених расположением невесты и вызывает ли невеста симпатии жениха. Впрочем, поскольку и жених, и невеста именно к этому изначально и готовились, то, за исключением вопиющих случаев, широко описанных в классической отечественной литературе, брак по родительскому расчету нередко был счастливым.

Тщательно разрешались при женитьбе и, так сказать, экономические, имущественные вопросы. При удачном сватовстве стороне жениха вручалась роспись приданого, включавшая доскональные сведения о том, какая за невестой обещана недвижимость, а также серебро, золото, ювелирные украшения, мебель, одежда, постельное белье. Отдельным пунктом стояло так называемое «божье благословение», например, «иконостас красного дерева с тремя иконами в серебряных вызолоченных ризах и к ним серебряная лампада». Широкое распространение среди купечества имел обычай давать, помимо приданого, определенную сумму наличными.

После обсуждения росписи

приданого назначались смотрины. В купеческой и зажиточной мещанской среде смотрины порой тянулись неделями, причиной чему были споры о размере приданого. Этот спор мог даже задержать свадьбу. Отец невесты включал опись приданого в брачный контракт, на который можно было соглашаться либо нет. У всех сословий было принято, чтобы в день помолвки жених подарил невесте кольцо с драгоценным камнем. Кроме того, в обязанности жениха входил заказ обручальных колец. После исполнения многочисленных предсвадебных ритуалов инициатива перешла в руки служителей церкви, обязанностью которых было освятить властью неба сговоренный на земле союз.

В старину молодые шли не в загс, а в церковь. Однако же и в наши дни венчание очень даже популярно среди брачующихся. Казалось бы, вполне можно было бы ограничиться регистрацией и штампом в паспорте. И тем не менее... Во-первых, венчание — это очень красиво. Более того, это одно из семи таинств церкви, на которых строится человеческая жизнь.

«**Б**раковенчание причисляется по своему духовному смыслу, по своей значимости, к таким важным вещам, как крещение, покаяние, — так отец Василий, настоятель одной из подмосковных церквей, объясняет смысл церковного венчания. — При этом человек может и не понимать до конца значения всего того, что происходит, той благодати, которая ему подается. В наше время очень многие люди прибегают к этому таинству. Они хотят получить благословение от Бога, поддержку, помощь свыше. Увы, не-

редко многие пары, получившие божественное благословение, всё же распадаются, поскольку большинство из них относятся к этому не очень серьезно. Получается так, что венчание в церкви не влияет на прочность брака. Когда девушка по тем или иным причинам обвенчалась, она уже считает, что воля Божья совершилась и не в ее силах разорвать эти отношения. Печально, что люди, искренне обращающиеся к Богу, всё же оказываются не в силах противостоять разрушающемуся браку. Встретив другого человека, они обнаруживают, что этого они, оказывается, не любили, а вот теперь полюбили по-настоящему. Это происходит оттого, что у людей нередко бывает очень обывательское отношение к Богу. Многие считают церковь чем-то вроде МЧС. А ведь в браке как бы предпринимается новая попытка неудавшегося рая Адама и Евы. И с божьей помощью его важно всеми силами сохранять».

Ну так что же всё-таки важнее для брака – любовь или необхо-

димость учитывать материальное положение не только сейчас, но и думать о том, как сложится, так сказать, семейная экономика в будущем. На самом деле издавна было принято противопоставлять брак по любви и брак по расчету. Хотя в любом случае, что бы ни стало его основой, каждый надеется, что он сделает его жизнью лучше, у него появится надежный тыл, и в трудную минуту он встретит понимание, поддержку, плечо, на которое можно опереться. В принципе, даже те, кто женятся по любви, вступая в супружеский союз, делают, образно говоря, капиталовложения. Ведь в браке двое объединяются для достижения определенной цели, что для каждого в отдельности было бы не под силу. Но при этом вам придется смириться с зависимостью от своего партнера, поскольку на доход от брака можно рассчитывать лишь в том случае, пока вы не развелись. А это сулит крупные убытки – вы полностью или частично теряете свои капиталовложения. Это необходимо учи-

тивать, прежде чем решиться на брак. Эти рассуждения мы встретили в статье об, если так можно выразиться, экономике брака, опубликованной в немецкой газете «Виртшафтсвохе». Вот как рассуждают о брачных перспективах молодежи прагматичные немцы, используя сугубо экономические термины.

С материальной точки зрения брак — не самое выгодное вложение капитала, во всяком случае, до тех пор, пока «на балансе» есть дети. Жизненный уровень супругов с детьми значительно ниже того, который могли бы позволить себе бездетные пары или одиночки. Воспитание детей требует самоотдачи, то есть времени, отнимаемого у карьеры. Однако только дети и способны впоследствии заработать на достойное существование старикам. Это означает, что с экономической точки зрения дети являются истинной целью брака. Но на бытовом уровне эти связи уже не срабатывают, так что дети в материальные расчеты не вносятся.

Раньше дела обстояли иначе. При выборе партнера в конечном итоге решающую роль играло то, чем он владеет, то, что он умеет и на что способен. В подобных условиях брачный договор становился делом чисто экономическим. Чувства же играли второстепенную роль. Сегодня всё обстоит сложнее. Когда партнеры находят друг друга и заводят в браке детей, расчет не может иметь решающего значения — если, конечно, речь не идет об «отлове» миллионера. Сегодня «доход» от брака и детей заключается в радости совместной жизни, счастливом материнстве и отцовстве.

Любовь и экономический расчет — как уживается одно с дру-

гим? Даже в браке по любви оба партнера должны получить то, на что они рассчитывали, иначе они рано или поздно разойдутся. Брак должен дать своеобразную «ренту», которая в значительной степени имеет эмоциональную природу. Эта рента и есть в общем и целом — семейное счастье.

Семейная жизнь — это взаимные обязательства соблюдать определенные нормы, призванные защищать брак. Сюда относится, к примеру, супружеская верность, поскольку измены, то есть непредсказуемые связи на стороне, могут подорвать доверие друг к другу, а значит, и стабильность семьи, разрушить «погоду в доме».

Разумеется, все расчеты могут оказаться тщетными в случае безнадежной влюбленности, когда возникает своего рода «болезненное пристрастие». Однако это пристрастие в силу своей естественной природы, в отличие от наркотической зависимости, носит обратимый характер и в один прекрасный день уступает место более умеренным чувствам.

Дальше расчетливый немецкий журналист рассматривает на конкретном примере, как функционирует «брачный рынок». Скажем, Луиза, студентка-третьекурсница факультета экономики и организации производства, «положила глаз» на всеми обожаемого и пока еще холостого д-ра Икс, многообещающего ассистента кафедры. Д-р Икс — блестящий талант, способен многого достигнуть; однако ходят слухи о его многочисленных любовных похождениях. С другой стороны, есть четверокурсник Харальд, изучающий политэкономию и проявляющий самую трогательную заботу о Луизе. Он ей, несомненно, верен, но личность не слишком

яркая. Наконец, есть еще и теолог Арно, собирающийся стать сельским пастором и подумывающий о тихом семейном счастье с Луизой. Кого же ей выбрать?

Интересно, как решила бы подобную задачу современная российская девушка? А вот решение, предлагаемое в Германии. Итак, предположим, что д-р Икс нравится Луизе больше остальных; тогда следом идет Харальд и лишь потом будущий пастор Арно. Допустим также, что Луизе необходимо решаться, поскольку иначе вышеназванные молодые люди, в свою очередь, выберут себе других девушек. Если она ответит взаимностью д-ру Иксу, то самым болезненным для нее будет вытекающий отсюда отказ Харальду. Арно вряд ли стоит серьезно брать в расчет, поскольку он проиграл бы даже в том случае, если бы Луиза выбрала не Икса, а Харальда. Луиза с тяжелым сердцем отпускает Харальда.

Девушка тем самым проявляет свою склонность к риску. Избранник, д-р Икс, обещает фантастическую брачную ренту, во всяком случае, в эмоциональной сфере. С другой стороны, д-р Икс ненадежен, и эмоциональные дивиденды могут «улетучиться» тогда, когда они будут больше всего нужны.

А вот Ингрид, миловидная секретарша, играет наверняка, делая ставку, в том числе и на материальную брачную ренту, и выбирает отвергнутого Луизой Харальда: он, безусловно, достигнет большего, чем она сама, а в его верности сомневаться не приходится. Судьбу Арно мы отслеживать далее не станем – брачный рынок обширен и многогранен. Так почему бы ему в конце концов не оказаться законным супругом, скажем, другой студентки – Си-

биллы? Ну как вам, наши уважаемые юные читатели, решение «брачного вопроса», предлагаемое прагматичными и расчетливыми немцами, их модель разумного, просчитанного семейного счастья?

Итак, еще раз зададимся вопросом: нужен для совместной жизни брак или нет? Как мы уже могли убедиться, и с эмоциональной, и с экономической точки зрения это осознанная и добровольная необходимость. К тому же у каждого из нас есть душа. А любовь – это ее территория. Еще раз обратимся к мнению ученого психотерапевта Михаила Папуша «Брак по любви – дурацкая идея. Любовь спонтанна, она – единственный оставшийся у современных людей доступ к высшему, сказочному, необычному волшебству. В обычный канон это высшее не лезет, потому что оно не земное. А земному нужно что? Надежность, покой, совместное воспитание детей, любовь в смысле "совет вам да любовь". Понятно же, что это совершенно несовместимо со спонтанной, волшебной сексуальной любовью. Пара возникает потому, что мужчины и женщины не самодостаточны, потому что они в принципе нуждаются друг в друге, и еще потому, что они не самостоятельны. И потому они вцепляются друг в друга, чтобы он ей, а она ему заменили всё то, чего они лишились, уйдя от родителей. Они взаимно дополняют друг друга, но при этом каждый остается самостоятельной личностью. Это что-то вроде карточного домика, где карты опираются друг на друга и ни одна карта сама по себе стоять не может».

Алексей БУДКИН

Теперь, уважаемые читатели, когда вы узнали, какие муки претерпевают молодые горячие тунисцы и расчетливые немцы, вам, возможно, будет интересно узнать – а как же ухаживают за своими девушками в других странах? Чтобы немножко развеяться от серьезности темы, предлагаем вам обратиться к людям опытным, знающим. А таких мы, бесспорно, найдем среди юмористов екатеринбургского журнала «Красная бурда». Они еще год назад высказали предположение, что экономический кризис – кризисом, но любовь и всё, что с ней связано, никто не отменял. И связано с ней, злодейкой-любовью, прежде всего ухаживания парня за любимой девушкой. А как это делают в разных странах, они описали в статье

ДОМОГАТЕЛЬСТВА НАРОДОВ МИРА

Романтичные сомалийцы
захватывают для любимой какою-нибудь приятную безделицу – танкер или сухогруз.

Филиппинцы
находят на дне моря самую красивую раковину и говорят девушке, куда надо за ней нырять.

Индийцы
поют песни, застывают в красивых позах, заглядывают девушке в глаза, попутно звучными хлопками по лицам отгоняя других ухажеров.

Девушка в конце ухаживания оказывается сестрой юноши, который, заламывая руки, поет песню уже следующей девушке.

Австралийские аборигены
приносят своей избраннице самого большого крокодила.

Кто из них победит, на том они и женятся.

Некоторые австралийцы,
ухаживая за девушкой, каждый день кидают ей в форточку коалу, иногда дохлого, пока девушка не выйдет замуж.

Евреи
обычно ухаживают так:
Мама ухажера узнает, что в

Рисунок М. Смагина

приличной семье (папа адвокат, мама зубной техник) есть не менее приличная девушка. Не красавица, разумеется, но очень хозяйственная.

Да и сам ухажер красотой не блещет, а блещет двухкомнатной квартирой, не в центре, разумеется, но в приличном районе.

И вот абсолютно случайно, абсолютно чужие люди встречаются на свадьбе у тети Сары.

Все пятьдесят человек гостей делают большие глаза, сдерживают дыхание, но не могут сдерживать главный вопрос: «Марик! Как тебе наша Циля?»

На этом ухаживания заканчиваются и начинается подготовка к свадьбе.

Арабы запикивают девушкам под паранджу рахат-лукум, халву,

нащупывают рот и заталкивают туда все эти сладости.

Эстонцам

ухаживать некогда, а не то так и помрешь, не женившись.

Рисунок Г. Андросова

Испанцы

дарят девушкам кастаньеты, дыроколы, степлеры, погремушки – в общем, всё, чем можно брехать при танце.

В чопорной Англии,

чтобы привлечь внимание высокомерной леди, джентльмен должен облачиться в хорошо отутюженный твидовый костюм, надеть начищенные до блеска туфли, за полгода до этого сходить на войну, из всей роты одному остаться в живых, получить орден Британской империи из рук самой королевы, и только после этого, в присутствии горделивой избранницы и её дяди-опекуна, смешно оступиться и упасть в лужу.

Во Франции

юноши, чтобы обратить на себя внимание девушек, переворачивают и поджигают машины.

Тайцы

подходят к выбору невесты очень ответственно.

Прежде всего надо найти девушку, не занятую белым тури-

стом. Затем следует убедиться, что это действительно физиологически девушка. Потом жених подходит к девушке и делает её своей суженой.

Рисунок Г. Андросова

В России

молодые люди старомодны. Они читают девушкам прикольные стихи, написанные на стенах подъездов, лифтов, маршрутных такси или скачивают лирику из Интернета.

Американцы

всеми силами стараются сделать ухаживания непохожими на сексуальные домогательства. А потому влюбленный американец должен убить всех врагов, или, в крайнем случае, спасти мир, а потом устало закурить, чтобы понравиться девушке.

Суслики разных стран

дарят своим кошкам новые машины.

В доказательство этого приводим следующую записку: «Киска! В шкатулке ключи от твоей новой машины. Твой суслик».

Ну, а гады и сволочи разных народов мира ничего не дарят своим женщинам.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на наш журнал на 2010 год непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться простой или заказной бандеролью (по желанию подписчика).

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим заказ не позднее 5-го числа подписного месяца. Если будет возможность – выполним и более поздние заказы.

Стоимость одного номера с пересылкой – 75 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте этой страницы и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4
ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7701234320 КПП 770101001

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7701234320 КПП 770101001

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «МЫ» на 2010 год на следующие номера:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Журнал прошу высылать простой / заказной бандеролью (подчеркните)

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

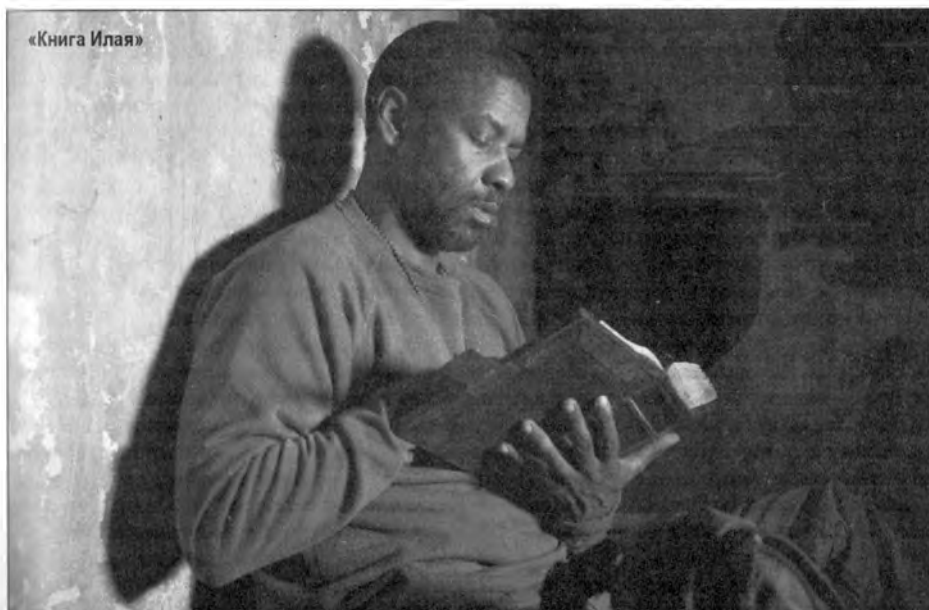
Адрес _____

НА НАШИХ ЭКРАНАХ

ДАВНО ПОВЕЛОСЬ: зима приносит с собой экшны и фэнтези, которые, с одной стороны, опустошают наши карманы на новогодних каникулах, а с другой — поражают воображение. Одновременно наблюдается в репертуаре кинотеатров лавина драм и романтических комедий, которые, с одной стороны, соответствуют рождественскому, по-семейному умирительному настроению, а с другой — торопятся к раздаче «Золотых глобусов» и мартовских «Оскаров». Другими словами, зрители всех категорий и возрастов в зимнюю стужу будут удовлетворены.

Тинейджерам, главным завсегдатаям кинотеатров, непременно надо посмотреть новый фильм в

жанре фэнтези «Книга Илая» («The Book of Eli»), снятый режиссерами Альбертом Хьюзом и Алленом Хьюзом с положительным Дэнзелом Вашингтоном и сугубо отрицательным Гэри Олдманом в главных ролях. За тридцать лет до описываемых событий случилась война, которая привела к апокалипсической катастрофе. Немногие выжили, а те, кто выжил, потеряли человеческий облик. В борьбе за источники воды, которой практически не стало на выжженной земле, за еду, добыча которой напоминает о первобытных пращурах, люди озлобились, одичали, превратились в бандитов и убийц. Сбившись в банды, они враждуют, с немыслимой жестокостью калеча и убивая друг

друга. По бескрайним дорогам странствует Илай (Вашингтон), герой-одиночка, он ищет книгу, хранящую ключ к спасению человечества. Как и положено жанру-гибриду «фэнтези-экшен», фильм отличается сумасшедшим темпом, беспощадными сценами боев, как одиночных, так и групповых, таинственными знаками, загадками, романтикой приключений и финальной победой человеческого духа, добра над злом.

От американцев стараются не отстать европейцы: снятый в ко-продукции (Франция-Великобритания-Чехия) **«Соломон Кейн»** («Solomon Kane», режиссер Майкл Дж. Бассетт) – экранизация одноименной приключенческой саги Роберта Говарда, автора «Кона-на-варвара», «Рыжей Сони» (оба фильма с Арнольдом Шварценеггером), «Кулле-завоевателя». Соломон Кейн (Джейсон Флеминг) – английский авантюрист, великолепно владеющий шпагой,

и куда бы ни забрасывала его судьба, всегда и везде он бросает вызов злу и несправедливости.

«Соломон Кейн»

Снятый с голливудским размахом, фильм по-европейски живой, жизнеутверждающий и ироничный. Несмотря на желание идти в ногу с Голливудом, Европа не забывает о традициях «Фанфан-тольпана».

Российские кинематографисты тоже заготовили сюрприз к Новому году, а поскольку масштабные полотна у нас удаются только Тимуру Бекмамбетову, то и на этот раз без него не обошлось, правда, выступил режиссер в качестве продюсера, а на роль режиссеров пригласил Александра Войтинского и Дмитрия Киселева. В ролях заняты звезды – Валерий Золотухин, Сергей Гармаш, Иван Жидков, Виктор Вержбицкий, Михаил Ефремов, Юозас Будрайтис, Екатерина Васильева. А вот главную роль студента Димы Майкова – нашего Бэтмана, Человека-паука и Супермена в одном лице – режиссеры доверили дебютанту Григорию Добрыгину. **«Черная**

МОЛНИЯ» рассказывает о том, как самый обычный студент превратился в героя, защитника Москвы и москвичей, в таинственного борца со Злом. Действие разворачивается в наши дни, студент МГУ Дима Майков мечтает о хорошей тачке, которая повысила бы его шансы на успех у девушек и, в частности, у Насти (Екатерина Вилкова), в которую он влюблен. Но вместо шикарной тачки отец дарит ему на день рождения старенькую «Волгу», 21-ю, о которой современный зритель имеет весьма смутное представление. Между тем для своего времени это был не просто автомобиль, а символ респектабельности, социальной избранности ее владельца. При этом с техническими характеристиками танка. Огорчение довольно быстро сменяется изумлением: оказывается, «старушка» может летать. Жизнь студента стремительно меняется. С помощью чудо-машины он зарабаты-

«Черная молния»

«Воины света»

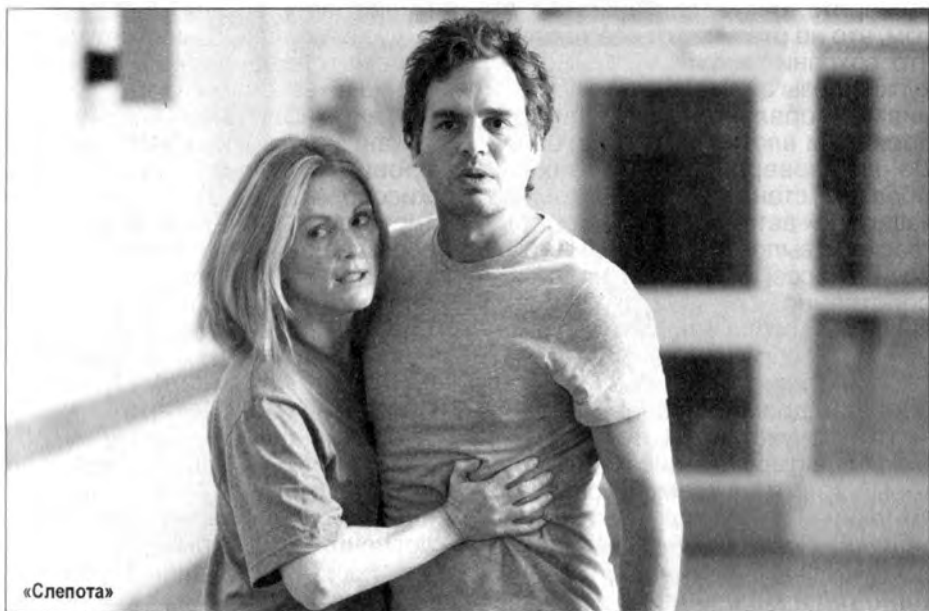
вает деньги, о которых раньше не мог и мечтать. Днями напролет он беззаботно парит над московскими пробками. Но однажды случается беда, и Диме приходится по-новому оценить возможности своего ретро-автомобиля и свои собственные. Дмитрий-всемогущий и его «верный конь» превращаются в вершителей справедливости. Так под Новый, 2010 год появился в Москве образец для подражания – герой нашего времени, готовый бесстрашно защищать попавших в беду горожан.

Из южного полушария пришел боевик **«Воины света»** («Daybreakers»), притягивающий на гордое звание блокбастера. Молодые австралийские кинематографисты, братья Майкл и Питер Спириги, сняли фильм о вампирах. Приятно осознавать, что кровавая эпидемия бушует по всему земному шару. В ролях заняты американские звезды Итан Хоук, Уиллем Дефо, Сэм Нил, участие которых стало

возможным благодаря частично-му финансированию этого футуристического экшена американцами. Насчет эпидемии мы не ошиблись: в недалеком 2019 году она таки произойдет и превратит большую часть человечества в вампиров. Клыкастых кровососущих, как и уцелевших после катастрофы людей из «Книги Илая», ждет та же проблема – истощение источников жизнедеятельности. Вампирам катастрофически не хватает свежей крови, следовательно, жизнь их висит на волоске. Новая раса ищет пути к выживанию. И находит: вампиры обращаются к человеку, к ученому, который, со своей стороны, ищет способ спасти человечество. Да-да, они станут сотрудничать, ученый и вампиры. Потому что и ему и им необходимы люди на этой планете. Забавный фильм с детства знакомым «месседжем» (посланием): «Ребята, давайте жить дружно».

Вообще надо сказать, что невесть откуда взявшаяся эпидемия, как сюжетный зачин, нередко встречается в современном кино и в литературе. Причем не только в бульварной, но и в высокохудожественной, как у лауреата Нобелевской премии по литературе Хосе Сарамы, роман которого «Слепота» экранизировал в Голливуде бразильский режиссер Фернандо Мейереллес. Эпидемии, думается, подсказаны самой жизнью, и речь не только о гриппе. Человек тысячелетиями познает мир и знает о нём уже многое, но! — не всё. Тем паче, что окружающий мир человек же неустанно изменяет, преобразовывает, приспособливает к своим нуждам, однако последствия его акций (пусть побочные, пусть отдаленные) порой беспощадно по нему же и бьют. На безымянный город где-то в Соединенных Штатах опустился белый-белый туман. «Как в молоке» — именно так

представляет себе режиссер фильма «Слепота» («Blindness») эту самую слепоту, буквально обрушившуюся на жителей. Беда не обошла никого — ни старого, ни малого, а департамент здравоохранения не придумал ничего лучше, как поместить всех жителей в карантин, закрыв их в стенах разрушенного завода, где нет ни элементарной санитарии, ни порядка, ни медицинской помощи. Первыми прибывают на место ослепший врач-окулист (Марк Руффало) и его супруга (Джулианна Мур), единственная сохранившая способность видеть, т.е. обладающая иммунитетом к неизвестному вирусу. Но женщина скрывает это, чтобы быть рядом с мужем и помогать его пациентам. А пациенты всё прибывают. Не хватает еды, люди теряют терпение, некоторые — человеческий облик. Десять лет автор отказывал кинематографистам в экранизации, опасаясь, что его роман,

«Слепота»

полный глубоких символических смыслов, превратится в заурядную страшилку. Только сценаристу Дону МакКеллару удалось его уговорить, он убедил писателя в том, что не отступит от его текста, что сохранит в фильме большие куски прозы с важными рассуждениями морально-нравственного порядка и вложит их в уста героя Дэнни Гловера, который таким образом станет рассказчиком и «alter ego» автора. Добившись согласия и выполнив условия автора, режиссер проиграл на поле собственно кинематографическом. В картине много говорят, в ней мало образов, не сложилась единая стилистика и в результате пропали драматизм, напряженность и сочувствие. И это при блестящем актерском ансамбле, который время от времени спасает ситуацию, показывая нам, какой мощной могла бы быть картина, если бы автор понимал, что литература и кино оперируют раз-

ными средствами художественной выразительности. А сценарист и режиссер выказали бы большее уважение к нобелевскому лауреату, не идя у него на поводу, а создав самостоятельное кинематографическое произведение по законам кино.

Как и «Слепота», испано-мексиканская картина **«Сестры по крови»** («Solo quiero caminar», режиссер Агустин Диас Янес), датируется 2008 годом. Видно, совсем дешево достались прокатчикам эти ленты, которые теперь они пытаются сбыть зрителям под маркой хоррора и экшена соответственно. Вдохновившись классической традицией боевика, Янес решил снять картину о четырех женщинах (Виктория Абриль, Ариадна Гиль, Пилар Лопес де Айала, Элена Анайя), наследницах по прямой невесты в исполнении Умы Турман из знаменитой ленты Квентина Тарантино «Убить Билла». Таких, как они, на-

зывают маргиналами, отбросами общества, воровками и проститутками, которые сами выбрали эту жизнь, но, если обстоятельства заставят, они сумеют взять в руки оружие и самоотверженно сражаться плечом к плечу, чтобы отомстить наркобарону Феликсу и даже занять свое место в криминальном мире Испании. Режиссер выбрал самых харизматичных актрис современного испанского кино, для каждой написал судьбу и характер, превратив их в настоящих сестер по крови и оружию, рядом с которыми сражается герой Диего Луна – убийца с добрым сердцем и нежным лицом ребенка. Сюжетная канва боевика в руках режиссера могла превратиться в драму или в элегантную, холодновато-ироничную сказку в духе Стивена Содерберга («Одиннадцать друзей Оушена»), но Янес решил пойти по пути «кровавого балетмейстера» Квентина Тарантино и проиграл, потому что полу-

чилась типичная «серия В», то самое «криминальное чтиво», которое одному ему ведомым способом гениально пародировал Тарантино. Фильм из числа провальных, но если вы интересуетесь испанским кинематографом и следите за творчеством выше-названных звезд самых разных поколений, то, конечно, посмотреть его имеет смысл.

Да, есть женщины в русских селеньях. И в испанских, и в американских. Режиссер Кэтрин Бигелоу («На гребне волны», «Вороненая сталь», «Странные дни», «К-19») со студенческой скамьи интересовалась темой насилия. Ее курсовая короткометражка «Инсценировка» озадачила педагогов. Двадцать минут на экране два мужика мутузили друг друга. Тогда Кэтрин объяснила, что хочет понять природу насилия и то, как надо показать его на экране, чтобы вызвать у зрителя шок и, как следствие, неприятие наси-

лия. С тех пор и пошло ее отнюдь не женское кино. Новый экшен Кэтрин «Повелитель бури» («The Hurt Locker») для тех, кому подавай адреналина, да побольше. Фильм о войне, о специальном армейском подразделении саперов, которое ведет войну в Ираке, где каждый житель потенциальный враг и шахид, где каждый предмет может оказаться замаскированной бомбой. Террористы прячут свое смертоносное оружие везде: в разбитой машине, под землей, даже в гниющем труп. Все эти кадры снимались телекамерой, вмонтированной в специального робота, что придает картине силу документа. В картине также рассказаны частные истории тех, кто добровольно пришел в это подразделение с самой высокой степенью риска: одни из-за денег, другие из идейных соображений, из чувства патриотизма, внушенного средствами массовой информации. «Война – это нарко-

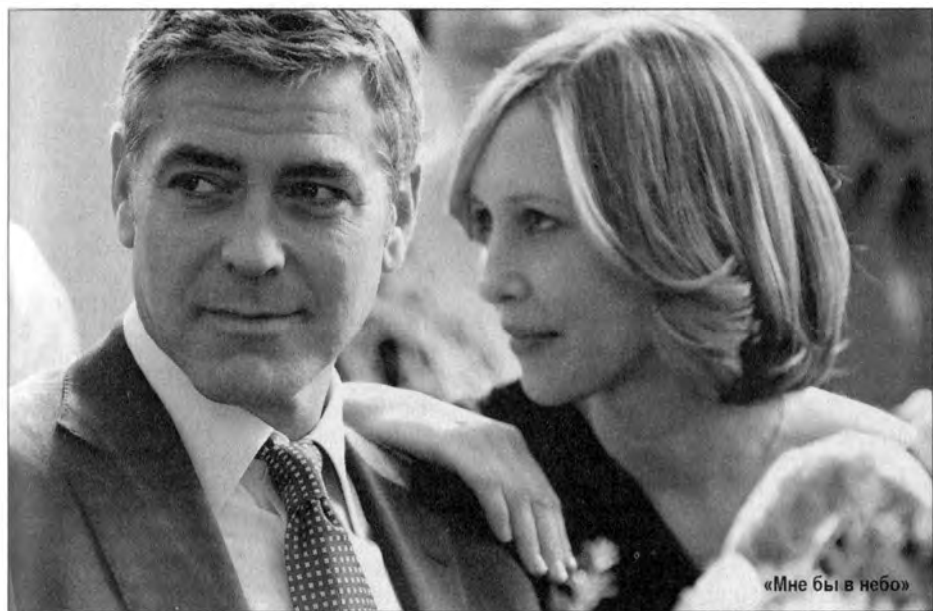
тик», – говорится в начале фильма. Война и в самом деле вызывает «зависимость»: солдат – раб опасности, сильных эмоций любой ценой, и при этом он уверен: война – его алиби, война спишет всё. С беспощадностью художника-реалиста Кэтрин Бигелоу дает нам увидеть ад на земле. Но не только. Главная ценность фильма в том, что он показывает, как война (воистину наркотик!) опустошает души людей, выжигает, травмирует сострадание и добро. Героям фильма легче умереть, чем жить. Жизнь ставит слишком трудные вопросы, требует слишком большого мужества и ответственности. Вот она – жесткая истина. Если вы спросите, в каком жанре снят фильм, отвечу – в мужском. Хотя голливудский стиль узнаваем сразу.

А вот биографическая лента «Амелия» («Amelia») абсолютно женская. Ее постановщик Мира Наир («Свадьбы в сезон дождей»)

в свое время приехала из Индии, чтобы в Голливуде добиться успеха в любимом деле, и добилась. Это говорит о сильном характере. Стоит ли удивляться, что героиней своего нового фильма она выбрала Амелию Ирхарт (Хилари Суонк), первую женщину-пилота, которая первой попыталась совершить кругосветный перелет. В свое время Амелия была чрезвычайно знаменита, но подлинной легендой она стала после своего трагического исчезновения 2 июля 1937 года над Тихим океаном. Президент Рузвельт инициировал тысячи поисковых операций, однако судьба распорядилась по-своему, превратив Амелию в неразгаданный миф. Одни видели в ее смерти трагедию, другие считали ее шпионкой, третьи говорили о мистическом исчезновении женщины, влюбленной в небо. Мира Наир не заинтересовалась домыслами, ее привлекла реальная женщина с

исключительной биографией. И то, что на главную роль она пригласила Хилари Суонк (премия «Оскар» за «Малышку на миллион»), было единственно правильным выбором. Хилари – героиня фильма, его лицо и его главная удача, так что не удивительно, что актриса уже пожинает призы и номинирована на «Оскар». А зритель кто? – спросим мы. Наверное, те, кто летают, те, кто любят биографические фильмы и творчество Суонк.

О любви к небу рассказывает и номинированная на «Золотой глобус» по шести номинациям горькая романтическая комедия **«Мне бы в небо»** («Up in the Air», режиссер Джейсон Райтман) с Джорджем Клуни в главной роли. Но это уже совсем другая – современная – история. Преуспевающий менеджер крупной корпорации буквально наслаждается своей жизнью, состоящей из постоянных командировок и сопряжен-

«Мне бы в небо»

ных с ними ближних и дальних перелетов. Райан Бингам не просто персонаж, сыгранный Клуни, он фактически его двойник: сорок пять лет, море обаяния, высокооплачиваемая работа, жизнь в движении, чувство свободного парения над миром простых смертных. Он живой, веселый, с огромным чувством юмора и самоиронии и с золотыми кредитными карточками, которые делают его жизнь удобной и комфортабельной, открывают перед ним любые двери в любой точке земного шара. Он индивидуалист, ему никто не нужен, он ни с кем не намерен делиться своими привилегиями, он вообще не думает о будущем, и когда его спрашивают, где он живет, отвечает: «В этом кресле, в облаках». На самом деле работа его заключается в том, чтобы увольнять людей. В эпоху глобализации, когда предприятия крупных корпораций разбросаны по всему миру, а кризис требует постоянного сокращения рабочих мест, Райан из тех, кто лишает людей крова и пищи. И вот однажды он встречается в самолете женщину своей мечты, она тоже любит летать, парить в облаках, но ее представления о смысле жизни с совсем другим знаком. Она откроет Райану глаза на мир человеческих чувств и объяснит, что у каждого человека в этом мире должно быть место. Горькая комедия Джейсона Райтмана, сына замечательного режиссера Айвэна Райтмана («Близнецы», «Полицейский из детского сада», «Младший», «Охотники за привидениями»), снявшего «Джун» и «Спасибо, что дал закурить», затрагивает важные и очень современные темы, связанные с обезличенностью нашей общей жизни, с равнодушием и даже безразличием к тем, кто оказывается рядом с на-

ми, будь то случайные попутчики или даже близкие и родные люди. И единственный путь спасения наших холодеющих душ – это чувства, семья, друзья, те, кого мы любим и кого хотим видеть рядом в каждый миг нашей короткой в общем-то жизни. Оставаясь в теме, можно сказать: каждому в его полете нужен второй пилот. «Прививка человеколюбия» удалась Райтману и Клуни, который сегодня находится в отличной профессиональной форме и создает поистине гениальные роли.

Еще одна романтическая история перекликается с предыдущей и по сути и по названию: **«Простые сложности»** («It's complicated»), режиссер Нэнси Мейерс. В главной роли владелицы кондитерской-ресторана в Санта-Барбаре великая Мэрил Стрип (Джейн), в роли ее экс-супруга

Джейка, с которым она уже десять лет в разводе, подрастерявший свой «мачизм» Алек Болдуин («Привычка жениться»), и еще превосходный комедийный актер Стив Мартин (Адам) в роли архитектора, которого Джейн пригласила обновить ее загородный дом. Три этих немолодых человека – любви все возрасты покорны! – неожиданно для себя образуют любовный треугольник. Оказавшись вместе на церемонии вручения диплома их дочери, Джейк и Джейн после невинного праздничного ужина оказываются в постели. Оно бы и ничего, ведь бывшие супруги сохранили прекрасные отношения, но дело в том, что в свое время Джейк бросил Джейн ради молодой женщины, на которой таки женился, да и Джейн не предполагала оказаться в роли любовницы. Вся эта история любви разворачивается на глазах Адама, который сам только что развелся и совершенно не готов к

новым отношениям. Но – еще одна поэтическая сентенция, даже две: «Любовь нечаянно нагрянет» и «Сердцу не прикажешь» – и Адам обнаруживает, что не на шутку влюблен в Джейн. И как не влюбиться в Мэрил Стрип: ей шестьдесят (ее героиня на десять лет моложе), она фантастически хороша, женственна, добра, умна, иронична. Само совершенство.

А вот мужчины, когда им случается оказаться «мистером само совершенство», ведут себя совсем иначе. Не притягивают, а отталкивают. Об этом английская экранизация **«Дориан Грей»** («Dorian Gray», режиссер Оливер Паркер) по мотивам подлинного шедевра Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Конец девятнадцатого века, чувствительный и впечатлительный юноша из аристократической семьи приезжает в Лондон и сразу же покоряет светское общество своей невероятной красотой. Один из художни-

«Простые сложности»

ков предлагает написать его портрет и таким образом увековечить его красоту. Дориан Грей (Бен Барнс) попадает под влияние гедониста и фаталиста лорда Генри Уоттона (Колин Ферт), который развращает юношу, прививая ему любовь к наслаждениям и пренебрежение к искренним человеческим чувствам. Он внушает Дориану, что его счастье и успех в его красоте, благодаря которой он сумеет получить все удовольствия мира. Невольно Дориан заключает сделку с дьяволом: отныне все следы его греховности, распутства, безделья, а заодно и возраст будут искажать лицо на портрете, его же собственное лицо будет оставаться вечно юным и прекрасным. Заметив первые перемены на портрете, Дориан пугается и прячет гениальное полотно на чердак. Вскоре он отправляется по свету в поисках всё новых и новых наслаждений. Через двадцать пять лет Дориан

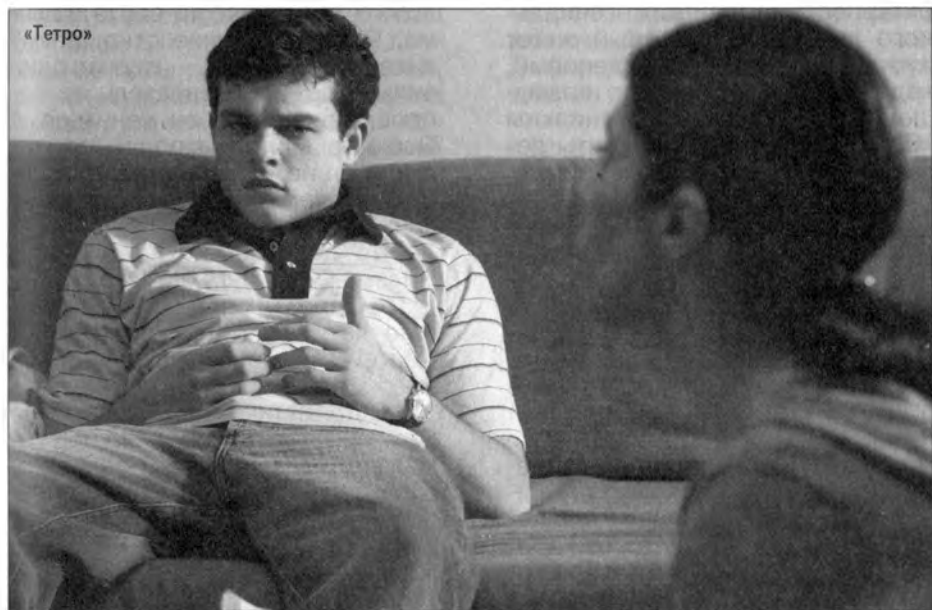
возвращается на родину. Красивая, мистическая и символическая история о том, что красота и удовольствия не могут быть вечными, они преходящи, иллюзорны. Только любовь, только глубокое чувство и искренняя привязанность способны открыть истину. В случае с Дорианом Греем истина окажется печальной. Красивый и элегантный фильм, настоящему английскому – немного чопорный, по-хорошему аристократичный, горько-ироничный. Я бы советовала его посмотреть тем, кто «подсел» на гляцевую «красоту» по-новорусски.

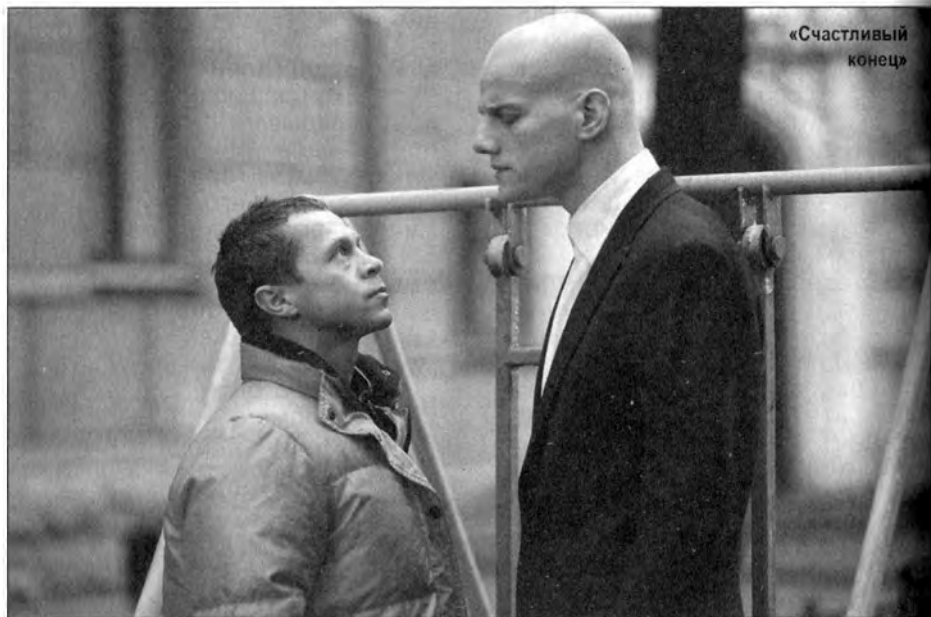
Иную красоту большого кинематографического стиля вы найдете в картине «Тетро» («Tetro», США-Аргентина) великого киноноватора и гениального киноповествователя Фрэнсиса Форда Копполи. Накануне своего восемнадцатилетия Бенни Тетровичи (Олден Эренрайк) решает всё-таки узнать, что заставило его стар-

шего брата Анджело (Винсент Галло) сбежать из отцовского дома в Нью-Йорке и скитаться где-то, не подавая о себе ни весточки, и даже сменить фамилию, точнее, укоротить ее почти до клички Тетро. В письме, которое Анджело оставил десять лет назад, он писал, что непременно вернется за младшим братом и заберет его. Но не сдержал обещания. Тетрочини-отец (Клаус Мария Брандауэр) — один из самых знаменитых в мире дирижеров, а вот матери у братьев разные. Бенни находит Анджело в Буэнос-Айресе, где тот работает осветителем в театре и считается одним из лучших в своем деле, но Анджело всё равно недоволен, потому что мечтал стать писателем. Бенни не узнает брата: прежде нежный и заботливый, он стал злым, желчным, больным человеком, который пережил тяжелый психический слом и больше всего на свете ненавидит свое прошлое. Однажды Бенни

находит чемодан с дневниками, которые вел Тетро в самый тяжелый период своей болезни. Бенни не только расшифровывает текст, но и складывает его в пьесу, сам придумывает финал. Анджело, узнав о том, что брат позволил себе копаться в его сугубо личных записях, выгоняет его из дома. Но Бенни это не останавливает: он отдает пьесу на конкурс, выигрывает его, пьесу ставят в театре, где работал Анджело. После премьеры братья оказываются вместе, один на один, вроде бы наступает момент истины. Но тут приходит телеграмма с известием о скоропостижной смерти отца. Теперь им предстоит вернуться в Нью-Йорк, где семья ждет их на похороны. Совершенный фильм, в котором, как в королевской короне — а Коппола, несомненно, король кинематографа, живой классик — поражает гармония и сияние драгоценных камней: музыки, поэзии, драмы,

«Тетро»

танца, живописи, театра. Фильм поистине триумфальный, хотя и очень личный, очень горький и очень авторитарный. Но это авторитарность мыслителя, гениального художника, который знает жизнь с ее взлетами и падениями, надеждами и обманами, возвышенными чувствами и низким предательством. Такие ленты делают нас умнее, лучше, терпимее. Посмотрите фильм.

Иначе все ваши представления о кино и о жизни будут сведены к смехачеству – к **«Счастливому концу»** (режиссер Ярослав Чеважевский) и к **«Яйцам судьбы»**. Такова наша Russia. Кто-то скажет: комедии, зачем так строго?! А кто-то мрачно вздохнет: вот и про конец сняли, больше не о чем. Циничного стриптизера-женоненавистника настигает страшное проклятие: он лишается детородного органа, который превращается в человека и начинает жить своей жизнью. Теперь оско-

пленный Паша (Павел Деревянко) «поневоле должен измениться и серьезно пересмотреть свои отношения с противоположным полом» – так пишут на сайте фильма. Простите, какие отношения? «Незачем и нечем», – отвечал один сильно пожилой писатель на вопрос, не хочет ли он жениться. А Паша-то молод, любовь приходит, а он не укомплектован, а рядом соперник, подозрительно знакомый на вид.

Что до второй ленты **«Наша Russia. Яйца судьбы»** (режиссер Глеб Орлов), собравшей знаковую команду (Михаил Галустян, Сергей Светлаков) из одноименного телепроекта, усиленную дальнбойщиками (Александр Семчев, Виктор Вержбицкий, Роман Мадянов, Николай Басков), то о ней на собственном сайте так простенько и написано: «Великий фильм о великих людях, которые живут в нашей великой стране, потому что фильм о такой вели-

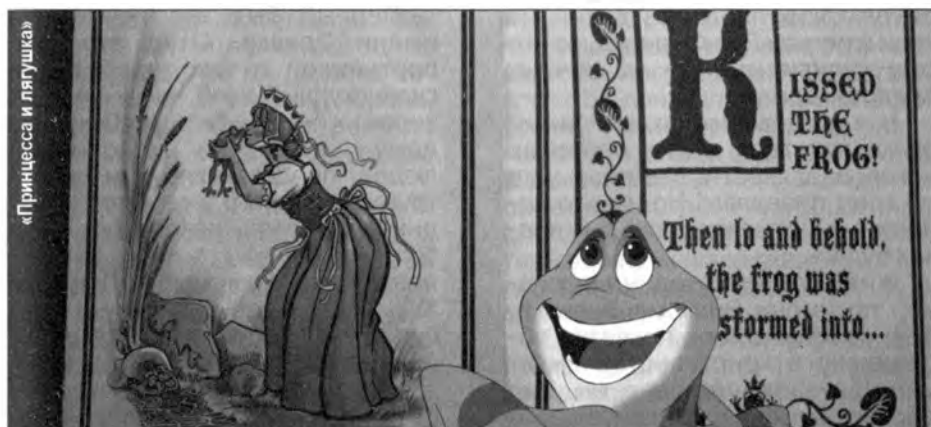
кой стране, как наша, просто не может не быть великим. К тому же в нём сыграли великие актеры, а сценарий придумали великие авторы, которые написали этот великий текст. Мы еще не говорим о великом режиссере и великом операторе. И мы верим в то, что в нашей стране есть сто тридцать — сто сорок миллионов великих людей, которые найдут невеликие деньги и сходят на этот великий фильм. А самые великие сходят два раза. Посмотри фильм...» Что добавить критику? Ну, посмотрите, если телека мало, только не ограничивайтесь им.

И напоследок деткам и их родителям рекомендуем **«Принцессу и лягушку»** («Princess and the Frog»), режиссеры Рон Клементс, Джон Маскер). Классический Дисней времен «Белоснежки» и «Золушки», изумительная сказка о юной сироте по имени Тиана, которая от зари до зари работает горничной в Новом Орлеане, чтобы скопить денег и открыть маленький ресторанчик, как мечтал ее покойный отец. На дворе двадцатые годы прошлого столетия, которые вскоре назовут «веком джаза», что немаловажно для сюжета. Когда мечта Тианы уже бли-

зка, случается непредвиденное: появляется принц Нэвин, которого злой волшебник вуду превратил в отвратительную пучеглазую лягушку, а сам, переодевшись в принца, отправился свататься к богатой барышне Шарлотте, что поставило судьбу города под угрозу: ведь вместе со злодеем здесь поселятся его потусторонние дружки. Принц-лягушка уговаривает Тиану поцеловать его, надеясь снова стать человеком, как это не раз случалось в старинных сказках. Тиана соглашается, но не тут-то было, заклятье не спало, и даже того хуже: теперь и Тиана стала лягушкой. Как они выбирались из этой ситуации, расскажет фильм, в котором классическая интрига и классический диснеевский стиль идут рука об руку с технологическими новациями современной анимации.

Вот такие «полеты во сне и наяву» предлагает январский репертуар — сказочно-новогодние, святочно-рождественские, нежно-романтические, какими они и должны быть в это время года. Выбор за вами, юные и не очень дамы и господа! И с Новым годом!

Елена НИКОЛАЕВА

ПОДМЕНЕННЫЙ ЛЮДОВИК XVII

Перевод с венгерского Е. Д. Калитенко

Окончание. Начало в № 11

ТРИ ЛЖЕ-ЛЮДОВИКА XVII

На авантюрные вести из своих берлог выползают проходимцы.

В общем, тридцать один лже-Людовик объявился в разных местах и в разное время. Частью они сами выдавали себя за Людовика XVII, частью доверчивые люди нашептывали им легенды.

Самая затейливая весть пришла в Европу из-за океана. Случилось во время правления последнего французского короля Луи Филиппа, что его сын, герцог Жуанвиль, отправился в Америку. Там ему представили вождя индейцев-ирокезов по имени Элеазер. Великий герцог был поражен: «краснокожий вождь» сильно походил на короля Людовика XVII. Результатом их частной беседы стало то, что индеец подписал заявление, в котором он отреклся от каких-либо претензий на трон в пользу Луи Филиппа, за что ему купили имение из личных средств короля.

Вот как доверчивого американского читателя дурил репортер вековой давности! Газетная утка по всем правилам! Но нам-то известно яйцо, из которого она проклюнулась.

Жил в Америке один миссионер по имени Вильямс Элеазер. Всю свою жизнь он посвятил обращению в христианство индейцев-ирокезов. Человек он был образованный, даже написал иро-

кезскую грамматику. Однако в его ученой голове какое-то колесико всё же поскрипывало – он всем рассказывал о себе, будто бы он и есть бывший узник Тампля. Находились такие, кто верил ему. Впрочем, он не выдвигал претензий на французский трон и скромно оставался среди своих индейцев до конца жизни. С ним-то и мог встретиться герцог Жуанвиль, и в его лице мог усмотреть какое-то сходство с Бурбонами. Когда во Франции узнали об этом, не верящие в тайну Тампля, смеясь, восклицали: новый претендент на трон – негр.

Вот так рождаются и обрастают подробностями легенды.

Во Франции еще до появления Наундорфа, наиболее серьезного претендента, официальным инстанциям пришлось заниматься еще тремя Людовиками XVII.

Первый был авантюрист по имени Эрваго. Отец его был портняжкой и тем зарабатывал свой скудный хлеб, сыну не нравился их бедный быт, он сбежал из дому и морочил легковверных людей, представляясь им сыном того, то этого знатного господина. Наконец договорился до того, что он не кто иной, как бежавший из заключения Людовик XVII. Говорят, он был малый красивой внешности, имел благородную осанку и чрезвычайно обаятельные манеры, тем самым настолько втерся в доверие к не-

скольким дворянам, что они пове-
рили ему и принимали в своих
замках. Там он завел настоящий
двор, устраивал званые вечера,
раздавал награды и титулы. Сла-
ва и успех сопутствовали ему не-
долго. Его отдали под суд и за
мошенничество приговорили к
четырем годам. Наполеон упро-
стил дело: вместо тюрьмы он за-
садил его в сумасшедший дом, где
тот и умер.

Следующий претендент, Ма-
тюрен Брюно, был какой-то дурак.
О его ранней юности известно,
что он был сыном ремесленника,
делавшего деревянные башмаки,
прошел через исправительное
заведение, потом стал матросом
на военном корабле и попал в
Америку. Откуда он и объявился в
1815 году уже как Карл Наварр-
ский. Как ему удалось раздобыть
паспорт, украшенный этим зна-
тым именем, неизвестно.

Здесь, на родине, до него до-
шли клубившиеся слухи о побеге
маленького короля, о том, что ко-
роль жив, и он назвался насто-
ящим Людовиком XVII.

Конечно, его схватили и поса-
дили. Из провинциальной тюрьмы
он написал письмо королю Людо-
вику XVIII, в котором просил от-
править его в Париж, где он и вы-
ложит свои доказательства. За-
одно сделал королю выгодное
предложение: что он-де пока во-
все не желает отречения короля,
пусть себе остается на троне до
самой смерти, но уж потом корона
должна перейти к нему.

Претендента с помутненной
головой приговорили сначала к
пяти годам тюрьмы, а потом он
получил еще два года за поведе-
ние, оскорбляющее высокий суд.

Птицей куда более высокого
полета был третий лжепресто-
наследник — стеклозаводчик Эбер.
Он выступил под именем барона

Барон де Ришмон,
якобы герцог Нормандский

Ришмона, герцога Нормандско-
го, и в 1828 году, представ перед
парламентом, заявил свои пре-
тензии на трон. Он сообщил, что
его воспитал генерал Клебер, он
стал адъютантом генерала, потом
попал в Австрию и там предстал
пред дочерью Людовика XVI, ге-
рцогиней Ангулемской. Герцогиня
вроде бы поначалу признала в нём
брата, истинного престолона-
следника, однако в конце концов
всё же отвергла. Результатом не-
приятной встречи с герцогиней
стало то, что австрийское прави-
тельство приказало схватить его и
два с половиной года держало в
заключении в Милане.

Сильвио Пеллико, несчастного
итальянского поэта и патриота,
австрийское правительство при-
говорило к пятнадцати годам за-

ключения в крепости. Поначалу он сидел в Милане, и там его соседом по камере был один француз, который казался человеком благородного происхождения, высокообразованным, хороших манер; он выцарапывал на стенах камеры стихи, которые подписывал «герцог Нормандии». Разговоры их становились всё доверительнее, и вот товарищ по камере наконец открылся: он – Людовик XVII. С мельчайшими подробностями рассказывал он о своей жизни в Тампле и о побеге. А произошло это так: как-то ночью за ним пришли, привели с собой какого-то полоумного мальчишку, который там и остался, а ему устроили побег. Снаружи их поджидал экипаж, запряженный четверкой лошадей, но среди лошадей только три были настоящие, а четвертая была деревянным механизмом, внутри которого его и спрятали.

Ну вот, опять ожил троянский конь, только теперь с бароном Ришмоном в брюхе.

Сильвио Пеллико не поверил ни слову этой сказки, хотя воспринимал соседа как человека милого и добронравного. У него были характерные черты Бурбонов, это то сходство и подвигло его на роль самозванца.

У французского суда были другие взгляды на моральные принципы претендентов.

В 1834 году его отдали под трибунал и приговорили к двенадцати годам тюрьмы.

Через год ему удалось бежать. Бежал он в Англию, затем после всеобщей амнистии вернулся во Францию. Здесь он всё еще находил приверженцев из числа старой знати и хорошо прожил до самой смерти, последовавшей в 1845 году.

Однако все эти истории по своей серьезности и заниматель-

ности уступают истории другого претендента – Наундорфа, чачовщика из Шпандау.

МОГИЛА В ДЕЛЬФТЕ

На дельфтском кладбище есть могила, обнесенная решеткой. На могильном камне высечена надпись: «Здесь покоится Людовик XVII, король Франции и Наварры, герцог Нормандский. Родился в Версале 27 марта 1785 года, умер в Дельфте 10 августа 1845 года».

Посетитель несколько удивляется, потом пожимает плечами и говорит про себя, что, в конце концов, каждый может писать на могильном камне, что ему хочется. Однако если он удосужится пойти в ратушу и навести справки, то ему предложат книгу регистрации, в которой покажут следующую запись:

«12 августа 1845 года в 6 часов вечера перед нами, городским советником Даниэлем ван Кетсвельдом, предстали Бурбон Карл Эдуард, частное лицо 24 лет, а также граф Грюо де Ла Барра, 50 лет, прежде королевский прокурор майенского трибунала во Франции, оба местных жители, первый из них сын, второй друг низеназванного покойного. Они заявили, что умерший текущего года августа месяца 10-го дня в доме под номером 62 по улице

Могила Наундорфа в Дельфте

Оуд в Дельфте Бурбон Карл Людовик, герцог Нормандский (Людовик Семнадцатый), который здесь был известен под именем Наундорф Карл Вильгельм, родился в Версальском дворце, во Франции, 27 марта 1785 года, значит, ко дню смерти ему исполнилось 60 лет; проживал в сём городе; был сыном Его Величества короля Франции Людовика XVI и Ее Императорского и Королевского Величества супруги Марии Антуанетты, Великой герцогини Австрийской, королевы Франции. Супруга покойного – герцогиня Нормандская, урожденная Айнар Жанна, местная жительница. Прочитано и подписано».

Сказано ясно. Официальная запись придала большую силу позднейшим потомкам Наундорфа, потому что из нее следовало, что голландские власти оказывали полное доверие заявителям, то есть со своей стороны они посчитали полностью доказанным, что в лице Наундорфа Карла Вильгельма действительно был

похоронен Людовик XVII. Вопрос о Наундорфе имеет обширнейшую литературу. Был основан даже один журнал, занимавшийся только этим вопросом. Не только у первого Наундорфа находились очень знатные, готовые поклясться за его идентичность сторонники, но и позднее, когда его семейство попробовало заявить о своих претензиях, мужи славнейших в стране родов встали рядом с ними.

Полагаем ли мы обоснованной претензию Наундорфа или нет – это дело спорное, верно, однако, одно: из всех известных в истории судебных тяжб мы имеем дело с одной из наиболее интересных, которая, словно морская змея, трижды поднимала голову, причем на протяжении одного столетия.

ГОДЫ ПОСЛЕ ПОБЕГА

Естественно, в первую очередь всех интересовало: что произошло с маленьким Луи после побега? Куда он пропал? Кто заботился о нём и кто был его защитником? Где и как провел он опасные годы, когда ему приходилось таиться и он еще не мог заявить о себе?

Однако то, что Наундорф в этой связи мог сообщить, выглядит не чем иным, как нехитрой выдумкой. Он всё время скрывался, его преследовали, он уходил со всякими приключениями, его хватали, он снова бежал, на него покушались, пытались отравить, убить, удушить. И всё это с какой-то таинственной недосказанностью, с какими-то невероятными приключениями, что и самый беспристрастный читатель сказал бы только: да, но это уж сверх всякой меры невероятные сказки.

Благоприятный в его судьбе

поворот произошел, когда он открыто заявил о своих притязаниях и представил своим сторонникам более или менее вразумительные доказательства.

Я опускаю изложение его приключений, что само по себе отвлекло бы внимание без всякой пользы, до тех самых пор, когда он, согласно его рассказу, поступил в свободный отряд немецкого героя-борца за свободу Шилля.

Шилль погибает, сам он, Наундорф, ранен и приходит в сознание в каком-то госпитале. Он еще прихрамывал, когда его отдали под суд трибунала, вместе с другими бойцами свободного отряда приговорили к каторжным работам на галерах и отправили в Тулон. По пути ему стало так плохо, что он опять попал в госпиталь, отсюда он в компании еще с одним Шиллем-гусаром счастливо сбежал. Товарища его, правда, поймали, а он выскользнул из рук жандармов и опять стал скитаться по Германии. И вот во время этих скитаний однажды, совершенно изнуренный, сел он на камень у дороги.

Ждал он недолго, попросился на проезжавшую мимо телегу, и хозяин любезно посадил его. На этой телеге с помощью хозяйского паспорта попал в Берлин. Имя его благожелателя — Наундорф Карл Вильгельм.

В Берлине разыгрывается первый эпизод, который насторожит даже самого непредвзятого критика.

Но до этого нам придется принять на веру один непонятный момент: его благодетель, Наундорф Карл Вильгельм, бесследно исчезает и более никогда не возникает. А его протееже сам выступает под его именем, обозначенном в паспорте, — Наундорф Карл Вильгельм. Чтобы не умереть с

голоду, он учится ремеслу часовщика.

Для того, однако, чтобы самостоятельно заниматься ремеслом, нужно было получить гражданство, вступить в цех часовщиков. Одного только паспорта для этого недостаточно. К счастью, в воротнике пальто у него было зашито несколько подтверждающих бумаг, среди них собственноручно написанные Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Он отправился с ними к полицмейстеру Берлина, который посмотрел их, а вот документ за подписью Марии Антуанетты оставил у себя с тем, чтобы показать его графу Гарденбергу, министру полиции. Этого документа Наундорф более не увидел. Но полицмейстер снабдил его дельным советом: поскольку в Берлине за неимением нужных бумаг он не сможет получить гражданства, лучше уехать в какой-нибудь маленький провинциальный город. Там тоже, конеч-

Карл Вильгельм Наундорф

но, потребуют бумаги, но он, полицейстер, обещает помочь: он снабдит его рекомендательным письмом, и это поможет ему преодолеть все трудности.

И вот происходит первое событие этого невероятного дела, расчудесное в своей достоверности: 8 декабря 1812 года город Шпандау принимает в число своих граждан Наундорфа Карла Вильгельма, у которого нет никаких подтверждающих его происхождение бумаг.

ЧАСОВЩИК ИЗ ШПАНДАУ

Здесь надо отметить, что бумаги о происхождении Наундорфа и позже невозможно было отыскать, а поэтому — если уж нельзя было его принять за Людовика XVII — его личность так никогда и не была выяснена.

Позднее он получил право гражданства в городах Бранденбург и Кроссен — опять же без документов о происхождении.

В 1818 году он женился. Взял девицу по имени Иоганна Айнерт, бюргерскую дочь. Их поженили по тогдашнему обычаю, а документов о происхождении опять же не потребовалось.

Вот это необычное для бюрократии закрывание глаз кажется говорящим в пользу Наундорфа. Ведь именно тогда он начинает писать письма главам европейских государств и герцогине Ангюлемской, в которых заявляет о своих притязаниях на французский трон.

Едва ли можно предположить о прусской полиции, что она не привела бы в движение весь свой отлаженный механизм, когда речь идет о разоблачении мошенника, угрожающего дружественной династии. Однако она не сделала ровным счетом ничего и тем са-

мым создала впечатление, будто не считает данные Наундорфа таким уж измышлением.

В этой связи стоит вспомнить еще об одном событии. В 1824 году против Наундорфа было выдвинуто обвинение в фальсификации денег. В порядке защиты обвиняемый открыто заявил, что он не Наундорф, а... Людовик XVII. Приговор был суров. Ему отрядили три года тюремного заключения, однако не на основании обвинения. Судебное решение гласило:

«Хотя доказательства недостаточны для определения вины обвиняемого, всё же его следует осудить, потому что на протяжении всего судебного процесса он проявил себя наглым лжецом, желая создать видимость того, что он происходит из высочайшего дома Бурбонов».

Иными словами, три года тюрьмы за вранье! Но если уж этому вранью придавалось такое значение, то как раз тут и был тот самый случай, чтобы в ходе судебного разбирательства проверить происхождение обвиняемого... Этого сделано не было, а если такие попытки всё же были предприняты, то результата никакого не дали.

Если он не Людовик XVII, то кто?

Его происхождение скрыто плотной завесой тайны.

НАКОНЕЦ-ТО В ПАРИЖЕ!

В 1830 году династия Бурбонов была свергнута. Наундорф полагает, что задул благоприятный ветер. Он решает ехать в Париж. Опять случаются какие-то подозрительные покушения, таинственные погони и уходы от них, но наконец-то в 1833 году он как-то пробирается в Париж.

Поначалу сильно бедствует, но

опять же находятся покровители, и, наконец, происходит долгожданное чудо: служащие версальского двора признают в нём настоящего Людовика XVII!

Сначала его допрашивает мадам Рамбо. Эта дама была представлена к наследнику трона с самого его рождения, а потому и знала его наилучшим образом. И что же? Яркое сходство с Бурбонами, некоторые разговоры, а самое главное – телесный осмотр сделали несомненным для нее, что нашелся настоящий Людовик XVII.

Это же подтвердила и супружеская чета Марко Сент-Илер. Супруг был лакеем при дверях в покоях Людовика XVI, а жена ежедневно видела маленького наследника.

Потом и другие присоединились к поверившим: Жоли, последний министр юстиции Людовика XVI; Жоффруа, ученый архивариус, который принял его сторону после тщательного изучения тампльского периода; некий господин Лепрад, который ездил в Германию специально с той целью, чтобы изучить документы, выслушать свидетелей, и вернулся совершенно убежденным; наконец, граф Грюо де Ла Барр, который оставил должность прокурора, чтобы посвятить всю свою жизнь делу Наундорфа.

Самой первой и самой важной задачей представлялось убедить герцогиню Ангулемскую в том, что Наундорф идентичен ее исчезнувшему из Тампля братцу.

Если бы удалось устроить их личную встречу, то поразительное семейное сходство, воспоминания детства и обсуждение событий, происходивших в Тампле, рассеяли бы все подозрения, и дело Наундорфа было бы выиграно.

Мадам Рамбо сделала следующее торжественное заявление:

«Пред Богом и людьми заявляю, что я 1833 года, месяца августа, 17-го дня вновь обрела Его Высочество герцога Нормандского, подле которого я имела счастье служить, начиная со дня его рождения до самого 10 августа 1792 года. Я вновь обнаружила на нём знаки, которые наблюдала в его детские годы и которые делают несомненными его идентичность.

У герцога была короткая и совершенно особым образом прорезанная бороздками шея. Я, бывало, говаривала, что если бы он когда-нибудь нашелся, это было бы для меня неопровержимым доказательством. Его шея теперь возмужала, но осталась таковой, какова и была.

У него была большая голова, открытый и широкий лоб, голубые глаза, сильно изогнутые брови, пепельного цвета выющиеся волосы. Рот именно такой формы, как у королевы; на подбородке была заметна небольшая ямка. На груди у него я наблюдала определенные знаки, особенно один на правой стороне груди.

Герцогу в возрасте двух лет и одного месяца сделали прививку. Следы от прививки располагались в форме полумесяца, теперь я их узнала.

Сообщаю, наконец, что в знак благоговения я сохранила голубое платье герцога. Я показала его и сказала, что это платье он носил в Париже. "Нет, мадам, я носил его в Версале тогда-то и тогда-то".

Мы обменялись нашими воспоминаниями, и они сами по себе были бы для меня достаточным доказательством, что герцог действительно тот, кем он себя называет: сирота Тампля».

Заявления мадам Рамбо и четы Марко Сен-Илер по поводу опоздания доставили герцогине Ангулемской, но на них не пришло никакого ответа.

Сам Наундорф тоже попробовал лично написать ей. В его письме содержались вот такие воспоминания:

«Хочу воскресить в Вашей памяти ту ночь, когда Вы и маркиза Турзель молча, за руку вывели меня из Тюильри. Я особенно хорошо помню этот случай, потому что наш незабвенный отец в неурочный час разбудил меня ото сна и сам вместе с маркизой Турзель одел меня. (Это была ночь, когда королевская семья сделала попытку бежать. – Авт.)

Вспомните, как нас предупредили – не разговаривать ни с кем, а мне особенно, не поднимать никакого шума. Вспомните, как мы втроем (то есть он, его сестра и маркиза Турзель. – Авт.) ожида-

ли в каком-то полутемном помещении, а поскольку они пришли с опозданием, наш отец извинялся перед маркизой, объясняя, что он заблудился.

Если Вам этого недостаточно, чтобы признать во мне Вашего настоящего брата, то я опишу нашу квартиру в Тампле. В комнате нашей доброй матушки кровать была слева, возле деревянной перегородки; а в комнате нашей тетушки кровать стояла по правую сторону, тоже вдоль перегородки. В комнате нашей тетушки окно было против входа...» Письмо было полно прочих сугубо доверительных фактов и перечислением лиц, которые сопровождали короля и его семейство после ареста в Конвент, а потом и в Тампле.

Да, но вот только эти самые доверительные факты уже давно перестали быть доверительными. Именно с такими подробностями они изложены в воспоминаниях маркизы Турзель и камердинера Клери, в несметных изданиях по истории революции и истории королевской семьи. Наундорф мог их читать, со своей стороны он не добавил ничего нового. Герцогиня Ангулемская ни словом не откликнулась на письмо.

Однако в пользу Наундорфа говорит то, что поведение герцогини Ангулемской было необычным и даже подозрительным. В деле такой важности после рекомендательных писем версальских придворных дам ей нельзя было отвергать эту встречу. Ведь в ее интересах было положить конец назойливым исканиям и решительно заявить: этот человек не мой брат. Возможно, это ее семейство воспротивилось встрече, чтобы сходство и ее не сбilo с толку, что еще более запутало бы это опасное дело.

Людвик XVII в Тампле.
Старинная английская гравюра

Герцогиня Ангулемская

Наундорфу наконец удалось вместе с семейством попасть в Прагу к воротам герцогини Ангулемской. Все они, Наундорфы, были вылитые Бурбоны, за исключением дочери, которая была точный портрет Марии Антуанетты. Они с мольбой протягивали руки к герцогине, стоявшей у окна, но та отвернулась от них.

Вот так, сменяя друг друга, на свет появлялись факты в деле Наундорфа, которые или подтверждали, или опровергали его версию. Только удовлетворительные доказательства склонят чашу весов в пользу идентичности, как сильнейшие опровержения вновь перевесят.

Надо отдать должное, сам Наундорф довольно ловко интерпретировал факты, говорящие против него. По его мнению, главным организатором побега из Тампля была Жозефина. О своей дальнейшей судьбе он сообщал, что в 1804 году во время правления императора Наполеона он-

таки попал в руки своих преследователей, они привезли его в Париж, а потом прятали в Венсенском лесу, пока ему не удалось бежать и оттуда. Вопрос: как стало возможным, что Жозефина не пришла опять ему на помощь, ведь тогда она уже стала повластной императрицей? Ответ: потому что тогда Наполеон уже пообещал ей сделать наследником престола ее сына от первого брака Евгения Богарне, то есть ее собственный интерес столкнулся с интересами ее бывшего подопечного.

По делу о фальшивых деньгах ему не пришлось отбывать наказание целиком, его помиловали. Объяснение: его надо было приговорить, чтобы снискать благосклонность французского короля, а потом его отпустили, потому что знали, что он невиновен.

В этом деле участвовала еще одна таинственная личность по имени Лоран. Он состоял в тюремном штате служащих Тампля, и он, как можно предположить, и был тем, кто по поручению Жозефины и Барраса организовал побег. Но допросить Лорана не было возможности, потому что он выехал по официальному поручению в Санто-Доминго и больше оттуда не возвратился. По утверждению Наундорфа, конечно же, правительство выслало его, чтобы освободиться от неприятного свидетеля.

Не беда, есть письма Лорана, которые тот адресовал генералу Фротте. Из них яснее ясного видно, что он являлся главной движущей силой побега, это он провёл в тюрьму немомго ребенка и т.д.

Однако это были не оригинальные письма, а копии, не имеющие доказательной силы.

Нет, имеют, отвечал всегда и всему находивший объяснение

Наундорф. Правда, в 1804 году во время венсенского плена у него их забрали, но, пожалуйста, выслушайте заключение специалистов об этих копиях: они выполнены на бумаге того времени, написаны тогдашним письмом и в стиле того времени.

Но довольно с него: мирным путем осаждать различные правительства и герцогиню Ангулемскую не получалось, тогда он решил действовать через суд.

ПЕРЕД СУДОМ

Очень кстати пришелся Наундорфу уголовный процесс против другого претендента на трон, барона Ришмона. Он сделал торжественное заявление в суде присяжных, в котором протестовал против притязаний Ришмона, заклеил его как обманщика, объяснив, что только он является истинным герцогом Нормандским, настоящим Людовиком XVII.

И опять нужно отметить своеобразное закрывание глаз со стороны официальных кругов, сделанное в пользу Наундорфа. Суд принял к сведению это заявление, однако никаких действий не предпринял против самого Наундорфа, в то время как обвиняемого именно из-за подобных утверждений приговорил к двенадцати годам, а Наундорф повторил их в свою пользу!

Теперь-то уже Наундорф, что называется, закусил удила и замахнулся на гораздо большее.

В 1836 году он обратился со своими притязаниями в гражданский суд и попросил привлечь к суду в качестве ответчиков графа Шамбора и герцогиню Ангулемскую. Граф Шамбор, сын герцога Берри, родившийся после смерти отца, и внук Карла X, был последним отпрыском дома Бурбонов.

Однако из этого судебного дела не вышло ничего. Правительство посчитало, что это уже чересчур, и назначило расследование против самого Наундорфа. А заодно как иностранного гражданина посадило его на корабль и вытолкало в Англию.

Расследование провели в его отсутствие. В качестве свидетелей допросили Лана и Гомена, бывших стражников маленького короля, которые, конечно же, клялись, что похоронили настоящего Людовика XVII. Допросили нескольких свидетелей, давших показания в пользу Наундорфа, исследовали его предыдущую жизнь, получили документы из Германии – словом, со всей основательностью взялись выяснять это дело.

Четыре года тянулся процесс.

Наундорф в Лондоне и лагерь его сторонников в Париже напряженно ожидали решения, которое было призвано поставить точку в конце этого затянувшегося дела.

Однако вместо точки в результате получилась запятая.

Приговора не было. Королевским указом процесс временно был приостановлен.

«Было установлено, – говорилось в указе, – что Наундорф обманным путем выдавал себя за Людовика XVII и под этим предлогом собирал огромные деньги, то есть совершил мошенничество, однако, прежде чем объявили уголовное преследование, он уже административным порядком был выслан из Франции. Стало быть, дело снова можно поднять и принять окончательное решение, когда он снова объявится».

Указ сей был хорош только для того, чтобы укрепить веру тех, кто подозревал, что за Наундорфом скрывается истинный Людовик XVII.

Вот, говорили они, у правительства была возможность завершить это дело окончательным приговором. Если оно всё-таки этого не сделало, то определенно боялось судебного разбирательства, которое могло закончиться в пользу Наундорфа. На злой умысел со стороны правительства указывает также и то, что Наундорф, высланный «потомок Бурбонов», хотел узаконить свои притязания как иностранный гражданин, то есть правительство еще в самом начале процесса имело в запасе аргумент, который использует в конце, и всё же позволило пережевывать дело целых четыре года.

ДЕЛЬФСКИЙ ССЫЛЬНЫЙ

Это была последняя попытка Наундорфа.

Из Лондона он перебрался в Голландию и поселился в Дельфте. Отсюда он преподнес своим сторонникам еще один аргумент в пользу того, что он действительно сын Людовика XVI, аргумент, вошедший в историю. Он предложил голландскому правительству одно свое изобретение, это была какая-то невероятной огневой мощи военная машина, против которой, по его мнению, никто не смог бы устоять и которая сделала бы в будущем все войны невозможными. Секрет конструкции, обещавшей стать благом человечества, до нас не дошел. Но сторонники Наундорфа вспомнили об известной страсти Людовика XVI – слесарном деле. Известно, что в Версале он при больших расходах организовал совершенную слесарную мастерскую, настоящую слесарную лабораторию, находя величайшую радость в том, что мог там пилить и стучать.

– Вот, сын пошел в отца! – хвастались сторонники Наундорфа. – Страсть отца у него проявилась в механике – он избрал ремесло часовщика и создает сложные конструкции. Разве это не решающее доказательство его происхождения?

Суммируем сказанное: рассматривая повороты в деле Наундорфа, как если бы перед нами поворачивалось колесо удачи, нельзя отрицать, что шарик в равной мере выпадал и на красное и на черное. Однако судебное разбирательство не закончилось и с его смертью. Теперь уже семейство Наундорфа стремилось воскресить его из праха.

СЕМЕЙСТВО НАУНДОРФ

Защищать их дело опять взялся Жюль Фавр, который стал министром иностранных дел.

Здесь я хочу рассказать один интересный эпизод.

В январе 1871 года Париж был вынужден капитулировать перед осаждавшей его немецкой армией. Договор о прекращении огня подписал в Версале 28 января Жюль Фавр, тогдашний министр иностранных дел.

В Париж он возвращался в карете в обществе графа Эриссона. Разговор шел о заключительной церемонии этого печального акта.

– Бисмарк, – рассказывал Фавр, – пожелал, чтобы я после подписания поставил под договором свою печать.

– Я не взял ее с собой.

– Всё равно, поставьте любую, – ответил канцлер. – Я вижу у вас на пальце перстень, воспользуйтесь им.

Фавр снял с пальца перстень и показал графу Эриссону. Это был античной шлифовки камень в оправе.

— Вот этим перстнем я припечатал договор о прекращении огня. Знаете, чей это был перстень? Наундорфа, вернее, Людовика XVII. Я помогал его сыну советами, денег я от него не взял, и в благодарность он дал мне этот перстень.

Эриссон воспользовался случаем, чтобы спросить:

— Вы в 1851 году взялись представлять интересы семьи. Я знаю, каковы обязанности адвоката: защищать интересы клиента, даже если он не прав. Но что касается Наундорфа, вы в самом деле верите, что он был сыном Людовика XVI?

— Это мое святое убеждение. Не выгоды ради, не по моей адвокатской обязанности взялся я за это дело, но единственно из любви к истине.

— И ваши республиканские чувства позволили это?

— А почему нет? Истина не зависит от политики. Если я нахожу дело правым, я встаю за него против всех.

Великий оратор в самом деле будто бы обручился с делом Наундорфа. Бесподобная адвокатская ловкость, блестящее красноречие — всё было вложено им, и всё напрасно.

Суд отверг прошение об анжете. Опять запели старую песню: официальные документы и показания свидетелей подтверждают, что Людовик XVII умер в Тампле, следовательно, все новые доказательства излишни.

Жюль Фавр обжаловал решение. На восьмьи заседаниях он сотрясал воздух, защищал, обвинял, опровергал, аргументировал — и всё бесполезно. Верховный суд оставил отрицательное постановление в силе.

Вместе с тем даже непредвзятые критики говорили: жаль было

отвергать прошение и не продолжить доказательный ряд. Одна анкета не помешала бы столько раз выдвигаемому делу, она способствовала бы вынесению окончательного решения.

Ситуация, собственно, такова.

В 1840 году процесс отложен.

В 1852-м прекращен.

В 1872-м его не позволили даже начать.

Но это дело и позднее имело продолжение: в 1911 году от него уклонились.

Это случилось, когда сенатор Буасси д'Англа от имени потомков Наундорфа обратился во французский сенат: на этот раз потомки, не желая затрагивать вопрос о притязаниях на трон, довольствовались тем, что просили признать их гражданами Франции.

На заседании 21 марта 1911 года в сенате было объявлено, что сей орган не является компетентным в этом деле.

А ведь прошение было подготовлено очень основательно: 260 страниц, настоящий книжный том!

Итак, правомерность или неправомерность притязаний Наундорфа окончательным судебным решением не подтверждена до сих пор!

Одним-единственным результатом можно всё же отчитаться. Поскольку в те самые времена в Дельфте в книге регистрации смертей Наундорфа записали как Бурбона Карла Людовика, для его потомков свидетельства о рождении выписывали тоже на имя Бурбон. То есть французские власти вынуждены были признать, что они по праву носят имя Бурбон.

И так будет до тех самых пор, пока какому-нибудь из графов Шамбор или другому настоящему Бурбону не придет на ум начать с ними тяжбу из-за неправомерного использования родового име-

ни. Что маловероятно, потому что весь этот чудовищный процесс можно начинать сначала.

* * *

В заключение надо было бы найти ответ еще на один вопрос.

Если принять за действительное, что маленькому королю устроили побег из Тампля, а Наундорфа считать обманщиком, то всё же остается без ответа вопрос: что же случилось с бежавшим Людовиком XVII?

Но и здесь мы можем только блуждать среди предположений и догадок.

Возможно, говорят одни, что поскольку побег был устроен с согласия членов Конвента, то они потом сами испугались последствий и убрали ребенка.

Возможно, говорят другие, что он стал жертвой подозрительности графа Прованского, позднее Людовика XVIII, который желал бы освободиться от опасного для его собственных притязаний мальчика.

Наиболее правдоподобным, однако, кажется то, что и без того слабый здоровьем ребенок после побега и в самом деле умер. И тогда те, кто был причастен к побегу, сочли за благо не ворошить более этого дела и оставить весь свет в убеждении, что Людовик усоп в Тампле.

И всё же. Неужели ключ от тайны хранится на дельфтском кладбище под гордой надгробной надписью?

От редакции. Загадка подмененного (или неподмененного?) Людовика XVII до сих пор не отгадана. И это надо признать, несмотря на то, что 8 июня 2004 года стеклянный сосуд, в котором, как принято считать, хранится сердце маленького принца, был

торжественно захоронен в базилике Сен-Дени под Парижем, усыпальнице французских королей. На церемонии присутствовали представители всех царствующих домов Европы.

И тем не менее... В те годы, когда Иштван Рат-Бег писал свой очерк, еще не были открыты исследования ДНК, которые позволяют со всей определенностью установить родственные связи. Конечно, применить к загадке «пленника Тампля» новейшие методы исследований пытались и раньше. Так, еще в 1943 году в полицейской лаборатории Лиона были сравнены микрофотографии волос Наундорфа и подлинных волос юного Людовика. Известный профессор Локард, проводивший сравнение, категорически утверждал, что волосы принадлежат одному и тому же лицу! Но при повторном исследовании, когда сравнивали волосы подростка, умершего в Тампле, и волосы претендента Наундорфа, оказа-

лось, что они принадлежат разным людям. Впрочем, утверждать, что претензии Наундорфа это исследование полностью похоронило, нельзя: и посегодняя экспертиза волос является одним из самых трудных вопросов криминалистики.

В 2002 году было произведено сравнение ДНК тканей сердца, которое, как считалось, было изъято при вскрытии умершего в Тампле мальчика, с ДНК, извлеченной из волос Марии Антуанетты и сестры Людовика – герцогини Ангулемской. Исследование показало их полную идентичность. Казалось бы, можно поставить точку. Но скорее, как образно выразился Рат-Вег, получилась не точка, а запятая: дело в том, что то, принято считать сердцем Людовика XVII, могло принадлежать не ему, а его старшему брату, умершему еще до начала французской революции. Этот памятный предмет долго хранился у потомков врача, производившего вскрытие, а затем переходил к разным владельцам, терялся, разбивался – нынешняя хрустальная колба изготовлена гораздо позднее... Так что доказать, что исследовалось именно сердце маленького дофина, со стопроцентной достоверностью невозможно.

Не меньше загадок таит в себе и захоронение на кладбище святой Маргариты. Если оставить в стороне мемуары Наполеона, в которых он написал, что гроб, вскрытый по его указанию, был пуст, то абсолютно достоверно вот что: могила в последующие годы вскрывалась трижды. В 1846 году останки нашли, но установили только, что это останки ребенка, умершего от костного туберкулеза. Второе исследование было проведено в 1894 году, в резуль-

тате чего было установлено, что останки принадлежат подростку четырнадцати-пятнадцати лет, тогда как дофину в момент смерти было только десять лет. Еще раз к загадке могилы на кладбище обратились в середине прошлого, двадцатого века. Авторитетный профессор Пюэш, руководивший экспертизой, полностью подтвердил выводы своих предшественников о возрасте умершего ребенка. Так кто же всё-таки был похоронен на кладбище святой Маргариты?

Уже в наши дни появились свидетельства того, что Карл Вильгельм Наундорф, чье происхождение так и осталось загадкой, похороненный на дельфтском кладбище, был отравлен мышьяком. Ныне в Голландии живут его многочисленные потомки, официально носящие фамилию де Бурбон. Они неоднократно подавали иски во французские суды, требуя признать свои права на несуществующий королевский престол Франции, но все процессы проиграли. В 1954 году французский апелляционный суд окончательно отказал Рене-Шарлю де Бурбону, директору цирка, в его претензиях под тем предлогом, что, мол, Шарль-Луи, дофин Франции, некоронованный король Людовик XVII, всё же скончался в Тампле 8 июня 1795 года... Тем не менее и ныне живущие потомки Наундорфа во главе с Шарлем Луи Эдмондом де Бурбоном продолжают считать себя членами французского королевского дома (их сайт – www.louis-xvii.com, на французском языке). О «проблеме Наундорфа» существует обширная историческая литература, которая, увы, оставила ее нерешенной проблемой.

Двухвековой давности тайна так и осталась нераскрытой.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Когда читаешь эти три рассказа известных писателей-юмористов, которые составили нынешний выпуск нашей Телеги, так прямо оторопь берет: учит нас, учит, как когда-то пел Высоцкий, «семья и школа», что всё лучшее в нас – от книг. Но вот, оказывается, могут быть и другие точки зрения...

Все три автора публикуемых рассказов – писатели, а значит, читали не только свои книжки. Казалось бы, должны получить от них всё лучшее. А вот на тебе... На старости лет усомнились в этой вроде бы вечной истине. Ну о чём толкует Лев Новожёнов? О том, что лучше думать по-другому и быть хорошим человеком только для себя. А Леонид Тучинский? Его героя вообще бандиты захватили – а он всё любимого Пушкина читает и бандитов же еще и жалеет. А герои Анатолия Трушкина из-за умных книг поменяли обеспеченную свободу на не слишком приятный контакт с, как говорится, местами не столь отдаленными. Вот и подумай – где она, истина, как жить лучше и веселее? И всё же мы советуем: читайте, ребята, хорошие книжки. Пригодится в жизни, ну не так, конечно, как акции Красноярского алюминиевого завода. Но всё же акции могут обесцениться, а вот классика – никогда.

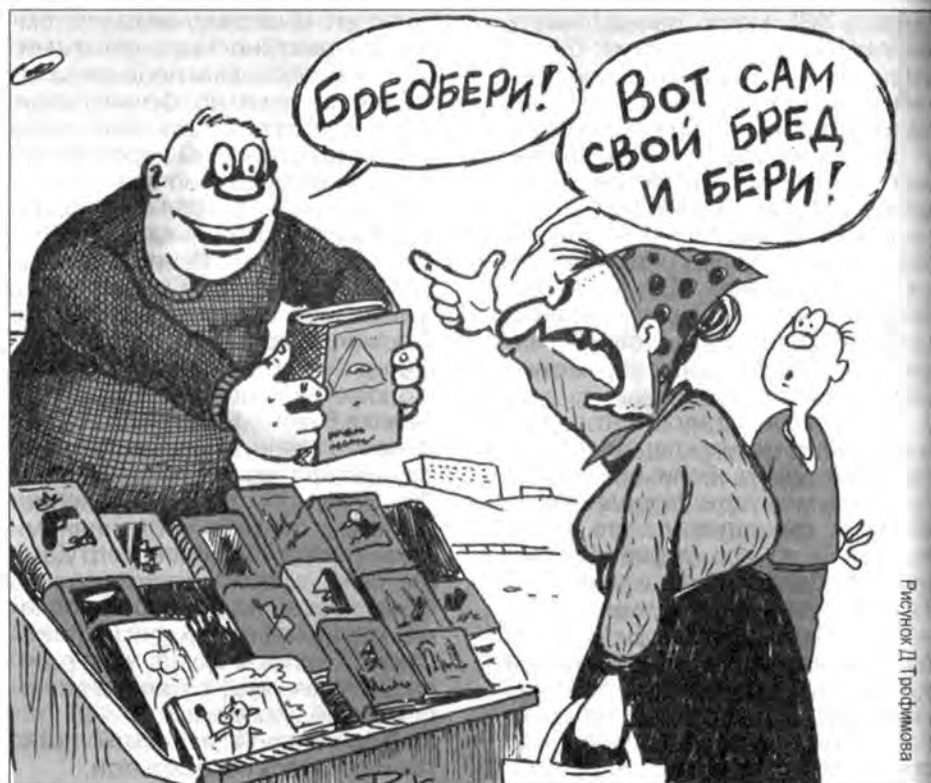

Рисунок Д. Трофимова

НАДОЕЛО БЫТЬ ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Сколько можно?!

Побыл хорошим – и хватит!

Надоело знать свое место, не садиться не в свои сани, иметь совесть, последним покидать тонущий корабль.

Особенно надоело последним покидать тонущий корабль. Это у меня вот уже где. В конце концов, молодежь однажды может и пропустить вперед. Хочется покинуть его первым, с гордо поднятой головой, не участвуя в этой толкотне возле спасательных шлюпок, унижающей капитанское достоинство.

Почему крысам можно покидать тонущий корабль первыми, а капитану – нельзя? Что ценнее для человечества – капитан или крысы?

Также надоело постоянно входить в чужое положение. Ведь уже зараннее известно, что там, в чужом положении, ничего хорошего нет. Там темно, там паутина по углам и полное отсутствие денег. А главное – ни одной таблички с надписью «выход». Огромный риск, что, пока ты будешь мыкаться в чужом положении, кто-нибудь займет твое. Пусть скромное, пусть особо ничего собой не представляющее, но твое собственное, родное, к которому ты успел прикипеть.

Особенно начало раздражать, когда про тебя говорят, что ты хороший, что ты и мухи не обидишь.

Как это – я и мухи?.. Муху-то как раз могу. Даже и несколько мух могу. Видели бы вы меня на даче с мухобойкой. Могу и покрупней кого. Жука. Бабочку. Дальше начинаются проблемы. Можно нарваться на неприятности.

Стала раздражать фраза «Всему хорошему во мне я обязан книгам». Ее повторяют с начала прошлого века. Кто ее сказал? Максим Горький? Не подумал и ляпнул. Или, может быть, он имел в виду, что всему хорошему он обязан своим книгам, за которые получал хорошие гонорары? И всё-таки я бы эту фразу немножечко отредактировал. Например, так. «Всему хорошему во мне я обязан акциям Красноярского алюминиевого завода». Подпись: такой-то. По-моему, звучит гораздо актуальнее.

Не прав был и Антон Павлович Чехов, когда пустил в мир свой афоризм: «В человеке всё должно быть прекрасно – и мысли, и душа, и поступки, и одежда». Нет, насчет одежды я согласен. Всё остальное вычеркиваем. Пишем: «В человеке всё должно быть прекрасно – и дача, и счет в банке, и автомобиль, и одежда». Так, по-моему, будет гораздо правильнее.

Кроме того, раз уж привелось родиться хорошим человеком, сиди и молчи. Не выступай. Не выпячивайся. Не можешь молчать – коси под плохого. Говори, что тебя хлебом не корми, а дай только обидеть вдов и сирот. Иначе, как только узнают, что ты хороший, сразу придут и предложат съесть пуд соли или пойти в разведку. Это даже как-то становится однообразным. Обязательно – пуд соли или в разведку. Ни тебе цыпленка табака, и ни в кино или там в казино – а пуд соли и в разведку.

И еще надоело бороться за свободу слова.

Хочется, наконец, перестать за нее бороться.

Хочется вообще перестать про нее думать.

Ведь чтобы была свобода слова, нужно, чтобы были какие-то слова. А то свобода слова есть, а слов никаких нет.

И почему-то сразу вспоминается Пушкин. Чуть что – сразу тут как тут Пушкин. Вот когда был Пушкин, никакой свободы слова не было, Пушкин был, а свободы слова не было. Наверное, это была какая-то его собственная, индивидуальная свобода слова, свойственная только ему и независимая от окружающего. Россия. Страна парадоксов.

Но это так, конечно, просто сказать – побыл хорошим человеком и хватит. Трудно сделать. В привычку, знаете, входит.

Леонид ТУЧИНСКИЙ

ЗАЛОЖНИК

Бандиты связали Семёнову ноги и руки, заклепили рот клейкой лентой, позвонили жене Семёнова и потребовали с нее тысячу баксов и две бутылки коньяка непременно армянского производства. Жена Семёнова торговаться не стала, она предложила бандитам полный комплект подписки журнала «Наука и жизнь» за 1968 год и домашние туфли, потрепанные, но еще вполне пригодные к употреблению.

Бандитов такой поворот не обескуражил. Они отыскали номер телефона директора завода, на котором Семёнов проработал старшим конструктором последние двадцать семь лет, и запросили у директора пять тысяч долларов и служебную машину с шофером до деревни Калинкино с заездом в местный сельмаг. Директор откликнулся оперативно, он тут же

связал бандитов со своим коммерческим заместителем, и заместитель директора по коммерческим вопросам немедленно удовлетворил все требования бандитов, предложив передать им на баланс немецкий шлифовальный станок фирмы «Морис», установленный в цеху как раз незадолго перед революцией 1905 года.

«Ладно», – сказали бандиты. И позвонили в мэрию. Мэру. Мэру они сказали:

– Десять тысяч «зеленых» и никакой милиции!

– Милиции не будет, – охотно согласился мэр.

Больше того, он пообещал бандитам изыскать возможность отоварить их из резервного фонда талончиками на бесплатные обеды на весь месяц в благотворительной столовой №36.

Бандиты переглянулись и посмотрели угрожающе на Семёнова. Семёнов сидел на полу со связанными ногами, поддерживая связанными руками томик писателя Пушкина, который, к счастью, был у него всегда с собой, читал его, переворачивая страницы носом.

– Ах, так! – разозлились бандиты.

Они прикинули свои возможности и набрали московский номер. Министр социального министерства, с которого бандиты запросили уже сто тысяч наличными в купюрах нового образца, сказал «да». «Конечно», – сказал министр, – Семёнова я в беде не брошу».

Министр гарантировал бандитам пятидесятипроцентную скидку при оплате жилья, льготы на аренду помещений, где они удерживали Семёнова, и бесплатный проезд в метро, если они доберутся до Москвы.

В ООН бандиты звонить не стали.

Бандиты развязали Семёнову ноги и руки, разлепили рот и стали подталкивать его к дверям. Семёнов упирался, он хотел спокойно дочитать

Рисунок С. Коркина

шестую главу и чуток вздремнуть у батареи, но бандиты есть бандиты – они безжалостно вытолкнули Семёнова на лестницу и задвинули все за-
соны.

Семёнов присел на ступеньку и стал думать.

«Дураки, – думал он. – Дилетанты. Что стоило им позвонить его дочке в город Бостон, административный центр штата Массачусетс? Перепало бы им тогда и по паре джинсов "секонд хэнд" и по открытке рождественской с музыкой. Еще бы! Дочь – она и есть дочь. Не чужая, чай».

Анатолий ТРУШКИН

ЖИВИТЕ ДЛЯ ДУШИ

История в письмах

Письмо первое. «Николай, бродяга, здравствуй! Что же ты, непутевый сын, ничего не напишешь о себе? Небось, замотался, еле языком ворочаешь? А говорил я тебе: "Не ходи в геологи, проклянешь всё". И еще на Север напросился сдуру. Чёрт тебя знает, о чём ты думаешь! Мать вот подсказывает: "Не имей сто рублей, а имей сто друзей". У нас и дядьев твоих чего только нету, а всё благодаря связям. Теперь решили жить для души, тебе рано пока об этом думать, обставься сначала.

Привет от наших, вот они все тут сидят: мать, дядя Сергей и дядя Петр.

Постскриптум. Дядя Петр завел знакомство в книжном магазине, теперь мы все с подпиской – читай не хочу!»

Письмо второе. «Николай, здравствуй! У нас горе. Дядя Петр прочитал Толстого, Тургенева, Чехова и пошел сознался в хищениях. Дали ему три года с конфискацией имущества. Теперь он будет к тебе поближе. В остальном всё без изменений. Для души решили больше не жить, здоровые уже не то. Хотим выехать на природу, прийти в себя. Мать велит передать: "Если женился, то поцелуй жену"».

Письмо третье. «Коля, здравствуй, сынок! Дядя Сережа был в запоевном лесу на озере, вернулся как с курорта – кровь с молоком. Очень ему понравилось, говорит: местность красивая, особенно закаты. Вечером сидишь у костра – тишина, рядом озеро дышит, и кажется, будто кто-то смотрит на тебя из леса, к себе манит. Рассказывал часов до шести утра, а в половине седьмого пошел сознался в махинациях. Дали ему пять лет с конфискацией имущества. Теперь он будет к тебе поближе. Остались с матерью одни. Хочется пожить для души, но как-то боязно. А так всё хорошо, всего полно.

Пиши, не забывай нас.

Постскрипум. Мать последнее время недосыпает, сторожит меня».

Письмо четвертое. «Коля, сынок дорогой, здравствуй! Какие у тебя новости? Что ищешь сейчас в недрах земли? Хорошую ты себе выбрал профессию! Я до слёз рад, Коля, что у тебя ни кола ни двора! Живи для души! Горжусь тобой, сынок, так и знай!

Привет от наших. Вот мы все тут теперь сидим: дядя Петр, дядя Сергей и я, твой отец».

Рисунок А.Василенко

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

BARBRA LOVE IS THE ANSWER

Неповторимая легенда мировой музыкальной сцены и кинематографа Барбра Стрейзанд дарит своим почитателям настоящий «зимний» альбом. Трудно поверить, что эта блистательная и в высшей степени утонченная женщина царит на Олимпе искусства уже почти полвека!

На сей раз она собрала свои любимые лирические песни и джазовые баллады сороковых – шестидесятых годов. Мы услышим знаменитые произведения Жака Бреля, Луи Бонфа, Леонарда Бернштейна, Мишеля Леграна, Джонни Мандела, Арти Батлера и др. Это абсолютно камерный, акварельно-поэтический и вокально-драматический альбом-размышление. Каждое слово, пропетое или продекламированное Барброй, отпечатано, словно вензель

на вощеной бумаге. Абсолютная музыкальность, ювелирный вкус, тончайшая фразировка, внешняя сдержанность при едва угадываемом избытке переживаемых чувств и способность тотчас вызывать в себе требуемые эмоции – вот что вновь явила эта великая актриса.

Очень нежно, как бы отстраненно и в то же время пронзительно, «с дымкой давних воспоминаний», словно обернувшись внутрь себя самой, исполнила она волшебный *Smoke Gets In Your Eyes* Джерома Керна. Впрочем, в каждой музыкальной сцене она рассказывает что-то сокровенное или пытается вызвать подобные воспоминания в слушателе.

Ее пение сопровождается замечательный живой оркестр, где на первом плане изысканно мерцает фортепиано. При прослушивании альбома возникает ощущение зримого присутствия на концерте где-нибудь в Карнеги-холл или другом феешенебельном зале. При этом личностное пространство Барбры Стрейзанд мнится абсолютно интимным, почти будничным. Этот парадокс «масштабной камерности» создает странный эффект «мировой исповедальности».

Но актриса точно знает ее меру и нигде не перехлестывает через край. Ее чувства дозированы и выверены до сотой доли градуса. И тогда при прослушивании уже седьмого трека возникает сонное состояние «дежавю», когда кажется, что всё это ты уже

где-то и когда-то слышал, переживал, а вокальные изыски и безупречное чувство звучащего слова, демонстрируемые большой актрисой, кажутся давно заученными и отлакированными до матового блеска дорогого паркета в гостиной какого-нибудь замка.

Словом, этот высокоразвитый и невероятно дорогой (по качеству) музыкальный продукт придется по душе, скорее, без меры утонченным высокоразвитым интеллектуалам. Ну а всем остальным он подойдет как великодушное успокаивающее средство в холодную погоду. Или – для сна.

BOB DYLAN CHRISTMAS IN THE HEART

Прелестный, легкий, живой, по-настоящему рождественский альбом. Традиционно хрипчатый, с чрезмерно большим количеством песка, гнусавый, будто старческий, голос Дилана воспринимается здесь как вселенская велеречивость Санта Клауса. Да, к нам приехал Дед Мороз и разбрасывает подарки в виде удивительных мелодий и таких же со-

держательных и в то же время простых стихов. Все они о добрых, волшебных историях, о счастье и любви.

Правда, великий американский поэт и бард (кстати, его настоящее имя, напомним, Роберт Аллен Циммерман) представляет в этот раз не свои композиции, а те, что написали в разное время разные авторы, посвятив их Рождеству. Но каждую из них Дилан умеет сделать потрясающе «своей» и даже, возможно, лучше, чем ее задумывали сами творцы. Диапазон исполняемого материала – от гимнических произведений, которые почему-то хочется слушать стоя (Do You Hear What I Hear?; Hark The Herald Angels Sing; Little Drummer Boy; The First Noel) до философских приджазованных и кантри-баллад (I'll Be Home For Christmas; Have Yourself A Merry Little Christmas; Here Comes Santa Claus; Christmas Island). Все дышит красотой, благозвучием, теплом и уютom.

Есть и один просто-таки феерический, темповый опус, который необыкновенно умиляет и восхищает. Это Must Be Santa, где Боба Дилану блестяще вторят мощная группа бэк-вокалистов и оборотистый аккордеон. Эта вдохновенная композиция должна особенно полюбоваться в России. Есть в ней неподдельный русский кураж и юмор.

Нельзя не насладиться и яркой, экспрессивной игрой музыкантов. Мы, помимо аккордеона, различим здесь звуки губной гармоники (любимого инструмента Боба Дилана, которым он овладел еще в двенадцать лет), гитар, фортепиано, мандолины, органа, скрипок, трубы, челесты и самой разнообразной перкуссии. На альбоме звучат только живые инструменты. Хорош, приятен для

слуха и общий саунд – он естественный, мягкий, без особых технических наворотов, и призван создать ощущение живого музицирования, как если бы музыканты устроились прямо в вашей комнате.

От альбома так и веет запахом зимы – снега, ели, мандаринов, впряженных в сани лошадей, ваты бороды Санта Клауса... Думаю, подарок Боба Дилана должен стать одной из главных звуковых дорожек нынешнего нового года.

**PATRICIA KAAS
KABARET**

Любимая российским народом французская поп-дива, «мадемуазель, которая поет блюз», предложила на сей раз не просто очередной набор новинок, а – целую эстетику. Правда, не новую, но всё же основательно подзабытую.

Кабаре! Патент на это изобретение принадлежит, несомненно, французам. В последней четверти XIX века после поражения Франции в войне с Пруссией парижская богема пребывала в состоянии апатии, крушения надежд, разочарования. Необходи-

мо было такое место, которое объединило бы художников, поэтов, певцов, музыкантов, журналистов и стало своего рода психотерапевтической клиниккой для «зализывания ран». Там они читали стихи, пели песни, рисовали с натуры, предавались возлияниям, заводили знакомства и формировали творческие альянсы...

Именно ту атмосферу и попыталась воспроизвести мадемуазель Каас. И это удалось, прежде всего, благодаря сопровождающему ее восхитительному оркестру, где так щемяще плачут скрипки, печалась о чьей-то судьбе, ведет свои неспешные, «блуждающие» переборы аккордеон, создавая прогулочный колорит сумеречных французских бульваров, похотливо, словно пьяные кошки, урчат духовые и о чём-то задумчиво ностальгирует фортепиано... Это песни декадансового, «рокового» звучания, своего рода «танго смерти», что подчеркнуто и новым имиджем певицы – почти полностью обнаженная спина, восковое лицо, взгляд с поволокой и густо намалеванные черные круги вокруг глаз. Поет она тяжело, «фатально», слегка развязно, будто под кайфом, абсолютно под стать манкомобразу падшей женщины, заполняя пространство голосом, словно сигаретным дымом.

Великолепен шансонно-музыкальный трек Kabaret, который можно воспринимать и как музыкальный аудиофильм. Особенно завораживают финальные «пьяные» вокальные эскапады Патрисии, наполненные безудержной бравадой, страстью и тоской. Манит кабареетным изяществом и La Chance Jamais Ne Dure. Не покидает ощущение, что это саундтрек какой-то старой, давно любимой трофейной ленты.

Впрочем, есть и монотонные лирические композиции-размышления в духе довольно известной в прошлом интеллектуальной французской певицы Жюльетт Греко. Это, конечно же, *Faites Entrer Les Clowns*. Здесь артистка, так же, как в треках *Une Dernière Fois* и *Solo*, предстает абсолютно камерной, мечтательной. В композиции *Je T'Aime Encore* интонации Каас воскрешают в памяти голос божественной Пиаф, а в *Mon Piano Rouge* и *Addicte Aux Heroines* — опасно-обволакивающей Аманды Лир.

Есть и еще одна звезда, чьим именем невольно освещен один из треков альбома. Это Алла Пугачёва. Патрисия давно мечтала спеть гениальный романс М. Таривердиева на стихи М. Цветаевой «Мне нравится». Конечно, «перепеть» Пугачёву невозможно в принципе, тем не менее кавер-версия Каас оказалась вполне достойной. Чувствуется, она понимает, о чём поет, и свою мысль доносит.

Увы, неудачной для конкурса «Евровидение» оказалась тяжеловатая баллада *Et S'il Fallait Le Faire*. Она слишком драматична и совсем не «хитова» по смысловому и музыкальному наполнению. Это ошибка, что певица выбрала ее для соревнования. Зато в альбоме она проходит «заподлицо». Как, впрочем, и приджазованный — непривычный для певицы — номер *September Song*.

JOHN SCOFIELD PIETY STREET

Новый замечательный альбом легендарного гитариста. Для тех, кто не гонится за модой и любит спокойные, умиротворяющие композиции, написанные и сыгранные в духе классических стандартов

джаза и ритм-энд-блюза. Вы словно погрузитесь в непринужденную атмосферу негритянских джаз-клубов тридцатых — сороковых годов прошлого века.

Альбом не чисто инструментальный, хотя здесь множество сольных гитарных партий Скофилда. Он выступает вместе со своими друзьями, не менее виртуозными музыкантами. Это John Cleary (вокал, фортепиано, орган), George Porter (бас-гитара), John Boutte (вокал), Ricky Fataar (ударные), Shannon Powell (тамбурин, барабаны). Это продукт от настоящих мастодонтов музыки. Только живые инструменты, никаких сэмплов и компьютерных обработок, от чего в последнее время мы порядком отвыкли. В целом и частностях это трепетная, честная и очень щемящая мужская музыка стопроцентной чистоты. Сегодня мы практически забыли, что такое живое творчество, вдохновение, импровизация, слаженное ансамблевое исполнение. Это действительно «улица благочестия» (так переводится название альбома).

Во многих сочинениях присутствует традиционный для классического джаза и ритм-энд-блюза

вопросно-ответный принцип построения композиций, когда певцы и музыканты вступают в своеобразную переключку-диалог. Невозможно не утонуть в мягких, глубоко волнующих модуляциях голосов вокалистов, а затем не проникнуться удивительно чуткими соло гитар и клавишных. Легкие, обволакивающие мелодии, красивые разноплановые гармонии, потрясающе мягкая «атмосферность». Словом, в эту музыку хочется закутаться, как в плед, и наслаждаться теплом и негой ее убажывающих звуков.

АНЖЕЛИКА АГУРБАШ
«ЛЮБОВЬ! ЛЮБОВЬ?
ЛЮБОВЬ...»

Эта певица до сих пор как-то недооценена у нас. Вроде как да, профессионал, поет хорошо, но чего-то не хватает – яркого репертуара, стиля... При этом рецензенты хвалят порой без меры певиц куда более скромного дарования – совсем без репертуара, при полном отсутствии голоса, слуха, манеры и... всё того же стиля. Видно, это некая кармическая ситуация, которая, бывает, складывается вокруг очень достойных людей любой профессии и

которую весьма трудно преодолеть.

Эту несправедливость в отношении Лики Агурбаш я хочу сегодня низвергнуть. Несомненно, эта певица, хоть и достаточно молодая, принадлежит старой советской эстрадной школе (Лика в прошлом солистка знаменитых белорусских «Верасов»). Когда артист не только чисто и эмоционально – «включённо!» – поет, но знает, как лучше, выигрышнее подать песню, где расставить вокальные и смысловые акценты, когда у него четкая дикция и донесено каждое слово, когда певец, наконец, просто понимает, О ЧЁМ поет. Всё это колоссальные достоинства Анжелики. У нее красивый, сильный голос, может, правда, он не сумасшедше яркий по тембру, но тем не менее вполне узнаваемый, если записи Лики слушать чаще.

Она выпустила очень приличный альбом, где есть композиции, которые раскрывают ее весьма ярко. Это не только широко раскрытая и несомненно хитовая «Роза на снегу», но и исполненная на пределе страсти «Любовь!», пронзительно-эмоциональные «Голуби», спокойно-акварельная «Слышишь, я так тебя люблю» и, конечно, жанрово-кабаретный «Милый О. О.», где артистка продемонстрировала неплохие актерские задатки – практически это феерический трюковой скетч, выброшенный словно из рукава. Кому-то, вероятно, он покажется вульгарным, дерзким, но на самом деле это только искрометный, изящно преподнесенный и к тому же блистательно-остроумно аранжированный номер.

Лика Агурбаш, безусловно, больше певица-актриса, нежели просто певица. И предтечи угады-

ваются недвусмысленно — это Алла Пугачёва и... Далида. От первой Лика унаследовала драматургическую подачу песни, от другой — умение элегантно, сдержанно и довольно «дорого» держаться на сцене. В Лике есть не только красота, но и строгость, достоинство, элегантность. То, чего сегодня на поп-сцене почти не встретишь.

Согласен, что в новом альбоме Лики присутствует некая заданность и одномерность. Но этого трудно было избежать с учетом того, что все песни написаны одним композитором — Максом Фадеевым. Естественно, все они не могут быть одинаково удачны и хороши, а тем более претендовать на звание хита. Обязательно найдется какой-то балласт. Так, абсолютно проходными стали треки «Дождями», «Почему?», «Нелюбимая», «Моя любовь» (фактически тень значительно более яркой заглавной композиции), «До свидания, Дима» (очень сильно напомнила старенькую фадеевскую «Джага-джага» из репертуара Кати Лель). Но это, повторяю, издержки производства. А в целом пластинка получилась вполне достойной.

THE BACKSTREET BOYS THIS IS US

Пятеро талантливых парней из Америки покорили публику всего мира еще тринадцать — четырнадцать лет назад, когда вышли первые два их альбома. Сегодня их осталось четверо: Ник Картер, Брайан Литтрелл, Хоуи Дораф и Эй Джей МакЛин. И хотя почти всем ребятам уже хорошо за тридцать, их творческий ресурс отнюдь не иссяк.

Недавно они представили слушателям свой седьмой сту-

дийный альбом, который без преувеличения можно считать одним из лучших в их дискографии. Здесь собраны традиционные для ВВ дэнсовые композиции в смешанной стилистике хип-хопа, r'n'b и электронного фанка. Прекрасные мелодии в сочетании с модным аранжментом, опирающимся на последние цифровые технологии обработки и записи звука, делают этот продукт желанным не только в плеерах верных поклонников группы, но и всех, кому небезразличны современные музыкальные тенденции.

Очень красиво — мягко, тембрально, воздушно, местами по-мальчишески трогательно, но всегда слаженно, «ансамблево» — звучат высокие голоса этих бравых молодцов (поют все!) Кто-то, вероятно, любит более традиционные мужские и не до такой степени вылизанные «певческие инструменты», и тогда им не стоит слушать ВВ. Здесь всё более утонченно. И не надо думать, что ВВ слушают только геи. Эти ребята поют для тех, кто хочет сохранить свежесть души, быть всегда в тонусе и не потерять вкуса к жизни. Есть чувство, будто своими голосами они перекачивают в

АННА СИЗОВА «ВРЕМЯ ПЕТРО»

слушателя силу юности, некий витальный дух. Каждая композиция «скроена и сшита» столь ладно и совершенно, будто над ней колдовал чуткий музыкальный портной с точным лекалом в руках.

Трудно выделить несколько ярких вещей: все они высокого качества, и оттого кажется, что после пятого трека начинается мучительное однообразие. Хочется разноплановости, «разностилья», но при этом понимаешь, что тогда это будет уже не ВВ.

И все же трек №1 Straight Through My Heart, звучащий сейчас на многих радиостанциях мира, настоящий хит – мелодичный, запоминающийся, с толикой легкой грусти. Лично мне нравятся также композиции Bigger и Masquerade. А самым невыигрышным представляется финальный опус. Он построен больше на голой ритмике, чем на мелодии. Это типичный номер «для ног». А в конце альбома надобно больше воздуха и души.

Молодая, но уже известная артистка из Сибири решила потратить нашим мамам и папам, бабушкам и дедушкам. Она перепела некоторые популярные песни шестидесятых – восьмидесятых годов прошлого века. Однако сказать, что с этим блестяще справилась, значит покривить душой. Это больше прилежная ученическая работа, нежели пение профессиональной певицы. Анна, увы, не до конца понимает содержание исполняемого, не всегда точно доносит смысл маленькой музыкальной миниатюры, нечетко расставляет певческие акценты или вовсе не думает об этом.

Не всегда чувствует она и песенный юмор, скрытую иронию. Например, в шлягере из репертуара Анны Герман и Сергея Никитина «Приходит время, с юга птицы прилетают...» она на полном серьезе выпевает фразу:

«Поезжай в Антарктику без лишних слов, там сейчас как раз в разгаре осень...» А осень в Антарктике, что зима, сколько там градусов – минус сорок – пятьдесят? Вот и оказалось, что при всей кажущейся легкости это отнюдь не примитивная «шлягерушка», здесь масса тонких зарисовок, важных полутонов, нюансов.

Как и во внешне миленькой, но по сути довольно глубокой песенке «Актриса» Андрея Никольского из репертуара Ирины Мирошниченко. Фраза «Театр жизнь, театр боль, в ней всегда с изъясном роль, и звучит так часто нота соль...», логичная в устах знаменитой мхатовской актрисы, в исполнении Анны приобретает легковесный оттенок, она, я бы сказал, в ее случае «не прикрыта судьбою» и оттого неубедительна. Так же как не вполне удалась молодой певице сильнейшая по драматическому накалу композиция «Вальс медсестры» Давида Тухманова, которую очень мощно спела когда-то Соня Ротару.

Не вполне удовлетворяет и качество интонирования: местами певица блуждает рядом с нужной нотой, то есть поет слегка «по соседям», прикрываясь неким по-

добием актерства, впрочем, тоже весьма хлипким.

Что же, всё так плохо? Нет, конечно. Кстати, все перечисленные недостатки выглядят особенно кричащими на фоне очень качественных, иногда просто-таки блистательных аранжировок с использованием живых гитар В. Кися и В. Канистирова, клавишных О. Кочаряна и саксофона Е. Кузнецовой. А экспрессии инструментовки должна безусловно соответствовать экспрессия вокала. К счастью, такое слияние явлено в треках «Идет, шагает», где певица довольно уверенно исполняет рок-н-ролл, «Песенка находит друзей» и «Если ты словечко скажешь мне», в которых неплохо имитирована певческая манера шестидесятых.

И самая большая удача артистки, несомненно, ее авторские песни. Здесь ей не нужно ни с кем соперничать, здесь она равна самой себе. Прелестен, в частности, ее «Вальс зимы». Миленько, вполголоса, по-рождественски, с неуловимым напоминанием о вечной рязановской «Иронии судьбы». Это тот случай, где лаконичная простота и поэтическая безыскусность ложатся, как масло на хлеб. Звонко, державно, с лихими народными интонациями написан и спет «Новый год». «Новое в новом всегда зарождается» – строчка, достойная пера настоящего поэта-песенника.

Дочерней искренностью и добротой искрится музыкальное посвящение матери. И здесь незатейливая бесхитрость изящно оправдана тематической задачей. Вполне достойна и лоскутная, на контрастах, со сменой ритма композиция «Время ретро». В общем, «предкам» должно понравиться.

Сергей СОСЕДОВ

Она собирает «золотые» и «платиновые» диски, которые вместе со сборниками составили около двадцати миллионов копий, проданных по всему миру, приводит в восторг толпы народа в возрасте от пятнадцати до семидесяти пяти лет. В юности ее избрали «голосом года», а вскоре – «голосом Франции». На родине ее любят и почитают как святыню, сентиментальные соотечественники признали ее национальным достоянием. Однако, несмотря на всеобщую любовь, у нее нет одной-единственной любви – только для нее. Потому что пение, а не любовь, как утверждает звезда шансона, – ее самая большая ценность. Как говорит

ПАТРИСИЯ КААС: «ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ – ЭТО ПЕСНЯ»

Французскую эстраду в России любят традиционно. Звучание французской речи, вернее, поэзии, к тому же положенное на красивую музыку, создает особое, ни с чем не сравнимое очарование. Поэтому у нас помнят и чтут великих Эдит Пиаф, Джо Дассена, Далиду и живых классиков французской эстрады – Мирей Матье и Шарля Азнавура. Обволакивающий голос Патрисии Каас с его неповторимыми хрипотцой и интонациями, который россияне впервые услышали двадцать лет назад в «Олимпийском», покориł их сразу и, скорее всего, навсегда. Только тогда юная француженка делала еще первые шаги на пути к славе, на московское же «Евровидение» она прибыла в ранге звезды международного уровня.

Патрисия Каас прибыла в Москву на «Евросонг» как подлинная королева бала. Нет, она не надувала важно щек и не мерила людей надменным взглядом. И даже не королевой приехала, а была принята как настоящая королева самими участниками и прессой на «Евровидении». Отдельной строкой в новостях всех агентств и сайтов вышло сообщение о самом факте приезда госпожи Каас в Москву. Ни один из участников конкурса не удостоился такого особенного внимания. На ее первую репетицию в «Олимпийском» собрались, кажется, все, кто мог, из персонала и аккредитованных журналистов. После первого же дубля номера «Et s'il fallait le faire» («И если нужно это сделать») они устроили певице восторженную овацию, хотя вопреки нынешним трендам «Евровидения» у нее на сцене ничего не двигалось и не взрывалось, не трансформировалось и не кувыркалось. Даже из глаз не стреляли электрические

молнии, а изо рта не изрыгались огненные струи. Нет, она просто стояла у микрофона и своим бесподобным баском запевала пронзительную мелодию. Настолько проникновенно, что те, кто слушал, медленно цепенели, впадая в гипнотическое состояние.

Только на последнем аккорде Патрисия сделала легкое па, словно прощалась с кем-то невидимым, тем, кому и посвящена песня, – ее маме, умершей двадцать лет назад 16 мая, в день, когда Патрисия Каас выступит на финале «Евровидения» в Москве.

Так певица нарушила собственный обет молчания: «Я никогда не пела в этот день. И если всё-таки это нужно было сделать, то нужно было сделать именно здесь, в Москве. Всё, что связано у меня с Москвой, – это особенная вещь. Именно в этом зале я впервые выступила в Восточной Европе, отсюда началась моя история взаимной любви с Россией, и по-

тому я столько раз сюда возвращалась. Я люблю Россию, Россия любит меня. И я люблю приезжать сюда. Хотя Россия – не та страна, куда ездешь зарабатывать деньги. Наоборот, когда мы устраиваем здесь концерты, это стоит денег нам самим. Но мне наплевать. Мне нравится русская публика. Ведь только в России на сцену бросают букеты цветов, как во времена Пиаф и Дитрих. Во Франции этого нет. Этого нет больше нигде. У меня есть любимые места в Москве. Люблю пообедать в одном мясном ресторанчике, погулять со своей собачкой по парку Горького, потом устроить легкий шопинг, пропустить с друзьями стаканчик-другой, сходить в гости».

Насчет «стаканчика-другого» певица не слушала. Чувствуя себя в Москве как дома, однажды ночью во время «Евровидения» она даже попала в руки сотрудников правоохранительных органов.

По словам вездесущих журналистов, гаишники не смогли пройти мимо подвыпившей певицы: милиционерам, обеспокоенным безопасностью заграничной гостьи, пришлось подвозить ее из одного клуба в другой на служебной машине с мигалками. Звезда исправно посещала каждую вечеринку «Евровидения», не отказываясь от предлагаемых «стаканчиков». Сразу после русской вечеринки Патрисия решила отправиться к Верке Сердючке на украинскую. Увы, самостоятельно передвигаться после щедрых угощений в «Евродоме» певица могла с трудом. Заметив артистку в таком состоянии около Манежа, милиционеры не смогли пройти мимо, но не стали предъявлять претензии к даме – они благородно решили помочь ей и довели ее. На вечеринке Патрисия продолжила знакомство с разными сортами русского алкоголя и вышла из клуба в пять утра...

2009 год. Москва. Пресс-конференция на «Евровидении»

Журналисты, забившие до отказа огромный пресс-центр «Олимпийского», встретили «свою королеву», как и подобает, стоя и овацией. Вопросы формулировались так, что превращались больше в комплименты, а каждый ответ сопровождался очередной овацией. Но ей не льстили, ей просто воздавали даже не за заслуги и талант, а за удивительное обаяние, ум и невероятную трогательность, которая превратила даже журналистов из отстраненных наблюдателей в пристрастных болельщиков, искренне желающих заслуженной победы потрясающей певице и женщине.

Патрисия Каас стала на конкурсе одним из двух главных объектов журналистской охоты — наряду с юным и затейливым норвежским белорусом Александром Рыбаком. Тогда все раскидывали пасьянс, чья чаша на весах перевесит — зрительского ли голосования (которое, как предсказыва-

ли, будет больше благоволить «свеженькому» норвежцу) или профессиональных жюри, которые, как считается, просто не смогли бы пройти мимо монументального великолепия французской дивы.

Теперь московское «Евровидение» уже ушло в историю. Если с выбором победителя 2009 года — Александра Рыбака — ни у кого не было серьезных сомнений, то неожиданно низкий результат мегазвезды вызвал по его окончании разочарование и многочисленные пересуды. Ее восьмое место восприняли как самую большую несправедливость. До этого по Москве пополз слухок, что организаторы телевизионного шоу, желая повысить его рейтинг, получили согласие Каас под гарантию победы, которую ей щедро пообещали. Она же только удивилась, узнав об этом: «Никаких обещаний я не получала. Я рассматривала это самое боль-

шое шоу на Земле как великолепную возможность выступить перед грандиозной аудиторией в сто шестьдесят миллионов человек. К тому же это было предложение от французского телевидения в поддержку моего нового альбома "Kabaret" и предстоящего промоушн-тура. Теперь есть и специальная "евроведийная" версия альбома с интересными видео».

По-своему зрительскую оценку можно и объяснить: она, мол, и так звезда, зачем ей нужны наши голоса, а незатейливого мальчонку хочется поддержать, вселить в него надежду на перспективное будущее. К тому же все зрители привыкли, что на подобных конкурсах поют исключительно на английском. Родной язык Каас – французский, она исполняет песни и на немецком, и на английском языках – у нее есть целый англоязычный альбом: «Но французский язык всё-таки для меня тот язык, на котором я могу пере-

дать все свои эмоции и чувства. Я не хочу и не считаю нужным прыгать от языка к языку в своем творчестве. Потом – Франция маленькая страна, у которой, как я полагаю, не так много друзей. В том смысле, что на "Евровидении" моя страна не входит в какую-то устоявшуюся группировку, где всегда голосуют друг за друга. Что касается результатов... Конечно, я ими разочарована, но... Это жизнь, и это соревнование. К тому же я получила массу поздравлений от французского телевидения, потому как их рейтинг в результате моего выступления был самым высоким за одиннадцать лет. А все билеты на мои концерты в странах моего предстоящего турне уже давно проданы. Так что есть повод не только огорчаться».

Про Патрисию Каас известно всё и почти ничего. Даже на ее родине, во Франции, папарацци не лезут ни в ее жизнь, ни в ее душу. Наверное, потому, что Патрисию здесь любят и почитают как святыню. На родине ее называют либо Мадемуазель, которая поет блюз, либо Золушкой. Это история девочки из шахтерского поселка, которой коснулась своей волшебной палочкой фея из сказок Золя (среди прочих произведений есть у Эмиля Золя роман «Жерминаль» о жизни шахтеров в девятнадцатом веке). Судьба Патрисии действительно похожа на сказку.

Всё началось 5 декабря 1966 года. В шахтерском районе на востоке Франции в маленьком домишке с розовыми стенами и черепичной крышей родилась девочка – седьмой ребенок в семье. Ее отец, француз Йозеф Каас, жил и работал в Стирин-Вендель, пригороде маленького пыльного

городишки Форбах. С тех пор как ему исполнилось четырнадцать лет, он каждый день с утра спускался в шахту для того, чтобы выйти из нее на закате, покрытым введливой угольной пылью. Но ни тяжкий труд, ни нужда не сломили его. Он был милым весельчаком и хохмачом, так что не удивительно, что у такого рубахи-парня не было отбоя от поклонниц. Редкая девчонка не заглядывалась на него, но он видел перед собой только одну – маленькую немку Ирмгард. С тех пор, как познакомился с ней на одном из гуляний, она была для него всё – это была любовь с первого взгляда. Один за другим рождались дети, а родители работали не покладая рук, чтобы обеспечить их пропитание. Но несмотря на бедность, семья была крепкой и дружной. Ирмгард загадывала: родится девочка, назову Патрисией в честь любимой актрисы Грейс Патрисии Келли.

Угловатая, дерзкая, немного

неуклюжая девочка в детстве больше походила на хулиганистого мальчишку. У певицы сохранилась фотография, на которой ей девять или десять лет: на девочке брюки в коричневую полоску и голубой свитер. Петь она начала рано. Мать была на седьмом небе от счастья, она точно знала, что дочку ждет великое будущее и, наконец, хоть кто-то из ее семьи вырвется из круга бедности. Тем более что природа наградила ребенка щедрым даром – неповторимым голосом и в придачу амбициями: «Больше всего на свете мне хотелось стать певицей, но я была страшно закомплексована из-за своей внешности. Я просто не могла представить, как буду петь перед публикой. И всё-таки, подбадриваемая и подталкиваемая мамой, я иногда осмеливалась выйти на сцену, спеть для отца и его друзей-шахтеров на каком-нибудь местном празднике.

От нашего дома до немецкой

границы было семь домов. Мы жили на улице генерала Леклерка, 42. 49-й номер был последним. Дальше был высокий забор. За забором — лес. Это была Германия. Я там часто играла. Потому что в заборе было много дырок. Мы перелезали через забор и говорили: уф-ф, теперь мы в Германии... В конце улицы, слева, был боулинг, мой папа ходил туда играть. Недалеко был маленький киоск. Когда я проходила мимо, мне говорили: спой-ка что-нибудь! Я пела, получала "колу" за это и была счастлива. Забор стоит до сих пор, киоск — тоже. А границы больше нет. Для меня уже тогда не было границ. Это была ни Германия и ни Франция. Лотарингия и Саарланд были для меня совершенно другой, моей страной.

Название моего городка произносится по-французски. Теперь я думаю на французском, хотя впервые начала учить его в школе. Мой отец был француз, но дома мы говорили на немецком, на саарбрюкском диалекте (saarbrucker platt). Это звучит примерно так: "Isch bin mied. — Я устал".

Уставал мой папа. Он проработал под землей двадцать семь лет. Домой после работы он приходил с черными кругами под глазами. Как-то раз я решила спуститься в шахту, где работал папа. Я уже всё организовала. Но в последний момент передумала. Не потому, что испугалась глубины, а потому, что побоялась увидеть место, где мой отец провел большую часть своей жизни.

Раньше мы не могли себе позволить съездить в отпуск. И в то же время у нас всегда было всего достаточно, чтобы нормально жить. Мы были счастливой семьей. У нас всегда царили честность и любовь. Сейчас я сама могу в любое время делать себе подар-

ки, потому что теперь у меня есть деньги на это. Если мне грустно, я говорю себе: куплю-ка я себе что-нибудь, и мне станет легче. Раньше всё было по-другому. Раньше были брат, мама или сестра; они просто брали меня на руки — и всё было хорошо. Мне всегда будет этого не хватать.

Моя мама часто пела дома. У нее был высокий голос, особенно если она злилась и кричала. Я бы никогда не хотела иметь такой голос. Когда я была маленькой, я выбирала себе песни, которые пели мужчины, потому что у них низкие голоса. А я хотела, чтобы мой голос звучал как можно ниже».

Еще в семь лет маленькая Пат удивляла всю семью хрипловатым голосом. Ее мать страстно любила музыку и одной из первых поняла, что у дочери — талант. Первый раз она поднялась на сцену, когда ей было восемь лет: на праздниках, конкурсах, танцах

и народных гала-балах маленькая Каас с бешеным успехом блистательно исполняла песни популярных французских певцов. Годом позже в сопровождении первого в ее жизни оркестра она совершила турне по родному краю.

В тринадцать лет Пат побеждает на конкурсе, который открыл ей двери немецкого кабаре «Румпелькаммер» («Ромовая река» в городе Саарбрюккен. О том, что в Форбахе состоится общегородской конкурс юных талантов в возрасте от четырех до четырнадцати лет, Иргмгарт узнала за несколько недель до самого конкурса. «Такой шанс выпадает нечасто, — лихорадочно думала она. — Патрисия просто обязана выступить». Недели, наполненные репетициями, пролетели незаметно. Вечером перед решающим днем в квартире Каас царила непривычная для такой многолюдной семьи тишина. Все дети притихли, боясь помешать Патрисии. Ее

красивый, сильный голос буквально наполнял маленькую квартиру и рвался ввысь, на волю, за пределы тесных комнат. Вся семья была взбудоражена. Одна только Пат сохраняла невозмутимое спокойствие. Перед сном, вглядываясь в тревожное лицо матери, она сказала не по-детски серьезно: «Не волнуйся, мама, ты хотела, чтобы я боролась. И я буду. Всё получится!»

На конкурсе выступали дети в белых рюшах и бантах: пели, танцевали, показывали фокусы — одним словом, демонстрировали свои маленькие нехитрые таланты. Ничто не омрачало торжественного спокойствия до тех пор, пока на сцену не вышел номер одиннадцать. По залу прошелеstel удивленный шепот. В программке черным по белому значилось: номер одиннадцать, Патрисия Каас, десять лет. Но вместо малышки в кружевах на сцене, нагло улыбаясь, стоял сущий чер-

тенок в полосатых мужских штанах и гигантской кепке а-ля Гаврош, лихо сдвинутой на левое ухо. Удивление увеличилось, когда чертенок хриплым, чувственным голосом на чистейшем немецком загорланил шлягер «Лили Марлен»! Это был фурор. Допев песню до конца, не обращая внимания на ошарашенную публику, Патрисия бросилась за кулисы, в объятия матери. Слова были излишни, в глазах Ирмагд Пат прочитала восхищение.

Естественно, она победила. Куда тягаться мяукавшим детишкам с голосищем Эдит Пиаф? За конкурсом незамедлительно последовало приглашение спеть на празднике пива. И Патрисия пела. Но первый, такой головокружительный для любого десятилетнего ребенка взлет оказался настоящим провалом для амбициозной Патрисии. Уже под конец праздника Пат поняла, что пьяные любители пива совершенно не обращают внимания на ее песни, их гораздо больше интересовали хмельной напиток и сальные анекдоты. На глазах выступили слезы обиды. Но... она еще целых три года, несмотря на брезгливость, выступала на праздниках пива, народных гуляньях, в ночных кабаре. Семье нужны были деньги, и Патрисия пела. Всё меньше и меньше времени оставалось на учебу. С разрешения матери она бросила школу. Так самая младшая в семье, Патрисия, по существу, превратилась в ее главу, стала основным добытчиком и кормильцем. Труд этой крохи был не легче труда ее отца-шахтера.

Когда Патрисии исполнилось тринадцать, в Форбах заехала малоизвестная немецкая блюзовая группа. Команда играла четыре танго, четыре вальса и четыре

медленных композиции. Один из братьев девочки часто ходил в клуб танцевать, а когда там объявили конкурс, он записал сестрицу в участники. Организаторы сомневались: слишком молода. Но всё же согласились пригласить ее на репетицию. Она заняла первое место: блюзмены буквально ошалели от восторга – вот это голощище, вот это талантище! Продюсер группы, не раздумывая, предложил ей контракт. И она осталась там на семь лет. Девочка зарабатывала по двести марок за вечер и ужасно гордилась этим: «Моя семья была очень большой, денег на жизнь не хватало, мы считали каждый франк, вот потому я начала так рано работать». Но амбициозная и трудолюбивая Пат давно поняла, что праздники пива – не ее уровень, а «Ромовая река» лишь трамплин для старта.

Собственно, с этого кабаре и начался путь Каас к успеху. Однажды французский продюсер Бернар Шварц, знавший весь французский бомонд как свою родню, был вынужден остановиться в Саарбрюккене проездом из Германии и забрел в клуб «Ромовая река», поскольку настолько устал, что без чашки кофе засыпал за рулем. Бернар уже собрался уходить, однако грудной, с легкой хрипотцой женский голос заставил его оглянуться на сцену и застыть в восторге. Пела Патрисия. Эта худощавая девчонка, похожая на мальчишку, спела песню Лайзы Миннелли не хуже, а даже лучше ее самой. «Боже, эта худышка, похожая на драную кошку, поет не хуже Эдит Пиаф!» — воскликнул Бернар. Сосед по столику, уткнувшийся подбородком в мотоциклетный шлем на столе, тоже не сводил глаз со сцены: «Полегче, мсье, это моя девушка. Меня зовут Кристоф, и

мы поженимся, когда она станет совершеннолетней. И она не кошка...»

После выступления Патрисия ушла в гримерку и вполуха слушала своего ухажера Кристофа. Местный парень, простой работника, был предан девушке как пес. Он самозабвенно, не замечая того, что Патрисия не слушает его, яркими красками рисовал их совместное будущее: «Когда ты станешь совершеннолетней, ждать уже недолго, мы поженимся, обзаведемся собственным жильем...» Патрисия никогда не собиралась за него замуж. Всегда знала, что достойна большего, а тогда от одиночества или от нечего делать терпеливо принимала его ухаживания. Монолог парня прервал стук в дверь. Шварцу позарез нужна была новая звезда, поскольку последний его проект с молодежной группой провалился. А вместе с этим голосистым заморышем он может добиться мно-

гого. И он прямо с порога предложил ей вместе покорять Париж. Не обращая внимания на наполненные страхом глаза Кристофа, девушка согласилась. Он казался ей волшебником, который может всё.

В Париже Шварц развил бурную деятельность. Научил её красиво двигаться, накупил модной одежды, обивал пороги студий и радиостанций. Однажды он получил приглашение на ужин в дом Жерара Депардье. Кассету он по привычке прихватил с собой и предложил всем послушать ее. Гости и хозяйка были в восторге. «Эта маленькая немошка была похожа на уличную кошечку с голосом, пронзительным, как у Эдит Пиаф, волнующим и чувственным, как у Марлен Дитрих. Жерар сразу поверил в нее и взялся профинансировать первую песню», — вспоминала Элизабет Депардье. Казалось, Каас ждет головокружительная карьера. Но ее

первый сингл «Ревнивая» не снижал особого успеха. Бернар успокаивал ее: «С таким голосом, как у Эдит Пиаф и Марлен Дитрих, ты не пропадешь. Просто тебе нужен хит». Властный и красивый Бернар казался Патрисии мужчиной ее мечты. Но ее раздражали его веселые рассказы о проделках неугомонных сынишек и о красавице жене. Патрисия целовала его при встречах, после репетиций часто предлагала остаться у нее в гостинице, а не гнать домой через весь Париж. Но Бернар словно не замечал ее чувств. Патрисия страдала и долгими ночами рыдала в казенную подушку.

Слава пришла к Каас в 1987 году, когда весь мир открыл для себя ее талант, когда Дидье Барбеливьен, очарованный ее голосом, написал для нее «Mademoiselle chante le blues» — «Мадмуазель поет блюз». С этим синглом певица познала успех, который заслуженно принес ей приз в номинации «Открытие года». Сразу же выходит альбом с аналогичным названием, который два месяца держался на втором месте в хит-параде альбомов, став таким образом «платиновым» не только во Франции, но и в других европейских странах.

В двадцать первый день своего рождения, 5 декабря, Пат впервые вышла на сцену «Олимпии», самого знаменитого зала Франции. Когда она допела последнюю песню, на нее обрушился грохот аплодисментов тридцати тысяч зрителей. А она бросилась за кулисы к своему Бернару. Уже давно она поняла, что любит его, и день успеха — самый подходящий момент, чтобы открыть ему свои чувства. Ответ любимого мужчины привел ее в шок: «Поздравляю, вы празднуйте победу,

а меня дожидается жена и сыновья». Патрисия вскочила на мотоцикл верного Кристофа и приказала гнать что есть мочи. Они попали в аварию, перевернувшись на пустынной дороге. Парень сильно пострадал, девушка отделалась переломом носа. Каас вышла из больницы совсем другим человеком. И начала новую жизнь.

Она приобрела роскошные апартаменты в престижном районе и резко изменилась внешне. Стилисты и пластические хирурги вылепили из нее обольстительную женщину: волосы слегка поблескивали платиной, густые брови стали в два раза тоньше, нос – изящнее, губы полнее и сексуальнее. Теперь вместо гадкого утенка на сцену выходила томная пантера, при виде которой у мужчин захватывало дух.

Она расторгла контракт с Бернаром. Ему пришлось пройти через суды в попытке отстоять свое имя и деньги, вложенные в певицу. Однако Шварц разорился и был вынужден сменить профессию. Так Каас, «злой ангел», как он назовет ее, отомстила ему за неразделенную любовь.

Между тем карьера Каас начинается лететь ввысь бешеными темпами. Второй альбом «Сцены жизни» выводит ее в ранг звезды международного уровня... Год за годом, альбом за альбомом, турне за турне – Патрисия покорила весь мир, а пресса взахлеб пишет о новой звезде французского шансона. Меломаны буквально сходят с ума, даже звезда французского кино, известный ловелас Европы Ален Делон из любопытства решил заглянуть на один из ее концертов: чей же голос так покорила парижан?

Когда под первые аккорды «Ма-

демуазель поет блюз» прожектор осветил на сцене Каас, Делон поймал себя на мысли, что уже давно ни одна женщина не вызывала у него такого сладкого головокружения. Патрисия не обольщалась на свой счет – «просто ему интересно со мной общаться». А он действительно полюбил свою «мадемуазель», причем так страстно и сильно, что был готов на любые безумные поступки. Когда французы выбрали Каас «голосом года», телевидение посвятило ей целую передачу. Делон вызвался быть ведущим. Но вместо того, чтобы по сценарию объявить выход певицы, он прокричал в микрофон: «Это божественно красивая женщина и великая певица. Я люблю ее!» Затем подскочил к девушке, обнял и страстно поцеловал. Весь светский Париж был в шоке – ведь дома Делона ждала беременная подруга. Патрисия испугалась, что их связь на глазах чопорной

французской публики и злоязычной прессы нанесет неоправимый удар по ее карьере. Она стала отказывать ему во встречах, отсылала обратно его букеты, не отвечала на звонки... И вскоре представила на суд публики откровенный диск «Я называю тебя на "вы"». Слова о ее любви, такой сильной, что она ее боялась, такой запретной, что она от нее отказалась, потрясли публику. Сентиментальные французы признали Каас национальным достоянием.

Патрисия была в зените славы. Однако она чувствовала, что пора сменить слишком затертое звучание ее песен. В этом ей мог помочь лишь талантливый профессионал. Ведь при всех изменениях важно сохранить узнаваемость стиля. Ей посоветовали пригласить Филиппа Бергмана, популярного бельгийского композитора. Она ждала его на одной из репетиций. Ожидала увидеть самоуверенного, самовлюбленно-

го, одетого с иголки парня – ведь он так знаменит! И вдруг увидела перед собой молодого человека с роскошной шевелюрой, обаятельным лицом и в пиджаке с оторванным рукавом, наспех пришитым черными грубыми нитками. «Филипп Бергман», – представился он и, оправдываясь, сказал, что утром случайно зацепился за торчавший из стены гвоздь и оторвал рукав. Времени купить другой пиджак не было, и он наспех пришел его тем, что попало под руку.

Две сказочных недели они гуляли в Булонском лесу, бродили по Монмартру, ходили в кино, покупая билеты в последний ряд, и... целовались. Потом Филипп улетел на родину, чтобы вернуться, как ему казалось, навсегда. Он один понимал, что за холодным взглядом этой железной женщины – страдания по-настоящему одинокого человека. Он был всегда рядом, он посвятил свою жизнь

С Джереми Айронсом в фильме
«А теперь, дамы и господа...»

ей, ее творчеству. Шесть лет он уговаривал подругу родить ребенка, мечтал иметь дом, детей, семью. Но Патрисию одолевали другие мечты, а мысли о прерванной концертной деятельности приводили ее в ужас. Она слишком долго шла к славе и не хотела уступать свое место на пьедестале кому-то другому. Бергман устал от встреч между гастрольями и стал первым мужчиной, который бросил Пат: «Эта женщина из кремня. Она одержима карьерой, болезненно относится к своему пению и не верит в мужчин. Остаться с ней и ждать чуда рождения ребенка – дело бесперспективное». Сама же Патрисиия была уверена, что верность сцене и мужчине – понятия несовместимые: «Большая любовь слишком пугает меня. Я так боюсь разбить свое сердце. Пение, а вовсе не любовь – моя самая большая ценность. Вся моя жизнь – это песня». Так Каас обрекла себя на

одинокость, от которого невозможно избавиться.

Тем не менее певица завела интрижку с партнером по картине Клода Лелюша «А теперь, дамы и господа...», где она снималась вместе с Клаудией Кардинале. Клод Лелюш, обычно не очень щедрый на похвалы, на этот раз изменил своему правилу и с восторгом отзывался о сыгравшей в его картине Патрисиии Каас. По его словам, певица, которая нигде не училась актерскому мастерству, «самый настоящий подарок судьбы».

«Патрисиия, – сказал он, – настоящее чудо, актриса, вобравшая в себя черты Марлен Дитрих и Мишель Пфайффер». И добавил: «Убежден, что ее успех у зрителей будет феноменален – или считайте, что я ничего не смыслю в деле, которым занимаюсь не одно десятилетие!» Дуэт Патрисиии Каас и ее партнера по съемочной площадке англичани-

на Джереми Айронса Клод Лелюш считает «невероятным, потрясающим» и сравнивает с легендарной парой Анука Эме – Жан-Луи Трентиньян в его давно уже ставшим классическим фильме «Мужчина и женщина». В конце съемок фильма Лелюш подарил Патрисии собачку – мальтийскую болонку, которой сам же придумал и кличку – Текила.

Лента Клода Лелюша повествует о роковой страсти битой жизнью певицы ночного марокканского кабаре к моряку с авантюрными, если не сказать больше, наклонностями, – он профессиональный вор, специализирующийся на кражах драгоценностей из ювелирных магазинов Лондона и Парижа. Роль, как перчатка, в самый раз подходила для Патрисии Каас, которая в тот момент после шести лет совместной жизни разошлась с бельгийским композитором Филиппом Бергманом. Так что для нее новое ампула стало своего рода «лекарством от любви». Хотя, как известно, нет лучшего средства от этого недуга, как новая любовь или, по крайней мере, увлечение.

По ходу съемок герои должны были обменяться пламенным поцелуем. А так как для Патрисии всё было внове, то она спросила режиссера, как ей целоваться – по-настоящему или понарошку. Тот ответил, что ей самой решать. Судя по всему, поцелуй получился. Во всяком случае, все последующие месяцы совместных съемок, будь то во Франции, Марокко или Англии, Патрисия и Джереми были вместе. О характере их взаимоотношений свидетельствуют хотя бы фото, сделанные папарацци у выхода из модной лондонской дискотеки «Чайна Уайт». На них изображена Патрисия Каас в джинсовой курт-

ке – в долгом поцелуе с английским актером.

Те прохожие, привлеченные вспышками фотокамер, которым довелось видеть эту картинку у дверей популярного лондонского ночного клуба, удивлялись – это влюбленные или снимается кино? А когда парочка сделала передышку, лондонцы ахнули: это же Патрисия Каас и Джереми Айронс – муж актрисы Шинед Кьюсак и отец двоих детей.

Дело в том, что Айронс вот уже двадцать лет женат. И хотя его супруга, по ее собственному признанию, «обладает широкими взглядами» на отношения партнеров, работающих над фильмом, ей вряд ли пришлось по душе затянувшийся альянс между супругом и француженкой. Так что Патрисия, заявив на страницах популярного еженедельника о том, что между ней и Айронсом «ничего нет», просто пыталась потушить назревающий скандал. Впрочем, дальше поцелуев дело не пошло: разве кому захочется рисковать своим счастьем из-за женщины, готовой ради карьеры отказаться от всего, в том числе и от настоящего чувства?

Патрисия не считает себя суперзвездой, так как суперзвезды создают большие контракты, а она выбрала свободу. У нее собственная маленькая студия «Ноты блюза». «Свобода не приносит прибыль, зато необходима для выбора песен. Директора студий думают о коммерческом успехе, а не о карьере певицы. Я же хочу, чтобы у меня была карьера». «Я всегда буду петь», – сказала она, расставаясь с Филиппом Бергманом. И вряд ли Каас уже сумеет изменить что-то в своей судьбе.

**Подготовил
Ник. КЕДРОВ**

Патрисия
КААС